

ISSN 3034-3364 (Print)
ISSN 3034-3356 (Online)

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 3 / 2026

ООО «Наука и образование»
ФГКВОУ ВО «КВВАУЛ им. А.К. Серова» МО РФ

16+

ИСТОРИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание

www.social-economic.ru

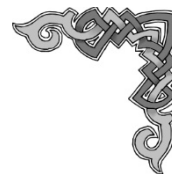

№ 3
2026

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание / Online edition

№ 3 от 25.09.2026

Выходит 4 раза в год

www. social-economic.ru

Основан в 2019 г.

ISSN 3034-3364 (Print) ISSN 3034-3356 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «История. Культурология. Политология» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-79416 от 13 ноября 2020 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
Договор № 453-12/2019

(до 30.10.2024 г. наименование в Перечне «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политология» ISSN 2686-8350)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ.

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Медведев Валерий Иванович – доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника по учебной и научной работе, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК: *Шелкова Елена Андреевна*

КОРРЕКТОР: *Попов Михаил Юрьевич*

УЧРЕДИТЕЛЬ (СОУЧРЕДИТЕЛИ): ООО «Наука и образование; Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6.

Тел/whatsapp: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF:

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Valery I. Medvedev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov;

Valery V. Kasyanov – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism, Kuban State University.

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

FIRST: *Elena A. Shelkova*

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

THE MURDERERS (CO-FOUNDERS): LLC «Science and Education; Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education «Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: AND PUBLISHER:

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, lane Narodny, 2/1, of. 6.

Tel./whatsapp: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнополитологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Заместитель председателя редакционного совета:

Савеленко Вячеслав Михайлович – генерал-майор авиации в отставке, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова.

Члены редакционного совета:

Азизова Наиля Руслановна – доктор культурологии, руководитель учебно-методического отдела ООО ДПО «Университет профессионального стандарта»;

Антонович Иван Иванович – Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посол, Республика Беларусь;

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Грошев Роман Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitology, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of improving the efficiency of state and Municipal management.

Deputy Chairman of the Editorial Board:

Vyacheslav M. Savelenko – retired Major General of Aviation, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov.

Members of the Editorial Board:

Naila R. Azizova – Doctor of Cultural Studies, Head of the Educational and Methodological Department of DPO «University of Professional Standards» LLC;

Ivan I. Antonovich – Honored Scientist of the Republic of Belarus, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Republic of Belarus;

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociology, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Regionalism and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Viktor Zbigniew – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies, Tyumen Industrial University;

Roman V. Groshev – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State and Political Science, Adygea State University;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии, Институт социологии Федерального центра научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российская таможенная академия (Ростовский филиал);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Мартыненко Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Ницевич Виктор Францевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры, Московский политехнический университет;

Ратушняк Валерий Николаевич – Заслуженный деятель науки РФ, Герой труда Кубани, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Токтосунова Адаш Искандеровна – доктор политических наук, профессор, проректор по учебной работе Восточного университета им. Махмуда Кашгари, председатель общественной организации «Диалог культур и цивилизаций», Республика Кыргызстан;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Sciences, Head of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Natalia V. Kiseleva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Sergey A. Kislitsyn – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management, Branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, N.P. Ogarev Mordovian State University;

Vladimir V. Martynenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Viktor F. Nicevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department, Moscow Polytechnic University;

Valery N. Ratushnyak – Honored Scientist of the Russian Federation, Hero of Labor of Kuban, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Institute for Interdisciplinary Studies of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics;

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs of the Eastern University. Mahmuda Kashgari, Chairman of the public organization «Dialogue of Cultures and Civilizations», Republic of Kyrgyzstan;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Краснодарский университет МВД России;

Чимаров Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Peter Ya. Tsitkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Technologies, Southern Federal University;

Tatyana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sergey Yu. Chimarov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Галиуллин И.Р.</i> Детские исправительные учреждения конца XIX – начало XX веков в России (по материалам журнала «Тюремный вестник»)	13
<i>Гурбич Г.И., Степанченко Е. Н., Юрченко М.А.</i> Деятельность Кубанского медицинского общества и Российского общества Красного креста в 1920–1922 гг.	19
<i>Егоров К.А.</i> Аграрный сектор Российской Федерации в условиях социальной трансформации 1990-х гг.	27
<i>Калмыкова М.В.</i> «Nouvelle cuisine» как феномен культурной и социальной трансформации Франции 1970-х годов	32
<i>Касьянов В.В.</i> Проблемы формирования и сохранения исторической памяти у современной российской молодежи о Великой Отечественной войне	39
<i>Кореньков С.В.</i> Архангельский совнархоз: дискуссия о создании и борьба за предприятия	47

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Анисина Е.А., Соловьев А.В.</i> Актуализация городского культурного наследия на примере проекта «Молодежная творческая мастерская Родзевича»	55
<i>Ольховская Е.С.</i> Севастопольский академический театр танца имени Вадима Елизарова: феномен художественного синтеза в контексте развития отечественного хореографического искусства	62
<i>Чэн Лян</i> Принцип середины в «Хуанди Нэйцзин» как основа здорового образа жизни	67
<i>Шефель С.В.</i> Труд как экологичная социокультурная ценность	73

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Аверин А.Н., Понеделков А.В., Томазов М.А.</i> Обеспечение национальной политики российского государства	81
<i>Вакула И.М., Томазов М.А.</i> Энергетическая дипломатия Саудовской Аравии в условиях глобального энергетического перехода	88

<i>Попов М.Ю., Лубский Р.А., Бандурин В.А., Северин И.В., Бандурина М.В.</i>	
Коррупция и русофобия как инструменты идеологии коллективного Запада в его цивилизационном противостоянии с современной Россией	96
<i>Пусько В.С.</i>	
Региональная безопасность как фактор развития субъектов Российской Федерации	107

CONTENTS

HISTORY

<i>Ilshat R. Galiullin</i> Child correctional institutions in Russia in the late 19th and early 20th centuries (based on the materials of the jurnal «Prisoner's news»)	13
<i>Galina I. Gurbich, Ekaterina N. Stepanchenko, Maria A. Yurchenko</i> The activities of the Kuban Medical Society and the Russian Red Cross Society in 1920–1922	19
<i>Kirill A. Egorov</i> The agricultural sector of the Russian Federation in the context of the social transformation of the 1990s	27
<i>Marina V. Kalmykova</i> Nouvelle cuisine as a phenomenon of cultural and social transformation in France in the 1970s	32
<i>Valery V. Kasyanov</i> The challenges of shaping and preserving the historical memory of modern Russian youth regarding the Great Patriotic War	39
<i>Sergey V. Korenkov</i> The Arkhangelsk Sovnarkhoz: Debate Over Its Creation and the Struggle for Enterprises	47

CULTURAL SCIENCE

<i>Elena A. Anisina, Alexander V. Solovyov</i> Actualization of urban cultural heritage on the example of the Rodzevich Youth Creative Workshop project	55
<i>Elena S. Olkhovskaya</i> Sevastopol Academic Dance Theater named after Vadim Elizarov: the phenomenon of artistic synthesis in the context of the development of Russian choreographic art	62
<i>Cheng Liang</i> The principle of the middle way in the huangdi neijing as the foundation of a healthy lifestyle	67
<i>Sergey V. Shefel</i> Labor as an ecological socio-cultural value	73

POLITICAL SCIENCE

<i>Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Mikhail A. Tomazov</i> Ensuring the national policy of the Russian state	81
<i>Ivan M. Vakula, Mikhail A. Tomazov</i> Saudi Arabia's energy diplomacy in the context of the global energy transition	88

Mikhail Yu. Popov, Roman A. Lubsky,

Vitaly A. Bandurin, Igor V. Severin, Maria V. Bandurina

Corruption and Russophobia as a tool of the ideology of the collective West
in the civilizational confrontation with modern Russia 96

Vitaly S. Pusko

Regional security as a development factor subjects of the Russian Federation 107

ИСТОРИЯ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-4>
УДК 930.2

Attribution

cc by

ДЕТСКИЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ТЮРЕМНЫЙ ВЕСТНИК»)

Галиуллин И.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов официального органа Главного тюремного управления Российской империи журнала «Тюремный вестник» о детских исправительных учреждениях страны. В журнале публиковались основные законы, циркуляры, распоряжения тюремного ведомства, также обсуждались наиболее острые социальные и общественные вопросы. В работе анализируется правовое и социальное положение несовершеннолетних преступников в дореволюционный период и, прежде всего, отношение государства и общества к проблемам связанным с детской преступностью. В том числе, создание детских исправительных колоний и приютов во второй половине XIX века. При работе использован принцип историзма, сравнительно – исторический, логический метод, источниковедческий анализ и синтез.

Ключевые слова: дети, исправительные учреждения, история, тюрьма, Российская империя.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CHILD CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE JURNAL «PRISONER'S NEWS»)

Ilshat R. Galiullin

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article is devoted to the analysis of materials from the official organ of the Main Prison Administration of the Russian Empire, the journal Prison Bulletin, on children's correctional institutions in the country. The magazine published basic laws, circulars, orders from the prison department, and discussed the most pressing social and community issues. The paper analyzes the legal and social status of juvenile delinquents in the pre-revolutionary period. First of all, the attitude of the State and society towards problems related to child crime. This included the creation of children's correctional colonies and orphanages in the second half of the 19th century. The work uses the principle of historicism, comparative historical, logical method, source analysis and synthesis.

Keywords: children, correctional institutions, history, prison, the Russian Empire.

Funding: Independent work.

Введение.

В России основные исследования по детской преступности начали публиковаться во второй половине XIX века в связи с проведением тюремной реформы. Это исследования Д.Г. Тальберга «Исправительные приюты и колонии в России» [1], В.Н. Никитина «Тюрьма и ссылка» [2], А.М. Богдановского «Молодые преступники: вопрос уголовного права и уголовной политики» [3] и др. Особо следует выделить сборник статей под редакцией известного исследователя истории тюрем дореволюционной России М.Н. Гернета «Дети преступники», который написан на

основании статистических источников и судебно-следственных дел [4].

В годы советской власти М.Н. Гернет продолжил работу в архивах и в результате было опубликовано пятитомное фундаментальное исследование «История царской тюрьмы», где есть разделы посвященные и детской преступности [5].

Из современных исследователей следует отметить:

— работу И. В. Синовой о быте воспитанников благотворительных заведений Санкт-Петербурга [6];

© Галиуллин И.Р.

— анализу роли общественности в тюремных преобразованиях в XIX веке посвящена статья Л.И. Беляевой [7];

— организация деятельности детских приютов при тюрьмах, на примере Красноярского края, рассматривается в работе П.В. Лапо и Т.А. Катциной [8] и др.

Таким образом, в дореволюционный период исследованиями по детской преступности в России, в основном, занимались юристы. В последние годы появилось не мало исторических работ, посвященных истории детских исправительных учреждений. К сожалению, на данном этапе, тема остается все-таки мало изученной. Поэтому актуальным является анализ материалов журнала «Тюремный вестник» как важного источника по истории детских исправительных приютов и колоний Российской империи.

Обсуждение и результаты.

В российском законодательстве до XVIII века отдельно не предусматривались наказания для несовершеннолетних преступников. Впервые об ответственности детей за совершенные преступления содержится в указе Сената от 23 августа (по старому стилю) 1742 года. Поводом к его изданию стало дело об убийстве 14-летней Прасковьи Федоровой двух крестьянских детей. Указ Сената постановил, что уголовная ответственность начинается с 17 лет, дети не могут быть «подвергнуты ни пытке, ни сечению кнутом, ни смертной казни». Наказания заменялись «сечением плетью и отдачею в монастырь», где они должны были трудиться «чтобы они никогда праздны не были». За мелкие преступления детей часто вообще не привлекали к ответственности [9, с. 10]. В 1744 году на основании дела Прасковьи Федоровой был составлен еще один совместный указ Сената и Синода, по которому малолетними признавались дети до 12 лет. С этого возраста предписывалось поступать «по государственным правам и указам» [9, с. 11].

Таким образом, эти указы противоречили друг другу и вносили путаницу в судопроизводство.

Упорядочение и систематизация законодательства России произошло при Екатерине II. Был издан указ определяющий порядок ответственности для несовершеннолетних преступников. До 10 лет дети не могли быть подвергнуты наказанию и переданы суду. Наказания за тяжкие преступления начиналась с 14 лет. Детей от 14 до 17 лет освобождали от телесных наказаний, но не от каторги, хотя сроки могли и сократить по решению суда. За мелкие преступления в виде наказаний детям от 10 до 15 лет применяли розги, старших 15 лет секли плетью [9, с. 12]. В «Наказе» (1767) Екатерины II впервые был затронут вопрос о необходимости отделить взрослых заключенных от малолетних. Несовершеннолетние заключенные так называемые «юные сидельцы» содержались в одинаковых условиях со взрослыми преступниками [10, с. 416].

Судьба детей-заключенных заинтересовала в начале XIX века основателя «Общества для улучшения порядка в тюрьмах и исправления преступников» («Попечительное о тюрьмах общество», 1819) англичанина Вальтер Веннинга. Он добился разрешения императора Александра I на осмотр тюрем столицы. Во время одного из посещений петербургских мест заключения в сырых казематах Управы Благочиния он нашел четырех мальчиков среди двадцати шести мужчин. В «Донесении о состоянии тюрем и прочих мест заключения в Петербурге» (1818) Вальтер Веннинг писал, что в одной комнате содержалось «до ста человек, которым было негде прилечь ни днем, ни ночью» [2, с. 12].

Улучшение участи несовершеннолетних преступников, как раз связано с деятельностью «Попечительное о тюрьмах общества». В 1820 году петербургский комитет общества постановил: «арестованных малолетних отделить от взрослых, учить грамоте и легкой работе» [2, с. 280]. В остальной части огромной Российской империи все оставалось без изменений. На детей в тюрьмах не запрещалось надевать разные оковы «для большей безопасности от побега» [10, с. 417].

В Российской империи существовали не только государственные, но и помещичьи тюрьмы. До отмены крепостного права суд над крестьянами был в руках помещиков. В 1846 году правительство на законодательном уровне подтвердило право помещика ссылать своих крепостных в Сибирь на поселение, бить палками и розгами и сажать в свои помещичьи «сельские тюрьмы». Определен был срок такого заключения в два месяца. По Уложению о наказаниях 1846 года заключение должно было происходить по общим правилам, предписанным для тюрьмы. Помещики имели неограниченную власть над крепостными крестьянами, поэтому эти правила редко соблюдались. Таким же наказаниям подвергались и несовершеннолетние. В своей монографии «История царской тюрьмы» М.Н. Гернет описывает несколько случаев жестокого обращения с детьми со стороны помещиков. Их заковывали в кандалы, бросали в подземную тюрьму, морили голодом. В 1858 году помещик Загорский решил наказать 13-летнего крепостного дворового мальчика сажая в печь, где находились раскаленные уголья. «Вина мальчика заключалась только в том, что он тратил на еду больше времени, чем это хотелось помещику» [5, с. 4–6].

Несовершеннолетних арестантов, приговоренных каторге и ссылке в Сибирь, продолжали заковывать даже при правлении Александра II. В.Н. Никитин в работе «Тюрьма и ссылка» приводит в пример с заключенным 16-летним Василием Катковым. 16 июля (по ст. стилю) 1874 года его закованного в кандалы доставили из Пскова в Петербургскую пересыльную тюрьму за кражу. Петербургское губернское правление отказалось расковать Каткова «по несовершеннолетию», потому что он уже считался ссыльным. В даль-

нейшем, под давлением общественности все-таки было принято решение «что несовершеннолетних ни в коем случае заковывать не следует» [2, с. 126–128].

Исправительные приюты и колонии для малолетних преступников в России появились лишь во второй половине XIX века. Впервые о специализированных учреждениях, куда должны были помещаться несовершеннолетние преступники было упомянуто в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года [5, с. 4–5]. При обсуждении судебных уставов была высказана мысль: «что по особым свойствам детского возраста, применение к малолетним общих видов наказаний представляется или совершенно невозможным или ведущим к положительному вреду» [9, с. 13].

В 1866 году был принят специальный закон, который устанавливал общие правила детских исправительных приютов и колоний в России. Правительство рассчитывало на активное участие общественности в создании таких «богоугодных заведений» [1, с. 4].

С середины XIX века в России меняется отношение к людям, нарушившим закон и все чаще поднимаются вопросы, связанные с предупреждением преступлений. Особенно остро стояла проблема детской преступности. Известный юрист Д.Г. Тальберг писал: «Следует признать относительно малолетних преступников, характер которых не успел еще выработаться, окончательно сложиться, а порочные наклонности и привычки не успели еще окрепнуть и развиться настолько, чтобы общество потеряло надежду на возвращение их к обычным занятиям мирных граждан» [1, с. 2]. По его мнению, основная причина детских преступлений в «особенностях окружающей среды». Прежде всего, это связано с аморальным поведением родителей, нищетой, с отсутствием воспитания и образования [16, с. 3]. В местах лишения свободы дети попадали в преступную среду, и за тюрьмами в России «давно установилась репутация как школы преступности и разврата», и чтобы избежать рецидивов детской преступности необходимо заниматься воспитанием и образованием подрастающего поколения в специализированных учреждениях [10, с. 413].

Первые исправительные учреждения в России для малолетних преступников были созданы в Москве (1864) и Петербурге (1870). К 1878 году по всей стране их было уже 14. Для огромной Российской империи такого количества колоний и приютов было недостаточно. Например, по данным Д. Г. Тальберга, в Англии их насчитывалось более 400 [1, с. 4], по другим данным в этой стране насчитывалось 200 детских учреждений, рассчитанных на 30 тысяч детей. В Англии «особые агенты» выискивали беспризорных, брошенных детей и устраивали в приюты.

В дореволюционной России отсутствовало само понятие «профилактика детской преступности» [11, с. 134].

В 1890–е годы создаются исправительные учреждения для несовершеннолетних во многих губерниях России. К 1893 году их было уже 21. Кроме исправительных приютов и колоний создаются различные общества ремесленных приютов и земледельческих колоний [12, с. 117–118]. Уставы, отчеты детских колоний и приютов публикуются в «Тюремном вестнике». Одним из первых в 1893 году был опубликован устав «Уфимского общества ремесленных приютов и земледельческих колоний», хотя само общество было создано лишь в 1897 году. Цель общества: «содействовать нравственному исправлению несовершеннолетних обоего пола». Также в приют предполагалось принимать, при наличии свободных мест, беспризорных, нищих, детей арестантов и ссыльных [13, с. 1]. Большинство исправительных учреждений были предназначены только для мальчиков, приютов для девочек было мало. Например, в Саратовском учебном – исправительном приюте (1873) содержали мальчиков и девочек. Следует выделить приют, открытый в селе Большево в Московском уезде (1874) и Варшавским обществом земледельческих колоний в усадьбе Пуцца под Варшавой (1891) [14, с. 19–22]. Большевский приют был предназначен «для нищенствующих девочек», хотя туда принимали и осужденных девочек по приговорам Московского окружного суда за «нищенство» и за кражи. Из-за отсутствия специализированных учреждений для несовершеннолетних женского пола осужденные девочки оставались в тюрьмах, потому что по закону малолетних преступников можно было отдавать в приюты только «в тех местах, где учреждены исправительные приюты» [15, с. 178]. В редких случаях их отправляли в женские монастыри. Мужские и женские монастыри в России часто служили местом тюремного заточения. Женщин заключали в Московский Ивановский монастырь, Новодевичий и Вознесенский. Содержание арестантов и конвоя оплачивало государство [16, с. 176]. В какие монастыри отправляли девочек «преступниц», точно не известно. Проблема заключалась в том, что в монастырях отсутствовал контроль со стороны правоохранительных органов и монахини часто сами не знали, что они должны делать с такими детьми [15, с. 178].

В 1893 году был принят закон, по которому осужденных девочек разрешалось пересылать в специализированные исправительные учреждения. В обществе эту меру посчитали не гуманной, потому что детей разлучали с родителями, разрывались семейные связи. В статье «Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола» анонимный автор предлагал привлекать к созданию приютов для девочек дамские комитеты «Попечительного о тюрьмах общества». Дешевле было открывать отделение для девочек уже при существующих мужских приютах для несовершеннолетних [15, с. 183]. Осужденные девочки вызвали больше сострадания и сочувствия, чем мальчики, так как, девочки могли отступить и начать «торговать собой». По отчету Петербургского детского суда за 1910 год 10 %

всех девочек, представших перед судом, занимались проституцией [17, с. 367]. По данным известного юриста А.Ф. Кони, в Одессе 10 % всех проституток города составляли дети от 12 до 15 лет [17, с. 372]. В России, на начало XX века, существовал только один приют, специально предназначенный для детей проституток — отделение для несовершеннолетних Петербургского «Дома Милосердия». Туда направляли девушек до 16 лет по решению врачебно-полицейского комитета, совета «Дома милосердия», благотворительного общества при Калининской больнице (венерологическая клиника) и по просьбе родителей девушек. Небольшой приют «Святой Марии Магдалины» был и в Москве, куда принимали девушек по желанию и всех возрастов [17, с. 380]. Создание приютов проблему детской преступности и проституции не решала. Общественность без поддержки государства справиться с детской преступностью, как с социальным явлением не могла.

В отчетах ремесленных приютов и земледельческих колоний часто встречаются записи о тяжелом финансовом положении детских исправительных учреждений со следующими формулировками «должность младшего воспитателя вследствие недостатка средств не замещена», «Правление общества постановило уменьшить отпуск дорогих продуктов, а именно мяса и пшеничной муки на пироги» и др. [11, с. 133]. Например, в Симбирском исправительном приюте летом дети вставали в 5 утра занимались учебной и трудовой деятельностью, на завтрак в 8 часов давали только чай. Нормально дети ели два раза в день, в обед (12 ч.) и на ужин (20 ч.). В основу воспитания был положен «трудовой режим». Дети проходили курсы садоводства, огородничества, пчеловодства, работали в столярной и сапожной мастерской. У приюта были финансовые трудности, поэтому автор статьи М. Беклешов «Русские воспитательно — исправительные заведения для несовершеннолетних» пожелал руководству найти новые источники финансирования, чтобы «пищевой режим (мясо, мука) восстановить в прежнем количестве». На улучшение материального положения приютов, по мнению автора, был направлен и новый закон «Положение о воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних» от 19 апреля 1909 года (по ст. стилю). Правительство предполагало увеличить вдвое финансирование «на продовольствие, а также на обмундирование и постельные принадлежности» [11, с. 147]. По данным Главного тюремного управления, общества, которые управляли исправительными учреждениями для несовершеннолетних, не были бедными. Например, на 1909 год все 47 детских приютов и колоний владели недвижимостью на 2 миллиона и капиталами на 854,795 тысяч рублей. Это были пахотные земли, луга, сады, огороды, мастерские, жилые помещения. Детским учреждением управлял директор и правление, были действительные и почетные члены общества, учителя, воспитатели и другой обслуживающий персонал [11, с. 135–136]. В отчетах

не всегда указываются точные сведения по зарплате. В 1882 году Д.Г. Тальберг приводил данные по московскому городскому Руковишниковскому исправительному приюту. Директор в год получал 2 тысячи рублей, его помощник 900, а воспитатели 750 руб. [1, с. 9]. В 1910 году в Киевской исправительной колонии сапожный мастер в год получал 600 рублей, а столярный 420 руб. и плюс проценты «из чистого дохода» по мастерской [11, с. 136–137]. Для сравнения средняя пенсия тюремного надзирателя в год была 90 рублей. Н. Васильев, автор статьи, «К новому закону о надзирательских пенсиях» считает, что этой суммы вполне достаточно, чтобы «тюремный стражник в возрасте приблизительно 55–60 лет в состоянии будет прокормить себя с семейством, где ни будь на дешевых харчах, не нуждаясь в беспрерывном, успешном труде» [18, с. 93]. На самом деле, семья жила на 8–9 рублей месяц на грани нищеты.

В приюты и колонии попадали дети уже с имеющимися «пороками». Многие пили и курили. В детских исправительных учреждениях курить было запрещено. Но, были и исключения. Костромской ремесленно — исправительный приют не только разрешал курить воспитанникам, также каждую неделю покупал 1/8 фунта табака на каждого курильщика [11, с. 136–137]. По мнению М. Беклешова, в приютах и колониях было больше детей рабочих, чем крестьян, и они меньше поддавались перевоспитанию [11, с. 140]. На 1910 год в России насчитывалось 47 детских исправительных приютов и колоний, рассчитанных на 1700 детей. Они могли принять только 11 % осужденных детей. Остальные направлялись в арестные дома и тюрьмы, в которых содержались взрослые преступники [11, с. 150].

С детьми в приютах занимались, обучали ремеслу и устраивали праздники. Один из таких праздников на средства благотворителей, встреча Нового 1895 года, устроили детям в Одесском исправительном приюте. Праздник начался с пения «русского» гимна, с речью выступил директор приюта Ф.Г. Савенко, высказал «благие пожелания» и «сравнил их прошлую жизнь с тем, что предстоит им еще испытать». Дети пели песни, играли в беспроигрышную лотерею. В подарок все получили ткани для рубашек, лакомства и книги. Новогодняя ёлка была устроена на средства меценатов [19, с. 192]. В основном, именно благотворительные организации и частные лица оказывали помощь несовершеннолетним детям.

Заключение.

Таким образом, в ходе судебной реформы 1864 года произошли серьезные изменения в судопроизводстве с участием несовершеннолетних преступников, были созданы детские исправительные учреждения. Изменилось отношение российского общества к детям, нарушившим закон. Детская преступность была признана как

социальное явление. Но, проблемы, связанные с детской преступностью на начало XX века в Российской империи, не были решены. Прежде всего, не хватало государственной поддержки и финансирования детским исправительным учре-

ждениям и благотворительным обществам, которые занимались не только воспитанием, но и решением проблем рецидива детских преступлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Тальберг Д.Г. Исправительные приюты и колонии в России. СПб. : Тип. В.С. Балашова, 1882. 63 с.
2. Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. СПб. : Тип. Г. Шпарват., 1880. 674 с.
3. Богдановский А.М. Молодые преступники: вопрос уголовного права и уголовной политики. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1871. 301 с.
4. Дети преступники. М. : Культура, 1912. 550 с.
5. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. II. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 478 с. EDN: ZJORZH
6. Синова И.В. Быт и питание воспитанников благотворительных заведений для детей Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 480–496. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-480-496 EDN: JQZUSO
7. Беляева Л.И. Роль общественности в тюремных преобразованиях XIX в. в России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1(53). С. 5–19. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-1-5-19 EDN: UNPPNM
8. Лапо П.В. Организация деятельности детских приютов при пенитенциарных учреждениях Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Красноярского приюта для арестантских детей) / П.В. Лапо, Т.А. Катцина // Bylye Gody. 2022. № 17(4). С. 1744–1752. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1744 EDN: TYDMJT
9. Гуревич С.А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети преступники. М. : Культура, 1912. С. 7–20.
10. Всесвятский П.В. Несовершеннолетние в тюрьме // Дети преступники. М. : Культура, 1912. С. 413–427.
11. Беклешов М. Русские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1910. № 1. С. 131–150.
12. Разные известия // Тюремный вестник. 1893. № 3. С. 116–118.
13. Устав Уфимского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов // Тюремный вестник 1893. № 5. С. 1–11.
14. Белова Н.И. Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX – начале XX века // Ведомости уголовно-исправительной системы. 2021. № 1. С. 18–30. DOI: 10.51522/2307-0382-2021-224-1-18-30 EDN: HXOEMC
15. Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 178–183.
16. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941. Т. 1. 247 с. EDN: WRJAFR
17. Гальперина В.И. Проституция детей // Дети преступники. М. : Культура, 1912. С. 367–380.
18. Васильев Н. К новому закону о надзирательских пенсиях // Тюремный вестник. 1893. № 3. С. 87–96.
19. Исправительные заведения для несовершеннолетних и приюты для арестантских детей // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 192–202.

References:

1. Talberg D.G. Correctional shelters and colonies in Russia. SPb. : V.S. Balashov's Printing House, 1882. 63 p.
2. Nikitin V. N. Prison and Exile. St. Petersburg: G. Shparvat's Printing House, 1880. 674 p.
3. Bogdanovsky A.M. Young Offenders: a Question of Criminal Law and Criminal Policy. SPb. : Typ. A. Morigerovskogo, 1871. 301 p.
4. Children as criminals. M. : Kul'tura, 1912. 550 p.
5. Gernet M. N. History of the Tsarist Prison. M. : Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1946. Vol. II. 478 p. EDN: ZJORZH
6. Sinova I.V. Everyday Life and Nutrition of Inmates of Charitable Institutions for Children in St. Petersburg in the Mid-19th – Early 20th Centuries // Scientific Dialogue. 2022. Vol. 11. № 10. P. 480–496. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-480-496 EDN: JQZUSO
7. Belyaeva L.I. The Role of the Public in Prison Reform in 19th-Century Russia // Penitentiary Science. 2021. Vol. 15. № 1(53). P. 5–19. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-1-5-19 EDN: UNPPNM

8. Lapo P.V. Organization of the activities of children's shelters under penitentiary institutions of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. (using the example of the Krasnoyarsk shelter for prisoner children) / P.V. Lapo, T.A. Katsina // *Bylye Gody*. 2022. № 17(4). P. 1744–1752. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1744 EDN: TYDMTJ
9. Gurevich S.A. The Responsibility of Young Criminals under Russian Law // *Children as Criminals*. M. : Culture, 1912. P. 7–20.
10. Vsesvyatsky P.V. Minors in Prison // *Children as Criminals*. M. : Kul'tura, 1912. P. 413–427.
11. Bekleshov M. Russian Educational and Correctional Institutions for Minors // *Tyuremny Vestnik*. 1910. № 1. P. 131–150.
12. Various News // *Tyuremny Vestnik*. 1893. № 3. P. 116–118.
13. Charter of the Ufa Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters // *Prison Herald*. 1893. № 5. P. 1–11.
14. Belova N. I. Educational and Correctional Institutions for Female Minors in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century // *Bulletin of the Penal Correction System*. 2021. № 1. P. 18–30. DOI: 10.51522/2307-0382-2021-224-1-18-30 EDN: HXOEMC
15. Correctional shelters for female minors // *Prison Bulletin*. 1895. № 4. P. 178–183.
16. Gernet M. N. The History of the Tsarist Prison. M. : Legal Publishing House of the NKYu USSR, 1941. Vol. 1. 247 p. EDN: WRJAFR
17. Galperina V.I. Prostitution of Children // *Children as Criminals*. M. : Culture, 1912. P. 367–380.
18. Vasiliev N. On the New Law on Warden's Pensions // *Prison Herald*. 1893. № 3. P. 87–96.
19. Correctional Institutions for Minors and Orphanages for Prisoner's Children // *Prison Herald*. 1895. № 4. P. 192–202.

Информация об авторе

Галиуллин Ильшат Рустемович

аспирант кафедры отечественной истории
и архивоведения,
Институт международных отношений,
истории и востоковедения,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
galiullinir@mail.ru

Ishat R. Galiullin

Postgraduate Student of the Department
of Russian History and Archival Science,
Institute of International Relations,
History and Oriental Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University
galiullinir@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-5>

УДК 61(091):470.620

Attribution

cc by

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУБАНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБЩЕСТВА И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В 1920–1922 гг.

Гурбич Г.И., Степанченко Е.Н., Юрченко М.А.

Кубанский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. Целью данного исследования выступает изучение исторического опыта в борьбе с эпидемиями, рассматривается изменение системы здравоохранения в 1920–1922 гг. на Кубани, а точнее будет сказать её формирование. Основным методом является анализ архивных документов личного архива первого ректора Кубанского медицинского института, преобразованного из факультета в 1921 г., Н.Ф. Мельникова – Разведенкова, внесшего огромный вклад в развитие медицины прошлого века. Благодаря самоотверженности врачей, были побеждены многие заболевания того времени: холера, тиф, приостановлено распространение туберкулеза, сократилось число заболевших. Активно развивалась научно-просветительская сфера, организованы Комиссии для борьбы с голодом, антисанитарией, заболеваниями. Помимо этого, для борьбы с тяжелым положением Кубани после Гражданской войны, был вновь организован Красный крест, открыто Кубанское медицинское общество. В результате их деятельности последствия голода были ликвидированы.

Ключевые слова: исторические науки, Кубанское медицинское общество, общество Российского Красного креста, борьба с эпидемиями, система здравоохранения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE ACTIVITIES OF THE KUBAN MEDICAL SOCIETY AND THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY IN 1920–1922

Galina I. Gurbich, Ekaterina N. Stepanchenko, Maria A. Yurchenko

Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. The purpose of this study is to study the historical experience in the fight against epidemics, examines the change in the healthcare system in 1920–1922 in the Kuban, or rather, its formation. The main method is the analysis of archival documents from the personal archive of the first rector of the Kuban Medical Institute, transformed from a faculty in 1921, N.F. Melnikov – Razvedenkov, who made a huge contribution to the development of medicine of the last century. Thanks to the dedication of the doctors, many diseases of that time were defeated: cholera, typhus, the spread of tuberculosis was stopped, and the number of cases decreased. The scientific and educational sphere was actively developing, and Commissions were organized to combat hunger, sanitation, and diseases. In addition, to combat the difficult situation of Kuban after the Civil War, the Red Cross was re-organized, and the Kuban Medical Society was opened. As a result of their activities, the effects of the famine were eliminated.

Keywords: historical sciences, Kuban Medical Society, Russian Red Cross Society, epidemic control, healthcare system.

Funding: Independent work.

Введение.

Одним из критериев прогресса общества выступает увеличение продолжительности жизни граждан, развитая медицина. Несмотря на все положительные тенденции, существуют определенные неожиданности, как, например, панде-

мия COVID-19, которая застигла всё общество врасплох.

Развитая и стабильная система здравоохранения, а также наличие качественных медицинских кадров – основное условие для быстрого реагирования в моменты биологической опасности. В

© Гурбич Г.И., Степанченко Е.Н., Юрченко М.А.

обсуждении будет представлен материал, демонстрирующий важность данного утверждения.

Обсуждение.

2 марта 1922 г. возобновило свою деятельность после 2-х летнего перерыва Кубанское Медицинское Общество. Председателем правления Общества был избран доктор А.А. Новицкий, товарищ председателя – доктор И.Я. Меерович, казначеем – доктор С.А. Лемешов; членами правления: доктор А.Л. Самойлович и доктор А.П. Владыченский. Кандидатами: доктор О.Л. Орлицкий и доктор И.Н. Смирнитский. Секретарем доктор медицины А.А. Цветаев [3].

Н.Ф. Мельников – Разведенков в честь открытия произнес следующую речь:

«Отныне 2-е марта 1922 г. является знаменательным днем в жизни врачей Кубано-Черноморского края. Вечером этого дня была сделана попытка зажечь, при участии Здраводела, Кубано-Черноморский маяк научно-практической, общественной и профессиональной медицины в Краснодаре. Слабым, робким пламенем затеплился путеводный огонек, теряющийся среди экономической бури на Кубани. И надо много труда, терпения, заботливости, внимания, чтобы не погас огонек, задуваемый дешевыми порывами голодного урагана. Священный огонь общественной медицины вверен испытанным, стойким охранителям в лице членов Правления, и президиум Физико-Медицинского общества счастлив тем, что один из товарищей Председателя последнего избран, в то же время, и членом Правления Кубанского Медицинского общества. Президиум Физико-Медицинского общества выражает уверенность в том, что эта персональная связь является идейной, что оба общества войдут нога в ногу, что оба они одушевлены одним идеалом – работать для облегчения суммы страданий населения Кубано-Черноморского края, что научная медицина является одинаково для них лозунгом. Для строительства общественной и профессионально-бытовой медицины предоставляется обширное поле, и мы надеемся, что возродившееся Общество удастся с организовать и наладить дело Общественной медицины на Кубани.»

На открытии присутствовал президент Физико-медицинского общества им. Корпоре, были принесены приветствия с пожеланиями успеха в совместной работе в общем для двух обществ деле развития на Кубани научно-практической медицины. В виду исполнившегося сороколетия со дня смерти известного педагога, хирурга, мыслителя и врача XIX века Н.И. Пирогова, председатель, охарактеризовав покойного в кратких словах, почтил память покойника вставанием среди безмолвной тишины. Далее, проф. Н.Ф. Мельников-Разведенков доложил до сведения собравшихся об истечении 3-х лет со дня смерти Проф. патологической анатомии Донского Университета М.Ф. Пожарисского и прочитал текст приготовленной им по просьбе Редакции

«Медицинская мысль» заметки под заглавием: «Страница из научной жизни проф. Н.Ф. Пожарисского» [9].

Основным направлением деятельности Общества стала борьба с голодом, для чего было учреждена Комиссия по борьбе с голодом детей под председательством доктора медицины И.Я. Мееровича. Под её руководством был организован Дом для голодающих детей на 50 человек [3].

Отдельным вопросом выступало оказание помощи голодающим врачам и их семьям, в связи с чем была также создана Комиссия (Кубанская комиссия по улучшению быта ученых – Кубу), так как присутствовало хроническое и систематическое недоедание, жилищная нужда, отсутствие предметов первой необходимости, научных пособий для работ по специальности и другие проблемы. Возглавлял Кубу профессор П.П. Авров [3].

Врачи страдали от голода и болезней также, как и пациенты. За 1920–1922 гг. основными причинами смерти в Мортирологе врачей выделялись: сыпной тиф, голод, холера. Например, В.Н. Аносов в Майкопе умер от сыпного тифа, М.И. Гольдштейн в г. Краснодаре – от голода в 1921 г. [5]. В связи с нехваткой пропитания, для утоления голода использовали жмыхи, суррогаты хлеба и др. Средние апрельские цены 1922 г. на продукты первой необходимости в г. Краснодаре были приблизительно таковы: пуд муки 10–13 миллионов рублей, фунт хлеба от 220 тысяч, фунт подсолнечного масла 350–400 тысяч. Сливочное масло – 1 миллион фунт, сало свиное – 800 тысяч фунт, крупа 120–180 тысяч фунт, сахар – 360 тысяч фунт, чай – 3 миллиона фунт, десяток яиц 350–400 тысяч, говядина – 300 тысяч фунт, баранина – 250–300 тысяч фунт, курица – от 1 миллиона до 1 – ½ миллиона, гусь – 3 миллиона и т.д. [3].

Трудности испытывали и студенты: голод среди молодежи приводил к попыткам самоубийства, в связи с чем молодые люди учредили Кассу взаимопомощи. Инициативная группа работала энергично и в весьма короткое время наладила раздачу до 50 бесплатных обедов ежедневно на собираемые пожертвования и взносы [3].

Для помощи врачам и детям Комиссии также собирали пожертвования, которые могли принести непосредственно по адресу их расположения: Управление Общества – Гоголевская, 59 или на квартиру Председателя – Гоголевская, 65 [3].

В связи с вышеперечисленными причинами, на заседании 4 мая 1922 года обсуждали вопрос санитарного положения г. Краснодара и голодающих беженцев в нем. Докладчиком по первому вопросу выступал доктор Г.И. Содманенко [3]. По замечанию Н.Ф. Мельникова-Разведенкова, его доклад произвел глубокое впечатление на присутствующих, шокировав их, приведя в ужас. Основным вопросом выступало водоснабжение в городе. Оказалось, что вода из кранов в апре-

ле и мае 1922 г. отпускалась по цене от 4 до 6 тысяч рублей за ведро, вода же из грунтовых колодцев была сильно загрязнена и нередко содержала фекальные массы. Город буквально утопал в нечистотах: ассенизационный обоз сократился до 20 бочек. Лошади обоза гибли от бескормицы, а в городе началась холера. В случае неуплаты в срок за воду, водопроводный кран без промедления закрывался коммунальщиками. После внесения оплаты обыватель должен был выплатить штраф за несвоевременность, воду же могли подавать с опозданием. Помимо этого, на улицах и площадях умирали люди – беженцы, а сами тела доставляли на переполненных и ничем не прикрытых телегах с вокзала на кладбище [3].

Стоит отметить, что первые очаги холеры были зафиксированы в декабре 1921 г. Из Ростова-на-Дону заболевание было занесено на Кубань. Несмотря на то, что в конце этого года количество заболевших пошло на убыль, тем не менее, ввиду определенных условий, благоприятствовавших распространению: поток беженцев из областей, голод, отсутствие санитарного обустройства железнодорожного подвижного состава и станций и т.д., в 1922 г. холера вновь появилась в г. Краснодар [6].

Первое упоминание о заболевании холерой – у прибывшего из Ростова-на-Дону. Далее заболевания участились: с 13 февраля по 1 марта было отмечено 6 холерных заболеваний в городе; с 1 по 17 марта – ещё 26; за период 17–23 марта – 18 заболеваний. Далее холерные заболевания стали учащаться, и к 1 июня 1922 г. с начала эпидемии число заболеваний по г. Краснодару определялась в 219 человек [6].

Осознавая всю опасность приближающейся эпидемии, был разработан план противохолерных мероприятий по области, который был доложен Областному Исполнительному комитету и им утверждён, однако, полностью его реализовать не удалось ввиду недостатка материальных средств.

Из государственного бюджета на противоэпидемические мероприятия на всю область было выделено девять с половиной миллионов рублей в 1922 году. Принимая во внимание рыночный эквивалент (1 золотой рубль = 1 млн руб.), весь этот кредит в переводе на довоенный рубль выразится в цифре 9–10 тысяч довоенных рублей, в то время как, по расчетам, потребность в кредитах на борьбу с эпидемиями в области, исчислялась по крайней мере в 100000 рублей довоенных в месяц, так как, помимо обычных противоэпидемических нужд, приходилось оказывать медико санитарную помощь беженцам из голодающих губерний Поволжья, а также в трёх голодающих отделах самой Кубани [6].

Несмотря на ограниченность денежных и материальных ресурсов, были открыты эпидлазареты, приобретены дезинфицирующие средства и т. д. Однако для ликвидации условий распростране-

ния заболевания: водоснабжение, канализация и др. средств не хватало [6].

Тем не менее, весенняя санитарная очистка населённых мест была осуществлена, проводилась санитарно просветительная работа, санитарный надзор контролировал места изготовления и торговли съестными припасами и напитками, а также места скопления людей [6].

Для решения проблемы гражданам ставили противохолерные прививки, которые изготавливал областной Химико-бактериологический Институт. Прививки играли огромную положительную роль в борьбе с эпидемией, особенно ввиду плохого состояния санитарных установок (водоснабжение, канализация и проч.) вследствие полного отсутствия их ремонта. Цена на воду была крайне высокой, она превышала покупательную способность населения, что спровоцировало уменьшение потребления в три раза в городах, например, в Краснодаре в 1921 г. при бесплатном отпуске воды расход достигал 450000 ведер в сутки, причем и этого количества воды не хватало населению; в 1922 г., в связи с платным отпуском воды, расход понизился до 150000 ведер в сутки и, следовательно, водопровод работал только на треть своей нагрузки. И население городов, не будучи в состоянии оплачивать хорошую водопроводную воду, вынуждено было прибегать к недорогой, но недоброкачественной воде обычных дворовых колодцев [6].

В начале 1922 г. была создана Областная противомаларийная комиссия. Её председателем избрали доктора В.Е. Забалуева, секретарём – доктора О.П. Морозова [6].

Комиссия провела несколько заседаний, на которых был разработан план работы противомаларийных экспедиций в особо поражённых районах, намеченных в составе врача эпидемиолога, инженера мелиоратора и специалиста энтомолога [6].

К концу 1922 г. эпидемия сыпного и возвратного тифов, имевшая значительные размеры в зимний период, пошла на убыль. В целом с конца 1921 года наблюдалось снижение количества коек ввиду экономических сложностей, что не давало возможности организации лечебной помощи населению Кубано Черноморской области. Однако сама потребность в помощи не уменьшалась. Нахлынувшие в область беженцы из-за голода дали значительное увеличение заболеваемости вшивыми тифами и болезнями голода. Для их госпитализации развёрнуто было по области свыше 2000 эпидемических коек частично за счёт чрезвычайных кредитов. Снятие лечебных коек с государственного снабжения и перевод их на местные средства повлекли за собой дальнейшее сокращение лечебной сети [6].

Установленные декретом от 6 февраля 1922 г. страховые взносы на лечебную помощь, которые должны были показать существенную поддержку в деле организации лечебной помощи в городах,

не оправдали ожиданий. Поступления взносов протекали слабо, исчисленная сумма взносов не давала возможности построить на ней все виды лечебной помощи, её едва хватало на организацию амбулаторий, в связи с чем, Здравоотдел вынужден был отказаться от принципа бесплатности: была установлена плата за медикаменты, за водолечение и электризацию, за анализы и зубопротезирование, причём лица, состоящие на социальном страховании, от непосредственного внесения платы освобождались. Существовала возможность платного лечения в больницах — за койку. В целях сокращения расходов по содержанию аптек и зубных амбулаторий, Здравоотдел сохранил за собой аптеки и зубные амбулатории, необходимые для оказания бесплатной помощи населению, остальные сдавал в аренду различным организациям и отдельным лицам [6].

Лечебных заведений в аренду не сдавалось. В связи с сокращением государственной лечебной помощи и усилением частной практики, Здравоотдел организовал надзор за врачебной практикой для борьбы с лечебным шарлатанством и знахарством [6].

Все это и составляло картину санитарного состояния г. Краснодара в то время.

По замечанию Н.Ф. Мельникова-Разведенкова, слушатели были ошеломлены страшной правдой исторического доклада доктора Г.И. Содманенко, все же поднялись протестующие голоса, раздались вопли, стали искать виновных [3]. Заседание пришло к следующим решениям:

1) сообщить в Москву о бедственном положении Кубани, которая не попала в число зарегистрированных голодных областей и, в то же время, переполнена умирающими от голода беженцами;

2) просить об удешевлении стоимости воды;

3) обратиться к прессе, в том числе и иностранной с воззванием о бедственном положении Кубанской области;

4) привлечь санврачей города и области к составлению доклада о практических мерах борьбы с бедствием и представить их на обсуждение в следующем заседании Общества [3].

Заседание вызвало общественный резонанс. Для помощи был организован Красный крест на Кубани.

Во главе Общества стоял Центральный Комитет в Москве, которому подчинялись другие: уполномоченный Центрального Общества Российского Красного Креста Северо-Кавказского округа в Ростове-на-Дону, а ему, в свою очередь, подчинялся районный уполномоченный Кубано-Черноморской области в г. Краснодаре. Согласно указаниям из центра, Красный крест организовывался на широком общественном основании с привлечением к его деятельности общественных сил. Его ближайшей задачей стояла борьба

с голодом на фронте, который создавался и в Кубано-Черноморском крае. С этой целью было сформировано в г. Краснодаре совещание при районном управлении с участием местных общественных деятелей. Были организованы сбор пожертвований с доходных предприятий, лекции, спектакли, концерты и т.д. Согласно Инструкции, к работе Красного креста привлекались те, кто был связан с санитарным делом: профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, больничные кассы, а также отдельные граждане, а также все желающие прийти на помощь. Районным уполномоченным назначался из Центра старый Краснокрестовский работник проф. Н.Ф. Мельников-Разведенков, его заместителем, тоже бывший Краснокрестовец доктор Ф.М. Плоткин, секретарем доктор И.В. Казьмин [4].

Канцелярия, касса и склады Красного Креста временно помещались в военном госпитале по адресу Котляревская д. 4.

Пожертвования принимались:

1) в канцелярии Медицинского Института (ул. Гоголя, 59);

2) в канцелярии военного госпиталя (Котляревская, 4);

3) в Травматологическом Институте (бывшая община Красного Креста между Городским садом и Областной больницей);

4) в канцелярии Начсандива (2-й этаж, комн. 18, б. Окружной суд), ежедневно с 9 до 3-х часов дня [4].

Там же записывали в члены общества. Членский взнос для учреждений и организаций — 15 миллионов, для отдельных лиц — 1 ½ миллиона рублей. Для сбора имелись Краснокрестовские книжки, прошнурованные, с печатью и особые марки. Все финансовые операции производились под общественным контролем. Списки членов и отчеты о пожертвованиях опубликовывались в местных газетах [4].

На помощь с голодом пришли также и иностранцы. Мимо г. Краснодара проходил путь из г. Новороссийска иностранных миссий. Американские отряды «АРА» проследовали на Царицын и далее на Поволжье в конце 1921 г., туда проехала в середине мая 1922 г. итальянская миссия Красного Креста, которая прибыла в начале мая в г. Новороссийск на пароходе из Неаполя. В их составе были начальник — майор-врач Сельви, 4 военных врача и 6 офицеров. Назначение миссии — оказание врачебно-питательной помощи голодающим Поволжья. С этой целью ими было привезено до 3-х тысяч тонн, т.е. около 180 тысяч пудов груза, состоящего из медикаментов, перевязочного материала и пищевых продуктов: риса, пшеницы, муки, макарон, мясных, молочных и др. консервов, сливочного и прованского масла, гороха, фасоли, лимонов, апельсинов и пр. [4].

Для встречи миссии из г. Ростова-на-Дону был командирован заместитель уполномоченного Северо-Кавказского округа Российского общества Красного креста доктор А.М. Цвет, который сопровождал миссию от г. Новороссийска к месту ее назначения в г. Царицын, где миссия должна была пробыть до сентября 1922 г. Проездом итальянская миссия остановилась в г. Краснодаре, где начальник миссии в сопровождении нансенского уполномоченного доктора Брудерера, осматривал приготовленные для больных из беженцев и голодающих приюты, а затем прибыл в Травматологический Институт, в бывшую лечебницу Кубанской общины Красного креста. Там их встретил районный уполномоченный Кубано-Черноморской области проф. Н.Ф. Мельников-Разведенков с приветствием на французском языке: «Многоуважаемые коллеги! Позвольте мне приветствовать вас от районного управления Российского общества Красного креста и пожелать Вам успеха в нашем трудном и благородном предприятии по оказанию материальной и моральной помощи, которую вы приносите из вашей прекрасной страны нашему несчастному, голодному, близкому к отчаянию народу. Вы прибываете к нам как раз вовремя, когда обитатели нашего разоренного Края погибают от голода... Добро пожаловать! Верьте, товарищи, что мы – русские врачи никогда не забудем вашего братского порыва, который не останавливает вас перед опасным для жизни риском – высадиться в стране богатой всякими инфекциями. Да хранит вас Бог и да поможет Он вам в святом деле помощи голодающему!» [4].

На последовавшем за встречей завтраке, предложенном гостям местным Исполкомом, в лице заведующего Кубано-Черноморского Здравоотделом В.М. Мухина, профессор Н.Ф. Мельников-Разведенков произнес, по поручению медицинских организаций г. Краснодара, речь на французском языке: «Дорогие коллеги! Я счастлив еще раз приветствовать от имени всех врачей г. Краснодара мужественных представителей Итальянского народа, наших сегодняшних гостей, здесь присутствующих. Всюду вы у нас желанные гости! Вы передадите вашей прекрасной стране, отдаленной от нас по расстоянию, но близкой, как никогда, по сердцу, полученное здесь впечатление, что Россия имеет одну душу и, что эта душа принадлежит в этот момент Италии. Вы скажете ей, что если наша страна в настоящее время и разорена, то дружба, чаяния и интересы останутся у нас навсегда общие. Отныне Россия связана с Италией неразрывными моральными узлами, которые закреплены итальянскими и русскими врачами, подвигающимися на голодном фронте за одно и то же дело. В эту минуту, подавленный бесконечно печальной мыслью о ненавистном голоде, я стараюсь благодарить всех, кто пришел сюда, в особенности наших итальянских гостей, которых мы чувствуем. Я заканчиваю приветствие друзьям итальянцам словами: от имени русских врачей я уверяю Вас в нашей глубочайшей признательности и в нашем искреннем удовольствии вас здесь принимать!» [4].

Результаты.

По завершению встречи для Кубано-Черноморского края итальянская миссия выделила значительное количество медицинского снаряжения, распределение которого она поручила районному уполномоченному Российского общества Красного креста.

Помимо деятельности Красного креста, Кубанского медицинского общества и Комиссий, для борьбы с заболеваниями были организованы научные туберкулезные курсы для врачей в связи с их оторванностью от актуальных данных того времени ввиду слабого развития прессы. Активную помощь предоставлял Кубанский медицинский институт при поддержке ректора – Н.Ф. Мельникова-Разведенкова [7].

Цикл лекций охватывал максимально необходимые вопросы: клиническое учение о легочном и костном туберкулезе с обоснованием диагностических и терапевтических мероприятий в этой области при учете климатических особенностей соответствующих районов, т.е. влажных субтропиков Сочинского района, Приморской полосы Геленджикского района, а также возможностей Краснополянского предгорья и Теберды. Не забыты были общие сведения из области климатотерапии туберкулеза, принципы общественной борьбы с туберкулезом и специальные задания в этой области [7].

Программа обучения включала следующие темы:

Основы гидротелеологии.

1. Основы климатологии и метеорологических наблюдений, применительно к лечебному делу.
2. Климат Черноморского побережья и горных районов Кубани.
3. Общая бальнеология и бальнеотерапия. Физические методы лечения.
4. Частная бальнеология и бальнеотерапия. Грязелечение.
5. Частная терапия заболеваний внутренних органов, применительно к курортному делу.
6. Частная терапия заболеваний нервной системы, применительно к курортному делу.
7. Основы физиологии дыхания и обмена энергии.
8. Общая патология и патологическая анатомия туберкулеза с демонстрациями и секциями.
9. Бактериология туберкулеза и вопросы иммунитета.
10. Лаборатория. Теория и практика клинических методов исследований.
11. Частная патология внутренних органов.

12. Диагноз, прогноз и терапия легочного туберкулеза.

13. Рентгено диагностика.

Теоретические лекции.

Практические занятия включали следующие темы:

1. Клинические демонстрации больных терапевтическим туберкулезом.

2. Хирургическая патология туберкулеза.

3. Частная хирургия туберкулеза. Клиника.

4. Учение о туберкулезе в детском возрасте. Клиника.

5. Детский костно туберкулезный санаторий.

6. Учение о туберкулезе верхних дыхательных путей с клиническими демонстрациями.

7. Туберкулез кожи.

8. Туберкулезный санаторий и основа режима. Трудовые процессы.

9. Психология и педагогика трудовых процессов.

Организация борьбы с туберкулезом и методы противотуберкулезной пропаганды [7].

В лекциях и практических занятиях проф. Н.Ф. Мельникова-Разведенкова по патологической анатомии и проф. И.Г. Савченко по бактериологии туберкулеза было достаточно отражено положение вопроса в этих областях, причем вопросам иммунитета при туберкулезе уделялось особое внимание, как в указанных выше занятиях, так и при клинических работах при туберкулезном институте. Центром работы стал Туберкулезный институт Управления Курортов в Краснодаре, в практических работах по костному туберкулезу пришла на помощь госпитальная хирургическая клиника, Бактериологический институт во главе с проф. И.Г. Савченко явился местом, где слушатели имели возможность освежить свои знания, как в области теории, так и в практическом отношении.

Физико терапевтические установления Травматологического института были предоставлены для ознакомления слушателей с практикой физических методов лечения [7].

Заключение.

Таким образом, исторический опыт борьбы с заболеваниями, эпидемиями, антисанитарией в начале прошлого века на Кубани, демонстрирует важность развитой системы здравоохранения для увеличения комфорта и продолжительности жизни граждан, что, в свою очередь, положительно сказывается на кадровом резерве страны и её развитии в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Мельников Разведенков Н.Ф. Об успехах научно-медицинского исследования на Кубани за последние два года. КМИ, 1922. 8 с. (МИМ. Д. 25).
2. Мельников-Разведенков Н.Ф. Роль и значение Красной армии в культурно-просветительной деятельности Кубанского медицинского института за первые 5 лет его существования (1920–1925 гг.) КМИ, 1925. 11 с. (МИМ. Д. 29)
3. Мельников-Разведенков Н.Ф. Хроника. Кубанское медицинское общество. КМИ, 1922. 3 с. (МИМ. Д. 11).
4. Мельников-Разведенков Н.Ф. Восстановление Российского общества Красного креста. КМИ, 1922. 3 с. (МИМ. Д. 12).
5. Мельников-Разведенков Н.Ф. Кубаночерноморский мортиролог врачей за 1920–1922 гг. КМИ, 1922. 3 с. (МИМ. Д. 15).
6. Постановления совещания заведующих отдельными здравотделами Кубчерздравотдела в г. Краснодаре 26–29 мая 1922 г. КМИ, 1922. 13 с. (МИМ. Д. 19).
7. Об организации туберкулезных курсов для врачей. КМИ, 1922. 13 с. (МИМ. Д. 18).
8. Степанченко Е.Н. Отчёт академика, профессора Н.Ф. Мельников-Разведенкова о роли и значении Красной Армии в деятельности Кубанского медицинского института 1920–1925 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований — 2025: Материалы всероссийской студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 17–21 марта 2025 года. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2025. С. 157–159.
9. Мельников-Разведенков Н.Ф. «Об открытии Кубанского медицинского общества 2-го марта 1922 г.» (Речь). КМИ, 1922. 13 с. (МИМ. Д. 35).

© Гурбич Г.И., Степанченко Е.Н., Юрченко М.А.

10. Судьба ученого как отражение эпохи: памяти первого ректора Кубанского государственного медицинского университета Н.Ф. Мельникова-Разведенкова / С.Н. Алексеенко [и др.] // Инновационная медицина Кубани. 2020. № 4(20). С. 73–78. DOI: 10.35401/2500-0268-2020-20-4-73-78 EDN: RSTWLL

References:

1. Melnikov-Razvedenkov N.F. About the successes of scientific and medical research in the Kuban region over the past two years. KMI, 1922. 8 p. (MIME. D. 25).
2. Melnikov-Razvedenkov N.F. The role and importance of the Red Army in the cultural and educational activities of the Kuban Medical Institute for the first 5 years of its existence (1920–1925). KMI, 1925. 11 p. (MIME. D. 29).
3. Melnikov-Razvedenkov N.F. Chronicle. Kuban Medical Society. KMI, 1922. 3 p. (MIME. D. 11).
4. Melnikov-Razvedenkov N.F. Restoration of the Russian Red Cross Society. KMI, 1922. 3 p. (MIME. D. 12).
5. Melnikov-Razvedenkov N.F. Kubanochernomorsky mortirology of doctors for 1920–1922. KMI, 1922. 3 p. (MIME. D. 15).
6. Resolutions of the meeting of heads of separate health departments of the Kuban Department of Health in Krasnodar on May 26–29, 1922. KMI, 1922. 13 p. (MIM. D. 19).
7. About the organization of tuberculosis courses for doctors. KMI, 1922. 13 p. (MIME. D. 18).
8. Stepanchenko E.N. Report of academician, Professor N.F. Melnikov-Razvedenkov on the role and significance of the Red Army in the activities of the Kuban Medical Institute 1920–1925 // Actual problems of historical research – 2025: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical conference, Magnitogorsk, March 17–21, 2025. Magnitogorsk : Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2025. P. 157–159.
9. Melnikov-Razvedenkov N.F. «On the opening of the Kuban Medical Society on March 2, 1922» (Speech). KMI, 1922. 13 p. (MIM. D. 35).
10. The fate of a scientist as a reflection of the era: in memory of the first rector of the Kuban State Medical University, N.F. Melnikov-Razvedenkov / S.N. Alekseenko [et al.] // Innovative Medicine of the Kuban. 2020. № 4(20). P. 73–78. DOI: 10.35401/2500-0268-2020-20-4-73-78 EDN: RSTWLL

Информация об авторах

Гурбич Галина Ивановна

кандидат медицинских наук,
доцент,
кафедра общественного здоровья
и здравоохранения № 2,
Кубанский государственный медицинский
университет Минздрава России
gurbichgi@ksma.ru

Степанченко Екатерина Николаевна

магистр истории,
ассистент,
кафедра философии,
Кубанский государственный медицинский
университет Минздрава России
e-stepanchenko@bk.ru

Юрченко Мария Алексеевна

магистр истории,
ассистент,
кафедра философии,
Кубанский государственный медицинский
университет» Минздрава России;
заведующая музеем КубГМУ
Yurchenkoma@ksma.ru

Galina I. Gurbich

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Department of Public Health and Public Health № 2,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
gurbichgi@ksma.ru

Ekaterina N. Stepanchenko

Master of History,
Assistant Professor,
Department of Philosophy,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
gurbichgi@ksma.ru

Maria A. Yurchenko

Master of History,
Assistant,
Department of Philosophy,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation;
Head of the Museum
of Kuban State Medical University
Yurchenkoma@ksma.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-6>

УДК 93/94

Attribution

cc by

АГРАРНЫЙ СЕКТОР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1990-Х гг.

Егоров К.А.

Государственный университет просвещения

Аннотация. В статье анализируются причины острого экономического кризиса и социальной трансформации, сложившихся в аграрном секторе национального хозяйства Российской Федерации в результате осуществленных в 1990-е гг. реформ. Ход и последствия преобразований отечественного сельского хозяйства оцениваются автором статьи не однозначно: с одной стороны, государство отказалось от вливания в аграрный сектор многомиллионных дотаций, появилась многоукладность аграрного производства, ответственность производителя за собственное материальное благосостояние. С другой, стороны, реформы негативным образом сказались на социальном быте и повседневности сельских жителей, которые потеряв опору в лице государства, в массе своей оказались не готовы к новому вызову времени, к новым экономическим требованиям, к самостоятельности и новым взаимоотношениям в обществе. Автор статьи не упускает из виду и объективно оценивает и сами реформы в аграрной сфере: они были плохо продуманы, поспешны и не учитывали ряд субъективных и объективных факторов, в частности – особенности ментальности сельского населения страны.

Ключевые слова: Российская Федерация, 1990-е гг., аграрный сектор, реформирование, общество, последствия

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL TRANSFORMATION OF THE 1990s

Kirill A. Egorov

Federal State University of Education

Abstract. The article analyzes the causes of the acute economic crisis and social transformation that have developed in the agricultural sector of the national economy of the Russian Federation as a result of the reforms implemented in the 1990s. The course and consequences of the transformations of domestic agriculture are not clearly assessed by the author of the article: on the one hand, the state refused to inject multimillion-dollar subsidies into the agricultural sector, the complexity of agricultural production appeared, and the producer's responsibility for his own material well-being. On the other hand, the reforms had a negative impact on the social life and daily life of rural residents, who, having lost their support in the face of the state, for the most part were not ready for the new challenge of the time, for new economic requirements, for independence and new relationships in society. The author of the article does not lose sight of and objectively evaluates the reforms themselves in the agricultural sector: they were poorly thought out, hasty and did not take into account a number of subjective and objective factors, in particular, the peculiarities of the mentality of the rural population of the country.

Keywords: Russian Federation, 1990s, agricultural sector, reform, society, consequences.

Funding: Independent work.

Введение.

1990-е годы стали для аграрного сектора национальной экономики России временем глубокой социально-экономической трансформации. Аг-

рарная отрасль оказалась в ситуации, когда механизмы плановой советской экономики не справлялись с поставленными перед ними задачами, а новые, рыночные ещё не успели сформироваться.

© Егоров К.А.

Трансформация аграрного сектора шла «в контексте» с общими социально-экономическими «реформами», с помощью которых власти пытались перестроить отрасль, но на начальном этапе экономических преобразований столкнулись с очень серьезными проблемами, которые едва не поставили и сельское хозяйство всей страны, и обеспечение населения собственным продовольствием под угрозу полного краха [8].

Результаты.

Характеристика состояния аграрного сектора Российской Федерации не могли не настораживать.

Во-первых, упали общие объёмы производства аграрного сектора. К концу 1990-х гг. валовая продукция сельского хозяйства Российской Федерации сократилась примерно на 40 % по сравнению с началом 1980-х гг. [9, с. 68; 70, с. 73–76] (которые также не отличались высокими показателями, если вспомним принятие советским правительством так называемой «Продовольственной программы»). К концу 1990-х гг. почти вдвое по стране сократилось поголовье крупного рогатого скота, на 15 млн. га уменьшились посевные площади под зерновые культуры (пшеница, рожь, ячмень, овес) [4, с. 45–46], более чем в два раза сократился машинно-тракторный парк (а новая техника не поступала совсем), практически прекратилось использование минеральных удобрений.

Распад Советского Союза и интегральный социально-экономический кризис предопределили разрыв существующие много лет цепочки поставок горюче-смазочных материалов, запасных частей к сельскохозяйственной технике, колхозы и совхозы лишились налаженных за многие годы каналы сбыта своей продукции, которое стало просто гнить, поскольку долгое хранение ее не было предусмотрено. Закрывались элеваторы, складские помещения, перерабатывающие предприятия, а также предприятия по производству удобрений, заведения, связанные с и обслуживанием аграрного сектора, селекционные станции, научно-исследовательские учреждения академии сельскохозяйственных наук, и проч. [10].

Во-вторых, цены на промышленные товары (топливо, удобрения, технику) росли гораздо быстрее, чем цены на сельхозпродукцию. Такая диспропорция не могла не сказаться на объемах сельскохозяйственного производства, на его качестве.

В-третьих, на рынок сельхозпродукции начал активно довлеть импорт. И это отрицательно сказывалось на отечественных производителях (Импортная сельхозпродукция хотя и значительно уступала по качеству отечественной, но была гораздо дешевле для потребителя, который в условиях падения зарплаты и инфляционного роста, делал свой выбор исходя из собственных финансовых возможностей).

В-четвертых, еще одной проблемой стала монополизация в перерабатывающей промышленности. Количество предприятий этого профиля значительно сократилось, и переработчики сельхозсырья, пользуясь тем, что аграриям нет времени искать выгодные условия переработки, зачастую занижали, причем очень значительно, закупочные цены у сельхозпроизводителей, которым ничего не оставалось как соглашаться явно на невыгодные условия сделок. А это снижало и доход сельхозпроизводителей, и объемы производства в аграрном секторе, и проч. Добавим к этому, что из аграрного сектора в перерабатывающую сферу и торговлю уходила значительная часть валового дохода [7].

В-пятых, государство значительно уменьшило, а по ряду показателей и совсем прекратило финансовую поддержку аграрного сектора, что незамедлительно сказалось на обновлении техники, разработки и внедрении новых технологий, на необходимости поддержания инфраструктуры в сельских регионах страны [3, с. 121–122].

Государство пошло и на массовую реорганизацию коллективных и советских хозяйств. Работникам, пенсионерам, служащим социальной сферы колхозов и совхозов раздавали земельные доли и имущественные паи. Старые формы «коллективного хозяйствования» стремились преобразовать в фермерские хозяйства, в товарищества, в акционерные общества. Однако на очень многие «преобразования» носили преимущественно формальный характер: менялась только «вывеска», старые порядки сохранялись. Часть бывших председателей и директоров и представителей управленческого аппарата колхозов и совхозов сумели сконцентрировать в своих руках контроль над новыми структурами [6]. Мало того, многие из колхозников продавали свои земельные паи – и новым «руководящим кадрам», и иным лицам, рассчитывая получить за проданную землю деньги, которых просто не хватало на жизнь, или потому, что продавцы не планировали в дальнейшем выстраивать свою жизнь и жизнь своих детей в сельских регионах страны.

Но в итоге купли-продажи (и перепродажи) земли и техники, собственность сконцентрировалась в руках новых (а по сути – прежних) руководителей хозяйств, которые диктовали свои условия деятельности в аграрном секторе.

Многие работники де-факто не получили никакой реальной выгоды от выделенных им паев: вложить полученные от продажи земли средства не хватало опыта и знаний, а инфляция стремительно превращала вырученные рубли в ничто.

Параллельно с процессом ликвидации колхозов и совхозов шел неоднозначный и «нелинейный» процесс создания фермерских и личных подсобных хозяйств, поскольку власть «делала ставку» в аграрном секторе на частника. В 1992–1994 гг. отмечался значительный рост подобных хозяйств. Но и у частников выявились свои трудно-

сти: нехватка техники, горюче-смазочных материалов, запчастей, посевного материала. Проявился и значительный рост цен на технические ресурсы в сравнении с существующими закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию (так называемый «паритет цен»). Существовали, и порой усугублялись проблемы получения земли (порой фермерам выделялись малопродуктивные участки). Часть фермеров не смогла адаптироваться к самостоятельной деятельности без поддержки со стороны государства [5, с. 56–59].

Социальные последствия трансформации сельского хозяйства не могли не сказаться. Резко ухудшилось материальное положение подавляющего большинства сельских жителей. Сокращалась заработная плата, на селе закрывались школы, детские сады, больницы, отделения связи, магазины, дома культуры и проч. Отмечались перебои с поставкой электроэнергии, поставок газа, горюче-смазочных материалов. Долгие годы оставались без ремонта дороги. Все это не могло не сказаться и на материальном и на моральном благополучии сельских жителей. Реальный уровень жизни на селе заметно уступал прожиточному минимуму, а доля бедных семей в 1992–2002 гг. колебалась (по официальной оценке) около 25–30 % [1, с. 341.].

Многие колхозы и совхозы сокращали штат или просто ликвидировались. Уровень безработицы на селе был в 1,5 раза выше, чем в городе. Начался, по сути массовый, «исход» сельского населения в города, где была возможность получить работу и обеспечить семью. В селах и деревнях оставались пенсионеры или откровенные маргиналы, которые уже ни к чему не стремились.

В то же время, отмечалось появление слоя крупных аграрных бизнесменов (часто из числа бывших руководителей сельхозпредприятий или предпринимателей, пришедших из других сфер деятельности со своим капиталом), среднего слоя (успешные фермеры, квалифицированные специалисты, посредники между селом и городом, занимающиеся сбытом произведенной продукции), низшего слоя – малоквалифицированные работники, пенсионеры, инвалиды, безработные.

Стоит учесть и то, что часть населения сельских районов (особенно старшего поколения) с трудом адаптировалась к новым социально-экономическим условиям жизни в стране [2].

Повторимся: в сельской местности в условиях социально-экономической трансформации шла деформация и разрушение социальной инфраструктуры. До начала 1990-х гг. объекты социальной сферы (школы, больницы, клубы, жилищно-коммунальное хозяйство) существовали за счёт финансирования их из бюджетов существующих колхозов и совхозов.

После реорганизации сельхозпроизводителей расходы на социальную сферу перешли в ведомство структур местной власти, но бюджеты последних не давали возможности обеспечивать существования больниц и школ, пунктов связи и жилищно-коммунальное хозяйство. Итогом стало сокращение объёмов услуг в сферах образования, здравоохранения, бытового обслуживания, а затем – практически массовое закрытие объектов социальной сферы и отток из сельских районов специалистов – учителей, медиков, инженерно-технических работников.

Отток населения из сел был предопределен социально-экономической нестабильностью, отсутствием каких-либо перспектив в ближайшем будущем, ухудшением условий жизни. В итоге, процесс миграции сельского (причем – молодого и трудоспособного) населения набирал темпы все 1990-е гг., особенно – вторую половину этого периода [11, с. 9–17].

Население сельскохозяйственных районов не видело никакого смысла в работе в аграрном секторе, стремясь трудоустроиться в других сферах – торговле, управлении, сфере услуг.

На подобную ситуацию в аграрном секторе и в сельской местности в целом повлиял целый комплекс факторов.

Стремление к быстрой смене экономической модели приводило к просчетам и противоречиям.

Реорганизация аграрного сектора не была подкреплена в достаточной степени институционально и финансово, что сказывалось на последствиях.

Неготовность и неспособность большей части хозяйств аграрного сектора национальной экономики к рыночным условиям не было навыков, опыта, специалистов, не хватало знаний в стратегическом прогнозировании.

В середине 1990-х в земельном законодательстве Российской Федерации сложилась странная и необъяснимая ситуация: в указах и постановлениях Президента страны и правительства сохранились основные нормы, которые были приняты в условиях противостояния различных ветвей власти (законодательной и исполнительной). Эта ситуация порождала социальные противоречия и правовую неопределённость.

В мировоззрении сельчан отношение к частной собственности на землю (сложившееся и поддерживаемое на протяжении 70 лет советской власти) оставалось резко отрицательным. То же самое отмечалось и в отношении бывших колхозников и работников совхозов к предпринимательской деятельности. Привыкшие к постоянной опеке со стороны государства, к помощи со стороны центральных и местных властей, сельские жители не понимали смысл реорганизации аграрного сектора, не стремились к самостоя-

тельности, не спешили брать на себя ответственность за собственное материальное благополучие, не желали что-то менять в своей жизни. И это была не вина, а беда отечественного крестьянства, которое оказалось, в большей степени, чем другие слои советского общества пострадавшей от «шоковой терапии» в экономике, а рост цен, инфляция, безработица еще и усложняли ситуацию, усиливали многочисленные социальные проблемы и противоречия.

Заключение.

Аграрная реформа 1990-х гг. привела к беспорядочному структурному сдвигу в социально-экономической сфере: в аграрно-промышленном комплексе сложилась экономическая многоукладность (разные формы хозяйствования), но — за счет многочисленных социальных издержек, которые предстоит преодолеть еще многие годы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вербицкая О.М. Аграрная политика и положение сельских женщин в годы рыночных реформ (1990-е годы) // Преподаватель XXI век. 2019. № 1. С. 338–347. EDN: ZDHSAX
2. Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3. С. 48–95. EDN: ZLJADF
3. Канавцев М.В. Влияние кризиса 90-х годов на развитие АПК РФ / М.В. Канавцев, А.Л. Попова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2014. Вып. 36. С. 120–125. EDN: UXKRLD
4. Литвиненко В.В. Изменение структуры посевных площадей под зерновыми культурами как один из факторов увеличения валового сбора зерна в Российской Федерации // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2018. № 1. С. 45–48. EDN: XRZDNJ
5. Логунова И.В. Особенности правового положения работников сельхозпредприятий в годы аграрной реформы 1990-Х гг. (на материалах Центрального Черноземья) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 55–61. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-1-6 EDN: AOONXR
6. Михайловский И.Ю. Аграрные преобразования в начале 1990-х годов и социально-политические настроения в российской деревне (на примере Волгоградской области) // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 7. С. 50–58. EDN: JUWVPJ
7. Нефедова Т.Г. Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность // Мир России. 2013. № 1. С. 29–60. EDN: PVKGBV
8. Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. С. 218–229. EDN: NKGFDW
9. Полюбина И.Б. Государство и аграрный сектор в России: штрихи истории и современность // Вестник Финансовой академии. 2001. № 3. С. 67–78. EDN: HSLVRZ
10. Сидоров А.В. От кризиса к распаду: СССР в 1990–1991 гг. // Вестник МГУ. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 1. С. 64–99. EDN: VQSZJF
11. Юкиш В.Ф. Миграционные процессы в России: социально-экономические проблемы и следствия. М. : Мир науки, 2022. 157 с. ISBN: 978-5-907603-44-8 EDN: PEGHWB

References:

1. Verbitskaya O.M. Agrarian Policy and the Situation of Rural Women during the Years of Market Reforms (1990s) // Prepodavatel XXI vek. 2019. № 1. P. 338–347. EDN: ZDHSAX
2. Kalugina Z.I. Transformation of Russia's Agrarian Sector: Problems of Efficiency and Population Adaptation // Mir Rossii. 2000. № 1. P. 48–95. EDN: ZLJADF
3. Kanavtsev M.V. The Impact of the 1990s Crisis on the Development of the Russian Agro-Industrial Complex / M.V. Kanavtsev, A.L. Popova // Izvestiya of the Saint Petersburg State Agrarian University. 2014. Iss. 36. P. 120–125. EDN: UXKRLD
4. Litvinenko V.V. Changes in the structure of sown areas under grain crops as one of the factors increasing the gross grain harvest in the Russian Federation // Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian Section). 2018. № 1. P. 45–48. EDN: XRZDNJ

5. Logunova I.V. Features of the legal status of employees of agricultural enterprises during the agrarian reform of the 1990s (based on materials from the Central Chernozem region) // Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities. 2021. № 1. P. 55–61. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-1-6 EDN: AOONXR
6. Mikhailovsky I.Yu. Agrarian reforms in the early 1990s and socio-political sentiments in the Russian countryside (on the example of the Volgograd Region) // Problems of Modern Science and Education. 2017. № 7. P. 50–58. EDN: JUWVPJ
7. Nefedova T.G. Transformation of Agriculture in Russia: Mythology and Reality // Mir Rossii. 2013. № 1. P. 29–60. EDN: PVKGBV
8. Nikulin A.M. Enterprises and Families in Russia: Sociocultural Symbiosis // Where Is Russia Heading? Transformation of the social sphere and social policy. M., 1998. P. 218–229. EDN: NKGFDW
9. Polyubina I.B. The state and the agrarian sector in Russia: touches of history and the present // Bulletin of the Financial Academy. 2001. № 3. P. 67–78. EDN: HSLVRZ
10. Sidorov A.V. From Crisis to Collapse: The USSR in 1990-1991 // Vestnik MGU. Series 21: Management (State and Society). 2016. № 1. P. 64–99. EDN: VQSZJF
11. Yukish V.F. Migration Processes in Russia: Socio-economic problems and consequences. M. : Mir nauki, 2022. 157 p. ISBN: 978-5-907603-44-8 EDN: PEGHWB

Информация об авторе

Егоров Кирилл Андреевич

аспирант кафедры истории России,
факультет истории, политологии и права,
Государственный университет просвещения
zhukovin98@mail.ru

Kirill A. Egorov

Postgraduate Student
of the Department of Russian History,
Faculty of History, Political Science and Law,
State University of Education
zhukovin98@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-7>

УДК 392.8+316.7

Attribution

cc by

«NOUVELLE CUISINE» КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАНЦИИ 1970-х ГОДОВ

Калмыкова М.В.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Аннотация. Статья посвящена анализу *nouvelle cuisine* как феномена культурной и социальной трансформации Франции 1970-х годов. Цель исследования – выявить механизмы формирования новой гастрономической модели и определить её роль в процессах модернизации французской культуры. Новая кухня интерпретируется не как разрыв с традицией *haute cuisine*, а как форма её внутренней адаптации к условиям постиндустриального общества, эволюция потребительских практик и изменение представлений о теле, здоровье и вкусе. В статье анализируется институциональный конфликт между классической гастрономической моделью и новой кухней, а также процессы символической легитимации через гастрономическую критику и деятельность гидов Gault–Millau и Michelin. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении *nouvelle cuisine* как адаптационного механизма традиционной культуры, а его результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях истории повседневности, гастрономической идентичности и культурной модернизации.

Ключевые слова: *nouvelle cuisine*, Франция, питание, гастрономия, культурная трансформация, новая кухня.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NOUVELLE CUISINE AS A PHENOMENON OF CULTURAL AND SOCIAL TRANSFORMATION IN FRANCE IN THE 1970s

Marina V. Kalmykova

Shenzhen MSU-BIT University

Abstract. This article examines *nouvelle cuisine* as a phenomenon of cultural and social transformation in France during the 1970s. The study aims to identify the mechanisms behind the formation of this new gastronomic model and to determine its role in the processes of French cultural modernization. The new cuisine is interpreted not as a rupture with the *haute cuisine* tradition, but rather as a form of its internal adaptation to the conditions of post-industrial society, evolving consumer practices, and shifting perceptions of the body, health, and taste. The article analyzes the institutional conflict between the classical gastronomic model and the new cuisine, as well as the processes of symbolic legitimization through gastronomic criticism and the activities of the Gault–Millau and Michelin guides. The scientific novelty of the research lies in approaching *nouvelle cuisine* as an adaptive mechanism of traditional culture. Its findings may contribute to further studies in the history of everyday life, gastronomic identity, and cultural modernization.

Keywords: *nouvelle cuisine*, France, food, gastronomy, cultural transformation, new cuisine.

Funding: Independent work.

Введение.

В современной гуманитарной науке питание рассматривается как значимый элемент культуры повседневности, отражающий социальную структуру общества, нормативные представления о теле, здоровье и идентичности [1; 2; 3]. Пищевые практики выступают формой трансляции традиции и одновременно пространством её трансформации. Кулинарные практики функционируют на пересечении повседневной жизни,

культурной идентичности и институциональной власти [4].

В этом контексте, особый интерес представляет феномен *nouvelle cuisine*, возникший во Франции в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Несмотря на значительное количество работ во французской и англоязычной историографии, в российской научной традиции *nouvelle cuisine* до настоящего времени не стала самостоятельным

объектом системного исследования. Упоминания данного феномена носят фрагментарный характер и, как правило, ограничиваются описательным уровнем в рамках страноведческих или культурологических обзоров. Между тем, данный феномен позволяет проследить механизмы обновления гастрономической традиции в условиях модернизации, индустриализации и изменения социальных ролей [5; 6].

Цель статьи – систематизировать историографию проблемы, перенести анализ гастрономического феномена в поле социальной истории и интерпретировать *pouvelle cuisine* не как рецептурный, а как культурный и институциональный сдвиг.

В работе используется междисциплинарный подход, объединяющий методы социальной истории, культурологии и социологии питания (*food studies*).

Методологической основой исследования послужили:

- концепция социального поля и символического капитала П. Бурдьё, применяемая для анализа гастрономии как пространства борьбы за культурную легитимность;
- подходы истории повседневности, позволяющие рассматривать пищевые практики как элемент социальной структуры;
- элементы дискурс-анализа при изучении гастрономической критики, медиа-текстов и профессиональных манифестов (*Gault–Millau*).

Источниковую базу составляют материалы ресторанов, гидов и рекламы, публикации дискуссионных гастрономических критиков 1970-х гг., а также вторичные аналитические обзоры по истории питания во Франции.

Обсуждение.

В советской научной литературе 1970–1980-х годов практически отсутствуют публикации, посвящённые *pouvelle cuisine*. Российская академическая историография в 1990–2000-х также практически не анализировала это явление в контексте истории питания.

В культурологической интерпретации Т.Ю. Загряскиной, французская кухня функционирует как знаковая система, в которой гастрономические практики приобретают символическое измерение и закрепляются в нарративных текстах – литературе, медиа, гастрономической публицистике. Исследователь подчеркивает, что кухня характеризуется не столько набором блюд, сколько особым отношением к ним, формирующимся в дискурсивном пространстве культуры. Загряскина фиксирует ряд бинарных оппозиций, структурирующих французскую гастрономическую культуру: традиция – новаторство, регламентация – свобода, коллективность – индивидуальность,

эстетика – коммерция. Именно в поле этих напряжений возникает *pouvelle cuisine*. Она подчеркивает характер новаторства и индивидуального авторства, снижает значение строгой регламентации свойственной классической *haute cuisine*, и одновременно фокусирует внимание на эстетических качествах блюда.

Особое значение имеет противопоставление повседневной и высокой кухни. Автор отмечает, что повседневность требует простоты и функциональности, тогда как высокая гастрономия формирует символический престиж и культурный капитал. *Nouvelle cuisine* 1970-х годов переосмысляет это соотношение: с одной стороны, она декларирует простоту и «естественность» продукта, с другой – усиливает элитарность гастрономического опыта через визуализацию и авторскую концептуализацию блюда.

Новая кухня выступает как культурная реинтерпретация национального гастрономического кода. Она не разрушает традицию, а переводит её в иной регистр – более индивидуализированный, эстетизированный и медийно опосредованный. В этом смысле, *pouvelle cuisine* может рассматриваться как форма культурной модернизации, отражающая процессы социальной трансформации Франции 1970-х годов [7].

Для более комплексного анализа феномена *pouvelle cuisine* целесообразно сопоставить подход Т.Ю. Загряскиной с институциональной моделью, предложенной Х. Рао, Ф. Монингом и Р. Дюраном.

Социологическое исследование Х. Рао, П. Монина и Р. Дюрана демонстрирует, что доля ресторанов, идентифицируемых с принципами *pouvelle cuisine*, увеличилась с 52 % в 1970 г. до 94 % в 1997 г, что позволяет интерпретировать *pouvelle cuisine* как социальное движение, а не исключительно как кратковременную гастрономическую моду. Изменение стандартов оценки, профессиональной социализации и символической легитимации привело к постепенной адаптации принципов новой кухни в ресторанном поле [8].

Загряскина рассматривает гастрономию как систему знаков и коллективных представлений. В ее интерпретации, изменения, происходящие в кухне, отражают сдвиги в культурных кодах и дискурсивных практиках. *Nouvelle cuisine* в этой перспективе – это изменение языка гастрономии, эстетики и символического порядка, а не исключительно как совокупность кулинарных новаций.

Рао, напротив, анализирует *pouvelle cuisine* как «движение идентичности» внутри гастрономического поля. Он показывает, что новая кухня возникла как институциональный конфликт между молодыми шефами и представителями классической *haute cuisine*. Изменение гастрономических стандартов сопровождалось борьбой за легитимность, изменением системы оценивания

(в том числе через Gault & Millau) и перераспределением символического капитала.

Социология питания подчёркивает связь *nouvelle cuisine* с трансформацией телесных норм и вкусовых предпочтений широких слоев населения. Пищевые привычки являются центральным элементом в формировании индивидуальной и коллективной идентичности. То, что люди едят, каким образом они едят и какие смыслы приписываются пищевым практикам, глубоко укоренено в социальных структурах и культурных системах [9]. Российские исследования повседневности и материальной культуры позволяют дополнить данный подход, рассматривая питание как форму символического производства и воспроизводства культурных норм [1, 10].

Французская историография первоначально интерпретировала *nouvelle cuisine* как гастрономическую революцию, связанную с деятельностью ресторанных критиков Анри Го и Кристиана Мийо [11]. В более поздних исследованиях новая кухня рассматривается как институциональный сдвиг в гастрономическом поле, сопровождавшийся изменением статуса шеф-повара и роли медиа-дискурса [12, 13].

Однако движение *nouvelle cuisine* 1970-х годов не было первым эпизодом, когда французская гастрономия провозглашала разрыв с прошлым.

Обращение к истории осмысленной кулинарной культуры показывает, что дискурс «новой кухни» возникал циклически — по крайней мере с XVIII века. Анализ этих ранних форм позволяет увидеть в *nouvelle cuisine* не уникальную революцию, а очередное проявление глубинного механизма обновления традиции.

Несмотря на устойчивую ассоциацию термина *nouvelle cuisine* с гастрономической революцией 1970-х годов, его употребление имеет более раннюю историю. В различные исторические периоды французская кулинарная культура стремилась осмыслить собственную современность как разрыв с предшествующей традицией. Историческое развитие профессиональной кухни демонстрирует постоянное напряжение между традицией и обновлением. С одной стороны, кулинария опирается на накопленное знание и систематизацию (Карем, Эскофье), с другой — регулярно переживает волны упрощения и эстетического переосмысления. Уже в XVIII веке понятие «новой кухни» использовалось для обозначения обновлённой гастрономической практики [14].

Так, в предисловии к трёхтомному изданию *The Modern Cook* (1733) В. Ла Шапель подчёркивает необходимость адаптации поварского искусства к «современному вкусу», дистанцируясь от устаревших способов приготовления пищи [15]. Аналогичная тенденция прослеживается в сочинении Менона *La Cuisinière bourgeoise* (1746), где заметно стремление к упрощению рецептов и рационализации соусов [16]. В начале XIX века

А.-Б.-Л. Гримон де Ла Рейньер в *Almanach des gourmands* отмечал изменение гастрономических вкусов и постепенное смещение акцента в сторону изящества и лёгкости [17]. Дискуссии о «новизне» кулинарных практик находят отражение и в эпистолярной культуре эпохи Просвещения, включая переписку Вольтера [18].

Дискурс «новой кухни» XVIII века демонстрирует циклический характер гастрономической модернизации: каждая эпоха провозглашает собственную новизну как разрыв с прошлым. Шеф-повара поколения Пуан, Бокюза, Труагро отвергли сложные соусы, длительные тепловые обработки и декоративную перегруженность, предложив более лёгкий, «естественный» стиль, ориентированный на вкус продукта, сокращение времени приготовления и авторскую подачу блюда. Тем самым, изменилась не только техника, но и символический статус шеф-повара: именно он стал окончательным автором гастрономического произведения [14].

Результаты.

Именно эта логика — отказ от тяжеловесности, эмансипация повара как автора и эстетизация подачи — с наибольшей полнотой реализовалась во французской *nouvelle cuisine* 1970-х годов. Однако в отличие от предшествующих волн обновления, она опиралась на принципиально иную институциональную и медийную инфраструктуру.

«Новая кухня» (*nouvelle cuisine*) — это гастрономическое направление, сформировавшееся во Франции в конце 1960-х годов и получившее широкое признание в 1970-е годы. Сам термин был введён гастрономическими критиками Анри Го (Henri Gault) и Кристианом Мийо (Christian Millau) и институционально закреплён в рамках ресторанного гида Gault–Millau [19].

Важным фактором распространения *nouvelle cuisine* стала трансформация гастрономического медиaprостранства. Противостояние между традиционным *Guide Michelin* и альтернативным гидом Gault–Millau отражало более широкий конфликт между консервативной моделью высокой кухни и новой эстетикой, ориентированной на индивидуальность шеф-повара. В этом контексте, *nouvelle cuisine* выступала не только как совокупность кулинарных приёмов, но и как форма культурного высказывания, связанная с отказом от авторитарных канонов вкуса.

В 1960-е годы система Michelin отражала иерархию классической *haute cuisine*, основанную на стабильности рецептов и строгом соблюдении канонов. Однако уже в 1970-е годы ряд шеф-поваров, ассоциируемых с *nouvelle cuisine* (Поль Бокюз, братья Труагро, Мишель Герар), сохраняли и получали высшие оценки Michelin, что свидетельствует не о разрушении института, а о его адаптации к новым стандартам гастрономической легитимации. [20]. Параллельно, Gault–Millau предлагал альтернативную шкалу оценки

вания (балльная система 20/20), активно продвигая молодых шефов и фиксируя принципы «десяти заповедей nouvelle cuisine». Таким образом, в 1970-е годы происходит конкуренция двух моделей символической экспертизы: Michelin – иерархическая стабильность; Gault–Millau – критическая легитимация инновации [11]. К 1980-м годам принципы nouvelle cuisine частично интегрируются в критерии оценки Michelin, что свидетельствует о завершении фазы институционального конфликта и нормализации новации.

Гастрономические инновации не распространяются спонтанно. Для этого необходимы посредники, институты и системы легитимации. В случае nouvelle cuisine ключевую роль сыграли ресторанные гиды, гастрономические критики и специализированные медиа, которые определяли, что именно следует считать инновацией, и формировали вкусовые ориентиры публики. Через эти механизмы кухня стала частью более широкой медиакультуры [21].

Ключевой особенностью nouvelle cuisine стало сочетание критического и профессионального дискурсов. Анри Го и Кристиан Мийо, не будучи профессиональными поварами, сформировали нормативную модель новой кухни и обеспечили её публичную легитимацию [11]. Практическая реализация идей nouvelle cuisine была осуществлена профессиональными шеф-поварами – Полем Бокюзом, Мишелем Гераром, Жаном и Пьером Труагро, Аленом Сендереном, получившими классическое образование в традиции haute cuisine [12].

Согласно Encyclopaedia Britannica, nouvelle cuisine противопоставляла себя тяжёлым соусам, выдерживания дичи, избыточного использования пряностей и длительной тепловой обработке, характерным для классической высокой кухни, делая акцент на свежести продуктов, лёгкости

блюда и натуральном вкусе ингредиентов. Особое значение придавалось сохранению натурального цвета и степени прожарки рыбы («розовой у хребта»), а также приготовлению овощей до состояния al dente [22].

Го и Мийо совместно сформулировали так называемые «десять заповедей nouvelle cuisine», включавшие отказ от переваривания, упрощение меню, использование сезонных продуктов, сокращение жирных соусов и внимание к диетологическим аспектам питания [19].

Особое место занимает направление cuisine minceur, разработанное Мишелем Гераром. Данный стиль сочетал гастрономическую выразительность с принципами умеренности и заботы о здоровье, отражая трансформацию представлений о теле и питании во второй половине XX века. Он продвигал концепцию «кухни от рынка», ориентированной на сезонность и свежесть продукта [23, с. 15].

Жозель Робюшон определял современный соус как редуцированный натуральный сок, эмульгированный с жировой составляющей без использования тяжёлых загустителей [24, с. 102].

В эстетическом плане nouvelle cuisine усилила визуальный компонент гастрономии: композиция, цвет, текстурная контрастность и презентация стали неотъемлемой частью кулинарного высказывания.

Новая кухня находилась в центре внимания. Молодые повара начинали осваивать новые техники. Достижения в области электрооборудования, миксеров и блендеров позволяли сделать соусы более легкими, а блюда – более свежими и разнообразными [25]. Технологические и эстетические инновации способствовали появлению новой кулинарной культуры. Ниже в таблице приведены характерные отличия.

Таблица 1

Сравнительная характеристика haute cuisine и nouvelle cuisine

Параметр	Haute cuisine (до 1970-х)	Nouvelle cuisine
Термическая обработка	Длительная	Кратковременная, сохранение естественной текстуры продукта
Соусы	Жирные, мучные	Лёгкие, редуцированные, эмульсионные соусы,
Порции	Крупные	Уменьшенные
Вкус	Стандартизированный	Индивидуализированный
Подача	Традиционная	Эстетизированная, минимализм в композиции блюда

Хотя в 1980-е годы nouvelle cuisine подвергалась критике за чрезмерную эстетизацию, её ключевые принципы – акцент на ингредиенте, лёгкость соусов, визуальная композиция блюда – стали частью современной гастрономической нормы.

Это позволяет рассматривать новую кухню не как кратковременную моду, а как этап структурной трансформации профессиональной гастрономии Франции во второй половине XX века [14].

Заключение.

Nouvelle cuisine представляет собой сложный социально-культурный феномен, отражающий трансформацию традиционной культуры питания Франции во второй половине XX века. Новая кухня не разрушила гастрономическую традицию, а переосмыслила её в соответствии с изменившимися социальными, телесными и профессиональными нормами. Nouvelle cuisine отражала более широкий культурный сдвиг 1970-х годов – переход от иерархической, регламентированной модели к модели индивидуализированной, ориентированной на творчество и самовыражение [14].

Вместе с тем, косвенное влияние *nouvelle cuisine* проявилось в долгосрочной перспективе. Отказ от чрезмерно тяжёлых соусов, повышение внимания к свежести продуктов и эстетике подачи постепенно проникали в массовую культуру через кулинарные журналы, телевидение и изда-

ния рецептов. Её возникновение было обусловлено совокупностью социально-экономических, культурных и институциональных факторов, характерных для Франции 1970-х годов.

Анализ историографии показывает, что данное направление стало важным этапом трансформации гастрономического поля, изменив профессиональную идентичность шеф-повара и механизмы культурной легитимации вкуса. Nouvelle cuisine может рассматриваться как внутренняя трансформация гастрономической традиции, а не как её отрицание.

В то же время, влияние *nouvelle cuisine* на повседневные пищевые практики населения носило опосредованный и ограниченный характер. Основные изменения затронули сферу высокой кухни и гастрономического дискурса.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гуревич А. Я. История повседневности. М. : РОССПЭН, 1999. 232 с.
2. Левинсон А. Г. Пища как социальный код // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 99–115.
3. Кабанова М. Н. Повседневность и материальная культура: методология исследования. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2016. 188 с.
4. Food and Cultural Studies / B.Ashley [et al.]. London : Routledge, 2004. 256 p. DOI: 10.4324/9780203646915
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 1992. 704 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
7. Загрязкина Т.Ю. Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 57–69. EDN: TRZSVJ
8. Rao H. Institutional Change in Toque Ville: Nouvelle Cuisine as an Identity Movement in French Gastronomy / H. Rao, P. Monin, R. Durand // American Journal of Sociology. 2003. Vol. 108. № 4. P. 795–843. DOI: 10.1086/367917 EDN: GKIBGD
9. Fischler C. Food, Self and Identity // Social Science Information. 1988. Vol. 27. № 2. P. 275–292. DOI: 10.1177/053901888027002005 EDN: JPYTFR
10. Щепанская Т.Б. Антропология еды // Антропология повседневности. СПб. : Алетейя, 2010. С. 211–247.
11. Gault H. Gault-Millau: Le guide de la France / H. Gault, C. Millau. Paris : Publications Gault-Millau, 1973.
12. Trubek A. Haute Cuisine: How the French Invented the Culinary Profession. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2000. 216 p.
13. Rao H. Market Rebels: How Activists Make or Break Radical Innovations. Princeton : Princeton University Press, 2009. 216 p.
14. Banerjee B. Pre Module Guided Reading (PMGR): History of Modern Food Service. Kolkata. URL : <https://www.scribd.com/document/434919106/Origin-of-Modern-Cuisine> (date of application 03.02.2026).
15. La Chapelle V. The Modern Cook. London, 1733. Vol. 3.
16. Menon. La Cuisinière bourgeoise. Paris, 1746.
17. Grimod de La Reynière A.-B.-L. Almanach des gourmands. Paris, 1803–1812.
18. Voltaire. Correspondance. Paris: Gallimard, 1977. (Bibliothèque de la Pléiade).
19. Gault&Millau. Our History // Gault&Millau. 2019. URL : <https://fr.gaultmillau.com/en/news/notre-histoire-gault-millau> (date of application 12.02.2026).
20. Michelin Guide. History of the Michelin Guide // Michelin Guide. URL : <https://guide.michelin.com/th/en/history-of-the-michelin-guide-th> (date of application 13.02.2026).

21. del Moral G. R. Gastronomic Paradigms in Contemporary Western Cuisine // *Frontiers in Nutrition*. 2020. Vol. 7. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/nutrition/articles/10.3389/fnut.2019.00192/full> (date of application 12.02.2026).
22. Myhrvold N. Nouvelle cuisine // *Encyclopaedia Britannica*. 2024. URL : <https://www.britannica.com/topic/nouvelle-cuisine> (date of application 12.02.2026).
23. Guérard M. *La cuisine minceur*. Paris : Laffont, 1976. 256 p.
24. Robuchon J. *The Complete Robuchon*. New-York : Knopf, 2008. 832 p.
25. Bacqué R. Quand Gault et Millau lançaient la nouvelle cuisine // *Le Monde*. 18.07.2016. URL : <https://www.lemonde.fr> (date of application 12.02.2026).

References:

1. Gurevich A.Ya. *History of Everyday Life*. M. : ROSSPEN, 1999. 232 p.
2. Levinson A.G. Food as a Social Code // *Sociological Journal*. 2000. № 3/4. P. 99–115.
3. Kabanova M. N. *Everyday Life and Material Culture: Research Methodology*. SPb. : St. Petersburg State University Press, 2016. 188 p.
4. *Food and Cultural Studies* / B.Ashley [et al.]. London : Routledge, 2004. 256 p. DOI: 10.4324/9780203646915
5. Lotman Yu.M. *Semiosphere*. SPb. : Iskustvo-SPB, 1992. 704 p.
6. Stepanov Yu. S. Constants: A Dictionary of Russian Culture. M. : Academic Project, 2004. 992 p.
7. Zagryazkina T.Yu. Codes of French cuisine in the context of narrative texts // *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015. № 2. P. 57–69. EDN: TRZSVJ
8. Rao H. Institutional Change in Toque Ville: Nouvelle Cuisine as an Identity Movement in French Gastronomy / H. Rao, P. Monin, R. Durand // *American Journal of Sociology*. 2003. Vol. 108. № 4. P. 795–843. DOI: 10.1086/367917 EDN: GKIBGD
9. Fischler C. Food, Self and Identity // *Social Science Information*. 1988. Vol. 27. № 2. P. 275–292. DOI: 10.1177/053901888027002005 EDN: JPYTFR
10. Shchepanskaya T.B. *Anthropology of Food* // *Anthropology of Everyday Life*. SPb. : Aleteya, 2010. P. 211–247.
11. Gault H. Gault-Millau: *Le guide de la France* / H. Gault, C. Millau. Paris : Publications Gault-Millau, 1973.
12. Trubek A. *Haute Cuisine: How the French Invented the Culinary Profession*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2000. 216 p.
13. Rao H. *Market Rebels: How Activists Make or Break Radical Innovations*. Princeton : Princeton University Press, 2009. 216 p.
14. Banerjee B. Pre Module Guided Reading (PMGR): History of Modern Food Service. Kolkata. URL : <https://www.scribd.com/document/434919106/Origin-of-Modern-Cuisine> (date of application 03.02.2026).
15. La Chapelle V. *The Modern Cook*. London, 1733. 3 vol.
16. Menon. *La Cuisinière bourgeoise*. Paris, 1746.
17. Grimod de La Reynière A.-B.-L. *Almanach des gourmands*. Paris, 1803–1812.
18. *Voltaire. Correspondance*. Paris: Gallimard, 1977. (Bibliothèque de la Pléiade).
19. Gault&Millau. *Our History* // Gault&Millau. 2019. URL : <https://fr.gaultmillau.com/en/news/notre-histoire-gault-millau> (date of application 12.02.2026).
20. Michelin Guide. History of the Michelin Guide // Michelin Guide. URL : <https://guide.michelin.com/th/en/history-of-the-michelin-guide-th> (date of application 13.02.2026).
21. del Moral G. R. Gastronomic Paradigms in Contemporary Western Cuisine // *Frontiers in Nutrition*. 2020. Vol. 7. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/nutrition/articles/10.3389/fnut.2019.00192/full> (date of application 12.02.2026).
22. Myhrvold N. Nouvelle cuisine // *Encyclopaedia Britannica*. 2024. URL : <https://www.britannica.com/topic/nouvelle-cuisine> (date of application 12.02.2026).
23. Guérard M. *La cuisine minceur*. Paris : Laffont, 1976. 256 p.
24. Robuchon J. *The Complete Robuchon*. New-York : Knopf, 2008. 832 p.
25. Bacqué R. Quand Gault et Millau lançaient la nouvelle cuisine // *Le Monde*. 18.07.2016. URL : <https://www.lemonde.fr> (date of application 12.02.2026).

Информация об авторе

Калмыкова Марина Владимировна
кандидат исторических наук,
преподаватель филологического факультета,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
ORCID iD: 0000-0003-1704-6673
marinamgu@mail.ru

Marina V. Kalmykova
Candidate of Historical Sciences,
Lecturer at the Philological Faculty,
Shenzhen MSU-BIT University
ORCID iD: 0000-0003-1704-6673
marinamgu@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-8>

УДК 93

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Касьянов В.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы формирования и сохранения исторической памяти современной российской молодежи о событиях Великой Отечественной войны в контексте государственной политики, направленной на историческое просвещение и противодействие фальсификации истории войны. Автор отмечает, что события войны 1941–1945 годов имеют особое значение для исторической памяти населения современной России, выступают в качестве основополагающего компонента системы значимых ценностей россиян, опорного образа национального самосознания и коллективной идентификации. Автором подчеркивается, что подавляющее большинство россиян считают важным сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, однако, материалы опросов, в то же время, свидетельствуют о размывании памяти представителей различных возрастных групп и, в первую очередь, у молодежи о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы войны, что обуславливает необходимость сохранения в исторической памяти молодого поколения знаний и представлений о преступлениях нацистов в этот период. Политика современного российского государства, направленная на формирование и сохранение исторической памяти молодежи о событиях войны 1941–1945 годов, должна иметь комплексный характер, включая в качестве основных составляющих качественное и эффективное преподавание истории войны в различных учебных заведениях, привлечение наиболее авторитетных преподавателей и ученых, являющихся специалистами по истории войны, к работе со средствами массовой информации, активную популяризацию и широкое продвижение в молодежной среде знаний о событиях войны, реализацию исторических программ образовательного и просветительского характера.

Ключевые слова: общество, молодежь, историческое сознание, общественное сознание, историческая память, исторический дискурс, коллективная память, идентичность, общегражданская идентичность, государственная политика, историческая правда, историческое просвещение, традиционные ценности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CHALLENGES OF SHAPING AND PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN RUSSIAN YOUTH REGARDING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Valery V. Kasyanov

Kuban State University

Abstract. The article examines the main problems related to the formation and preservation of the historical memory of modern Russian youth regarding the events of the Great Patriotic War, in the context of state policy aimed at historical education and countering the falsification of the war's history. The author notes that the events of the 1941–1945 war are of particular importance for the historical memory of the population of modern Russia, acting as a fundamental component of the system of significant values of Russians, the basic image of national identity and collective identification. The article emphasizes that the overwhelming majority of Russians consider it important to preserve the memory of the events of the Great Patriotic War, but survey materials at the same time indicate a blurring of the memory of representatives of various age groups and, above all, youth about the crimes of the Nazis and their accomplices against civilians during the war, which necessitates

© Касьянов В.В.

the preservation of historical memory. the younger generation has knowledge and ideas about the crimes of the Nazis during this period. The policy of the modern Russian state aimed at forming and preserving the historical memory of young people about the events of the 1941–1945 war should be comprehensive, including high-quality and effective teaching of war history in various educational institutions as the main components, attracting the most reputable teachers and scientists who are specialists in the history of the war to work with the media, active popularization and wide promotion of knowledge about the events of the war among young people, the implementation of historical educational and educational programs.

Keywords: society, youth, historical consciousness, public consciousness, historical memory, historical discourse, collective memory, identity, civil identity, public policy, historical truth, historical enlightenment, traditional values.

Funding: Independent work.

Введение.

События Великой Отечественной войны имеют для нашей страны особую значимость, выступая в качестве предмета гордости для представителей различных социально-демографических групп в российском обществе, основополагающего опорного образа национального самосознания и общекультурной идентичности.

Большое значение имеет формирование и сохранение исторической памяти о войне в сознании современной молодежи, от которой зависит будущее российского общества и государства, трансляция представлений о Великой Отечественной войне как наиболее знаковом событии исторического прошлого нашей страны новым поколениям россиян [1, с. 11].

Основная проблема здесь заключается в том, что в настоящее время информация о Великой Отечественной войне становится элементом информационных войн и манипуляций сознанием людей. В течение последних лет, особенно с началом Специальной военной операции, резко возросли попытки фальсификации или искажения памяти о событиях войны. В специальных исследованиях отмечается, что данные фальсификации связаны со стремлением создания новой, ревизионистской концепции Второй мировой и Отечественной войн в западной интерпретации. Последняя характеризуется не только принижением той роли, которую Советский Союз сыграл в победе над нацистской Германией и ее союзниками, но и возложением на СССР равной с Германией, а нередко даже – и главной ответственности за развязывание Второй мировой войны [2, с. 72–73].

Подобного рода фальсификации направлены, в первую очередь, на молодежь, историческое сознание которой отличается размытостью и неустойчивостью, а также носит бессистемный характер. В течение последних лет имели место не только теоретические изыскания в области фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны, но и совершались конкретные практические действия в этой сфере, включающие «борьбу с памятниками, дегероизацию советских воинов, возвеличивание предателей, коллаборационистов и т.д.» [2, с. 74–75].

Реализуемые в настоящее время попытки по-новому интерпретировать события войны и ее итоги в целом соответствуют сложившейся в современных западных государствах политической конъюнктуре и фактически выступают в качестве одного из ведущих направлений той информационной войны, которая развязана коллективным Западом против Российской Федерации.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость противодействия «историческому ревизионизму» и защиты подлинной истории Великой Отечественной войны, формирования и сохранения исторической памяти об этом важнейшем для нашей страны событии прошлого в сознании молодежи и других возрастных групп.

В сложившейся ситуации в качестве одного из приоритетных направлений мемориальной политики современного российского государства должны выступать формирование и сохранение исторической памяти молодого поколения о событиях Великой Отечественной войны, осуществляемые в комплексе с деятельностью, направленной по противодействию фальсификации истории войны, искажению соответствующих исторических фактов.

Результаты. Обсуждение.

В рамках анализа проблем формирования и сохранения исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне, целесообразно обратиться к материалам социологических опросов молодежи, отражающих характер их представлений о рассматриваемом историческом событии. Эмпирические данные, включающие результаты многочисленных всероссийских исследований, посвященных памяти представителей различных групп отечественной молодежи о событиях войны 1941–1945 годов, свидетельствуют о том, что российская молодежь в целом отличается достаточно высоким уровнем осведомленности о войне, ее основных сражениях. Более того, большинство молодых людей в нашей стране проявляют интерес к истории Великой Отечественной войны, считают знания о ней обязательными для каждого россиянина [3, с. 94–95].

Как молодежь, так и представители других возрастных групп, имеют представления о крупнейших битвах войны 1941–1945 годов: сражении за Москву, Сталинградской, Курской и других битвах.

Особое место в исторической памяти о событиях войны занимает память о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных в отношении советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Подавляющему большинству респондентов разных возрастов известно о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками в рассматриваемый период, однако, представления о степени значимости данных трагических событий находятся в зависимости от возраста респондентов: так, каждый пятый молодой россиянин имеет очень поверхностные представления, либо же вовсе ничего не знает о геноциде советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в сознании новых поколений якобы нет особой необходимости [4].

Рассматриваемая позиция, присущая некоторой части современной российской молодежи, может быть объяснена тем, что у молодых людей в настоящее время практически нет возможности получить информацию о войне из уст ее непосредственных участников, людей, помнящих обо всех ужасах, связанных с войной, и преступлениях, совершенных нацистами. В отличие от молодежи, представители старших возрастных групп имели возможность узнать правду о войне от ветеранов и других лиц, являвшихся непосредственными свидетелями военных преступлений. Благодаря взаимодействию с очевидцами рассматриваемых событий в памяти людей сохранялись достоверные представления о пережитой советским народом трагедии, многочисленных страданиях и испытаниях, которые пришлось на долю наших соотечественников в годы войны.

В силу того, что события Великой Отечественной войны все более отдаляются от нас во времени и в живых остается все меньше людей, бывших очевидцами этих событий, происходит достаточно закономерное размывание или уход из памяти наших современников представлений о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками против мирного населения в годы войны.

Совершенно очевидно, что в общественном сознании россиян и, в первую очередь, молодежи необходимо не только сохранять память о крупнейших военных сражениях, но и увековечивать

память жертв геноцида советского народа. С этой целью накануне восьмидесятилетней годовщины Победы в Великой Отечественной войне был принят федеральный закон, предусматривающий увековечивание памяти жертв геноцида советского народа, разработчики которого исходили из справедливого представления о том, что уважительное отношение к памяти жертв этих преступлений, а также почитание силы духа советского народа, проявившего единство и стойкость в борьбе с нацистами и их пособниками, является священным долгом всех граждан [5]. Помимо этого, учитывалась и необходимость международного сотрудничества, поддержания всеобщего мира и согласия, а также недопущения проявлений нацизма в любой форме.

В соответствии с данным законом, предусматривается реализация ряда мероприятий, направленных на увековечивание памяти жертв геноцида советского народа и включающих:

- сохранение, благоустройство захоронений останков жертв геноцида, установку мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память о них; проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных захоронений останков жертв геноцида;
- создание соответствующих музеев, отдельных экспозиций и выставок, в том числе в музеях образовательных организаций;
- публикацию в различных СМИ материалов о геноциде советского народа со стороны фашистской Германии и её союзников, создание произведений искусства и литературы, посвященных памяти жертв геноцида;
- включение в различные образовательные и воспитательные программы, материалов, разработанных на основании достоверных исторических источников и посвященных памяти жертв геноцида советского народа.

Наряду с этим, рассматриваемый закон признает недопустимым публичное оправдание как геноцида, так и нацистской идеологии в целом.

Справедливости ради необходимо отметить, что подавляющее большинство представителей молодежи в нашей стране не только понимают высокую значимость мемориальной политики, направленной на сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, но и указывают на недостаточность имеющихся у них знаний о войне, что, в свою очередь, обуславливает необходимость получения новой информации и дополнительных сведений о данном историческом событии. К сказанному следует добавить, что многие молодые люди в нашей стране проявляют высокий интерес к биографиям своих предков, бывших участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (подавляющему большинству молодых респондентов, в част-

ности, известно о том, что в их роду были люди, которые защищали Родину в годы войны) [6, с. 124–125]. Однако, несмотря на то обстоятельство, что большая часть молодых россиян осознает важность сохранения памяти о событиях войны, в России имеется достаточно много граждан молодого возраста (30 % по данным ВЦИОМ), которые не проявляют особого интереса ни к Великой Отечественной войне, ни к историческому прошлому страны в целом [4]. Что касается той части молодежи, которая интересуется событиями войны, то данный интерес находит конкретные проявления в посещении военных музеев или экспозиций, выставок и парадов, участии в специальных акциях, посвященных памяти о Великой Отечественной войне, характерным примером которых может служить «Бессмертный полк».

Результаты эмпирических исследований показывают, что абсолютное большинство представителей российской молодежи испытывает чувство гордости за своих предков, которые одержали победу в войне. Наряду с этим, День Победы в Великой Отечественной войне рассматривается как молодыми, так и взрослыми россиянами в качестве Национальной Идеи, самого важного и значимого праздника, причем этот праздник, с точки зрения молодых людей, сохранит свою высокую актуальность даже в отдаленном будущем, и отмечать его будут спустя десятилетия.

Для современных российских школьников и студентов основными источниками получения сведений о событиях войны выступают рассказы членов семьи, материалы учебников и пособий по истории, кинематографическая продукция, посвященная военным событиям, и ряд других материалов. Значительная часть представителей молодого поколения россиян, по их собственному признанию, узнала о событиях Великой Отечественной войны из рассказов старших членов семьи: память о войне, как свидетельствуют данные социологических опросов, помимо различных исторических документов и кинохроники, продолжает жить в семейных историях и воспоминаниях о боевом пути и судьбах участников Великой Отечественной войны (так, около половины респондентов знают о своих предках, участвовавших в войне, именно из семейных хроник и архивов, рассказов родственников, а также различных военных писем и фотографий) [7].

Приведенные эмпирические данные позволяют сделать вывод, в соответствии с которым так называемые семейные традиции устных рассказов об участниках войны продолжают сохранять свою высокую значимость несмотря на постепенный уход из жизни людей, являвшихся живыми очевидцами рассматриваемых событий.

Как мы уже ранее отмечали, имеется существенный разрыв в передаче памяти между представителями различных поколений россиян: чем больше возраст наших соотечественников,

тем выше уровень их осведомленности о близких родственниках, участвовавших в войне. К сожалению, память о событиях войны постепенно стирается, поскольку примерно каждому третьему россиянину известно только о факте участия своих предков в Великой Отечественной войне, но неизвестны подробности их боевого пути (отметим, что в этой группе респондентов численно преобладают именно представители молодежи).

Память о событиях войны в российских семьях сохраняется посредством устной передачи историй о подвигах предков и различных трагедиях, относящихся к данному историческому событию, однако с течением времени, по мере отдаления от периода 1941–1945 годов, данная межпоколенческая связь ослабевает. Тем не менее, различные семейные архивы и другие артефакты военных лет продолжают играть важную роль в сохранении и трансляции исторической памяти о войне на бытовом, семейном уровне, выступая в качестве своеобразных носителей живой памяти, связывающей между собой представителей разных поколений россиян.

С течением времени, как показывают результаты социологических исследований, меняются представления о значении победы в Великой Отечественной войне в сознании наших соотечественников: последние годы люди все чаще стали воспринимать День Победы в качестве дня памяти и скорби (данная позиция, присущая примерно каждому четвертому гражданину нашей страны, характерна в первую очередь для отечественной молодежи). В то же время, абсолютное большинство жителей современной России по-прежнему воспринимают День Победы как самый значимый для себя и для страны праздник, а победу в Великой Отечественной войне как самую важную победу во всей российской истории. Подобную точку зрения, чаще всего, разделяют лица среднего и старшего возраста, рожденные до начала 1980-х годов: к этим возрастным категориям относятся люди, хорошо помнящие ветеранов войны, имевшие возможность лично общаться с фронтовиками, приобретая информацию о военных событиях от их непосредственных участников [7]. Характер восприятия войны 1941–1945 годов и победы в ней, как и любых других событий исторического прошлого, отражает естественные процессы трансформации коллективной исторической памяти, которая с течением времени и по мере удаления от конкретных исторических событий претерпевает деперсонализацию и обобщение.

Материалы многочисленных эмпирических исследований свидетельствуют о сохранении представлений о значимости Великой Отечественной войны и победы в ней в сознании современных россиян, включая и представителей отечественной молодежи [7]. Что же касается характерного для последней акцента на скорби и памяти в восприятии Дня Победы, то он, как уже отмечалось ранее, может быть связан с измене-

нием форм передачи исторической памяти. В отличие от старших поколений, память о войне которых формировалась, во многом, на основе непосредственного общения с ее участниками, молодежь черпает представления об этих событиях посредством различной аудиовизуальной продукции, текстовых и других каналов передачи информации.

Различные опросы показывают, что россияне разных возрастов считают необходимым передавать новым поколениям целостную и достоверную информацию о войне, а также формировать патриотические чувства с помощью рассказов о Великой Отечественной войне, органически сочетающих семейные истории и описание ключевых военных сражений, показывающих героизм отдельных бойцов и всего советского народа в целом [7]. При этом многие наши соотечественники, включая и представителей молодежи, полагают, что информация о Великой Отечественной войне является в настоящее время элементом информационных войн и манипуляций сознанием людей. Так, российские студенты, в частности, заявляют об имеющихся попытках исказить историю войны и реабилитировать предателей Родины [8, с. 101].

Данные фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны являются частью информационной войны, развязанной коллективным Западом против Российской Федерации. Эта информационная война, как уже указывалось выше, направлена на перестроение исторического сознания населения современного общества и молодежь здесь выступает в качестве наиболее уязвимой возрастной категории в силу присущей представителям данной социально-демографической группы неустойчивости и размытости ценностных установок и ориентаций, что особенно характерно для младшей когорты молодежи. Как отмечается в специальных исследованиях, посвященных проблемам противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны, современные российские геополитические противники, к числу которых относятся, в первую очередь, западные государства в лице своих спецслужб и других организаций, а также лидеры экстремистских объединений и неонацистские идеологи, ориентируются в своей деятельности прежде всего на молодежь, имея приоритетной целью размывание духовно-нравственных ценностей молодого поколения, деформацию исторического сознания и исторической памяти его представителей [9, с. 60–61]. Закономерным следствием распространения подобных идей в молодежной среде является рост в течение последних лет числа преступлений, объектом посягательства которых выступают военные мемориалы и другие объекты культурно-исторического наследия, которые были созданы с целью увековечивания памяти защитников Отечества и в большинстве случаев посвящены именно Великой Отечественной войне.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости активизации государственной мемориальной политики, направленной на формирование и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, осуществляемой в комплексе с деятельностью по противодействию фальсификации истории войны, искажению соответствующих исторических фактов. Одних мер уголовно-правового характера, включающих введение уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, недостаточно для эффективной реализации деятельности, направленной на противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны, формирование и сохранение исторической памяти молодежи о данном событии. Такая деятельность должна иметь комплексный характер, включая в числе основных составляющих качественное и эффективное преподавание истории войны в различных учебных заведениях, привлечение наиболее авторитетных преподавателей и ученых, являющихся специалистами по истории войны, к работе со средствами массовой информации, активную популяризацию и широкое продвижение знаний о событиях Великой Отечественной войны, реализацию специальных исторических программ образовательного и просветительского характера.

Специфика формирования исторической памяти представителей современного молодого поколения заключается в том, что данный процесс происходит не столько под воздействием печатных, сколько на основе визуальных образов прошлого, значительная часть которых содержится в Интернете, который в целом выступает для молодежи в качестве важнейшего источника информации, относящейся к различным областям знания [10, с. 27]. Рассматриваемая информация нередко может быть заимствована из ненадежных и непроверенных источников, следствием чего неизбежно становится недостоверность содержащихся в них исторических данных.

В указе главы российского государства, посвященном основам политики в области исторического просвещения, подчеркивается, что в материалах сети Интернет, различных электронных ресурсах могут содержаться «негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространяться ложные представления о России», способствующие «деформации исторической памяти и искажению исторической правды». По этой причине, в тексте данного документа отмечается необходимость в создании и продвижении каналов распространения информации научно обоснованного и достоверного характера о ключевых российских исторических событиях, к числу которых, в первую очередь, относятся события Великой Отечественной войны, что предусматривает создание целой серии информационных продуктов, призванных способствовать повышению уровня исторической грамотности и осведомленности населения об историческом прошлом страны. Так, одной из

основополагающих целей государственной политики в области исторического просвещения является «сохранение памяти о защитниках Отечества и недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества» [11].

Важную роль в государственной политике, направленной на формирование и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, призван играть, созданный по инициативе главы государства «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» [12].

Политика российского государства в области формирования и сохранения исторической памяти, а также работа специалистов Национального центра исторической памяти должна быть направлена на то, чтобы представители молодого поколения, а также все интересующиеся историей граждане могли получать профессиональные, а также понятно сделанные материалы об историческом прошлом страны. Так, в качестве одного из значимых проектов, реализуемых Национальным центром исторической памяти, выступает федеральный проект «Без срока давности», целью которого выступает сохранение исторической правды о преступлениях нацистов и их пособников в отношении советских мирных граждан в годы Великой Отечественной войны. Проект «Без срока давности» также направлен на формирование в общественном сознании неприятия нацизма в любых его проявлениях как в исторической ретроспективе, так и в современной форме неонацизма, а также неотвратимости наказания за преступления против человечности, какой бы срок давности они ни имели.

Заключение.

Историческая память содержит важные для общества культурно-исторические нормы и ценности, которые, в случае их успешной трансляции, передачи из поколения в поколение, способны обеспечить стабильное и поступательное развитие данного общества.

Особое значение для исторической памяти населения современной России представляют события Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, выступающие в качестве основополагающего компонента системы значимых цен-

ностей граждан: война и победа в ней являются неотъемлемыми составляющими коллективной идентификации представителей различных групп и слоев, интегрирующими образами национального самосознания.

С учетом данных обстоятельств, одним из приоритетных направлений политики современного российского государства должно выступать формирование и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, реализуемое в комплексе с деятельностью по противодействию фальсификации истории войны, искажению соответствующих исторических фактов.

Анализ результатов всероссийских социологических исследований показывает, что подавляющее большинство наших соотечественников считают необходимым сохранение памяти о Великой Отечественной войне. В то же время, материалы опросов свидетельствуют о размывании памяти о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы войны, что обуславливает необходимость сохранения в исторической памяти россиян знаний о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных в отношении советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Значительная часть российских граждан в настоящее время также считает, что информация о Великой Отечественной войне является элементом информационных войн и манипуляций сознанием людей. Политика современного российского государства, направленная на формирование и сохранение исторической памяти молодежи о событиях войны 1941–1945 годов наряду с деятельностью по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны, должна иметь комплексный характер, включая в качестве основных составляющих качественное и эффективное преподавание истории войны в различных учебных заведениях, привлечение наиболее авторитетных ученых и преподавателей исторических дисциплин к работе со средствами массовой информации, активную популяризацию и широкое продвижение знаний о событиях войны, реализацию специальных исторических программ образовательного и просветительского характера.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Касьянов В.В. Историческая память о событиях Великой Отечественной войны и современное российское общество / В.В. Касьянов, П.С. Самыгин, М.Ю. Попов // История. Культурология. Политология. 2025. № 1. С. 11–20. DOI: 10.24412/3034-3364-2025-1-4 EDN: EOWQKE
2. Акопьянц А.С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения (гуманитарные исследования). 2020. № 2(8). С. 71–78. EDN: RSBZQO
3. Воронцов С.А. Об отношении российской молодежи к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / С.А. Воронцов, А.В. Понедельков // Власть. 2020. № 3. С. 91–97. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7318 EDN: WTKVYR
4. Чтобы помнили! Аналитический обзор ВЦИОМ от 19 апреля 2023 г. URL : wciom.ru>analytical-reviews/analiticheskii-obzor (дата обращения 01.05.2026).
5. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» //Собрание законодательства Российской Федерации. 28 апреля 2025 г. № 17. Ст. 2103.
6. Хилько Н.Ф., Озерова О.А. Образы исторической памяти в представлениях молодежи на примере празднования Дня Победы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 4(29). С. 123–126. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-123-126 EDN: KKOIYF
7. 9 мая и память о Великой войне. Аналитический обзор ВЦИОМ от 07 мая 2024 г. URL : wciom.ru>analytical-reviews/analiticheskii-obzor (дата обращения 02.02.2026).
8. Устинкин С.В. Великая Отечественная война в восприятии молодежи России // Обозреватель. 2017. № 6(329). С. 100–107. EDN: YPMPWB
9. Шевелева К.В. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект / К.В. Шевелева, Н.Е. Честнов // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3(34). С. 58–63. EDN: LVQGFV
10. Касьянов В.В. Историческая память современной российской молодежи: особенности формирования и роль в системе патриотического воспитания / В.В. Касьянов, Л.В. Самыгина, С.А. Чупрынников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки, культурология, политические науки. 2022. № 3. С. 26–31. EDN: ALFNEX
11. Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» //Собрание законодательства Российской Федерации. 13 мая 2024 г. № 20. Ст. 2587.
12. Указ Президента Российской Федерации от 02 ноября 2023 г. № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации. 6 ноября 2023 г. № 45. Ст. 8034.

References:

1. Kasyanov V.V. Historical Memory of the Events of the Great Patriotic War and Modern Russian Society / V.V. Kasyanov, P.S. Samygin, M.Yu. Popov // History. Cultural Studies. Political Science. 2025. № 1. P. 11–20. DOI: 10.24412/3034-3364-2025-1-4 EDN: EOWQKE
2. Akopyants A.S. Modern Falsifications of the History of the Great Patriotic War // Vestnik of the Siberian State University of Railway Transport (Humanitarian Studies). 2020. № 2(8). P. 71–78. EDN: RSBZQO
3. Vorontsov S.A. On the Attitude of Russian Youth to the Great Patriotic War of 1941–1945 / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov // Vlast. 2020. № 3. P. 91–97. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7318 EDN: WTKVYR
4. So that they remember! Analytical review by VTsIOM dated April 19, 2023. URL : wciom.ru>analytical-reviews/analiticheskii-obzor (date of application 01.05.2026).
5. Federal Law № 74-FZ dated April 21, 2025, «On the Commemoration of the Victims of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War of 1941–1945» // Collection of Legislation of the Russian Federation. April 28, 2025. № 17. Art. 2103.
6. Khilko N.F. Images of historical memory in young people's perceptions: a case study of Victory Day celebrations / N.F. Khilko, O.A. Ozerova // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies. 2020. № 4(29). P. 123–126. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-123-126 EDN: KKOIYF
7. May 9 and the memory of the Great War. Analytical review by VTsIOM dated May 7, 2024. URL : wciom.ru>analytical-reviews/analiticheskii-obzor (date of application 02.02.2026).
8. Ustinkin S.V. The Great Patriotic War in the Perception of Young People in Russia // Obozrevatel. 2017. № 6 (329). P. 100–107. EDN: YPMPWB
9. Sheveleva K.V. On Countering the Falsification of the History of the Great Patriotic War: A Legal Aspect / K.V. Sheveleva, N.E. Chestnov // Law and Order: History, Theory, Practice. 2022. № 3(34). P. 58–63. EDN: LVQGFV
10. Kasyanov V.V. Historical memory of modern Russian youth: features of formation and role in the system of patriotic education / V.V. Kasyanov, L.V. Samygina, S.A. Chuprynnikov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical sciences, cultural studies, political sciences. 2022. № 3. P. 26–31. EDN: ALFNEX

11. Decree of the President of the Russian Federation dated May 8, 2024, № 314 «On the Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education» // Collection of Legislation of the Russian Federation. May 13, 2024. № 20. Art. 2587.
12. Decree of the President of the Russian Federation dated November 2, 2023, № 817 «On the Establishment of the Autonomous Non-Profit Organization 'National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation'» // Collection of Legislation of the Russian Federation. November 6, 2023. № 45. Art. 8034.

Информация об авторе

Касьянов Валерий Васильевич

доктор исторических наук,
доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
декан факультета журналистики,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Historical Sciences,
Doctor of Sociology,
Professor,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Dean of the Faculty of Journalism,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-14>

УДК 93/94

Attribution

cc by

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОВНАРХОЗ: ДИСКУССИЯ О СОЗДАНИИ И БОРЬБА ЗА ПРЕДПРИЯТИЯ

Кореньков С.В.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Аннотация. Статья посвящена анализу подготовки и реализации хрущёвской реформы управления промышленностью и строительством на территории Архангельской области 1957–1959 гг. На основе опубликованных и архивных источников рассматриваются ход дискуссии о границах нового экономического района, а также процесс передачи предприятий и научно-исследовательских учреждений из союзного и республиканского подчинения в ведомство Архангельского совнархоза. При анализе хода дискуссии выделены различные точки зрения на будущие границы экономического района. В ходе исследования установлено, что процесс перехода к территориальному принципу управления сопровождался острой борьбой между местными партийно-хозяйственными элитами и руководством других экономических районов. Процесс перераспределения собственности бывших министерств продемонстрировал разницу в уровне лоббистских возможностей Архангельского совнархоза, соседних совнархозов Северо-Запада РСФСР и руководством экономических районов «центра».

Ключевые слова: совнархоз; Архангельский экономический административный район; реформа управления промышленностью 1957 г.; децентрализация управления; система управления народным хозяйством; лесная промышленность; Н.С. Хрущёв; региональные партийно-хозяйственные элиты; Архангельская область.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE ARKHANGELSK SOVNARKHOZ: DEBATE OVER ITS CREATION AND THE STRUGGLE FOR ENTERPRISES

Sergey V. Korenkov

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service

Abstract. The article is devoted to an analysis of the preparation and implementation of Khrushchev's reform of industrial and construction management in the Arkhangelsk Region in 1957–1959. Based on published and archival sources, it examines the course of the discussion about the boundaries of the new economic region, as well as the process of transferring enterprises and research institutions from union and republican subordination to the jurisdiction of the Arkhangelsk Sovnarkhoz. The analysis of the discussion highlights various viewpoints on the future boundaries of the economic region. The study established that the transition to a territorial management principle intensified the intense struggle between local party and economic elites and the leadership of other economic regions. The process of redistributing the property of former ministries demonstrated the difference in the level of lobbying capabilities between the Arkhangelsk Economic Council, the neighboring economic councils of the North-West of the RSFSR, and the leadership of the economic regions of the «center».

Keywords: sovnarkhoz; Arkhangelsk economic administrative region; industrial management reform of 1957; decentralization of economic management; regional economic management system; timber industry; Nikita Khrushchev; regional party-economic elites; Arkhangelsk region.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность и историография. Из всех хрущёвских реформ самой противоречивой является

реформа управления промышленностью и строительством 1957 г. – первая после НЭПа попытка децентрализовать советскую плановую экономику, известная также как реформа совнархо-

© Кореньков С.В.

зов. С 1 июня 1957 г. в СССР было создано 105 экономических административных районов из которых на РСФСР приходилось 70. Вместо отраслевых министерств большей частью предприятий в этих районах стали управлять новые территориальные органы власти — Советы народного хозяйства (совнархозы). В настоящей статье рассматриваются обстоятельства создания и процесс переподчинения предприятий применительно к совнархозу на территории Архангельской области.

Основная историография совнархозов представлена прежде всего обобщающими работами по истории реформы управления промышленностью в целом [15, с. 37–47; 13, с. 147–152], а также исследованиями, посвящёнными отдельным региональным совнархозам — Красноярскому, Марийскому, Мордовскому и Чувашскому [17]. Эти работы показывают, что при общем сходстве организационных проблем (кадровый дефицит, несогласованность передачи предприятий, административная перегрузка) их конкретное проявление существенно варьировалось от региона к региону, что подчёркивает необходимость исследований на локальном материале, подобных настоящей статье.

Специальных исследований, посвящённых реализации реформы Н.С. Хрущёва на территории Архангельской области, практически нет. Так, в «Очерках истории Архангельской организации КПСС» период деятельности Архангельского совнархоза не выделяется в отдельный этап, а упоминается эпизодически [19, с. 262, 266]. Только в постсоветское время появились отдельные работы, описывающие в общих чертах структуру Архангельского совнархоза и перечень подчинённых ему предприятий [14, с. 49–50], а также отдельные вопросы практической деятельности СНХ по развитию местного лесопромышленного комплекса [20, с. 202–230]. Отдельно следует выделить статьи Р.А. Малахова, в которых объектом внимания стало руководство совнархозов Архангельского, а также Вологодского и Коми регионов, но уже в проблемном ключе — в контексте анализа реализации местным чиновничеством разделённого права собственности [16]. Таким образом, история собственно Архангельского совнархоза как самостоятельный сюжет — в отличие от истории ряда других региональных совнархозов — до сих пор не становилась предметом специального исследования, что и определяет научную новизну настоящей работы. Также актуальность работы повышает тот факт, что всё ещё недостаточно изучен организационный этап создания совнархозов на микроуровне. Остаётся открытым вопрос о том, воспринимали ли местные хозяйственные элиты реформу как рутинную реорганизацию либо как возможность расширить собственное влияние.

Источниковой базой исследования послужили как опубликованные (партийная печать), так и неопубликованные документы (докладные за-

писки, справки, стенограммы заседаний совнархоза и партийных совещаний) из фондов Архангельского совнархоза и Архангельского обкома КПСС, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО), а также материалы Комиссии советского контроля Совета Министров РСФСР, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Дискуссия о границах экономического района. Для Архангельской области, как и для всей страны, реформа по-настоящему началась с публикации 30 марта 1957 г. в газете «Правда» тезисов доклада Н.С. Хрущёва. За публикацией тезисов последовало общенародное обсуждение реформы, развернувшееся, как и в остальных регионах страны, в двух форматах: собраний партийного и хозяйственного актива и заочной полемики на страницах периодической печати. Несмотря на формальный характер этого обсуждения, отдельные его материалы отразили реальные противоречия внутри партийно-хозяйственного актива.

Показательным примером служит совещание от 4 апреля 1957 г. в Архангельском обкоме КПСС. Помимо обсуждаемых общих вопросов, наше внимание привлекло вспыхнувшее противостояние вокруг будущих границ нового экономического района. В начале заседания первый секретарь обкома С.П. Логинов предложил наиболее вероятный вариант конфигурации нового экономического района: границы должны были совпадать с географией Архангельской области [6, л. 2]. Однако — и это показательно — никто из остальных участников совещания не выразил партийному руководству однозначной поддержки. Так, директор Архангельского лесотехнического института Ф.И. Коперин предложил расширить административные границы будущего органа, под контроль которого в таком случае перешла бы большая часть промышленности не только Архангельской, но и Вологодской областей, а также Коми АССР. Такая позиция мотивировалась тем, что «большой экономический район, ... имеет все возможности для создания своей энергетической базы на основе разработки торфяных запасов, печорского угля и гидроресурсов наших рек» [6, л. 4]. Ему вторил заместитель директора того же института Н.В. Никитин, подчёркивавший, что «этот [объединённый] экономический район Госпланом недооценивался, об этом свидетельствует размещение промышленности...» [1, л. 8]. Сотрудники того же института, доценты Б.Л. Богомоллов и С.К. Лебедев, в своих выступлениях сделали упор на необходимости включения в состав нового экономического района, помимо Коми АССР, восточной части Вологодской области, ссылаясь на логистическое тяготение лесной промышленности этого района к реке Северная Двина и на опыт функционирования соответствующих предприятий до 1937 г. в составе Северного края [6, л. 11].

Итоговая реакция первого секретаря на предложения выглядит не менее показательной: «Что

касается границ экономического района, то я не могу отрицать того факта, что лесная промышленность Коми республики, Вологодской области и Архангельской области составляет единое целое и лишь разорвана административными границами. Но, учитывая национальную сторону, а, следовательно, и политическую, трудно рассчитывать на то, что Коми республика войдёт в Архангельский экономический район. Это дело Правительства. Я высказываю свои соображения. (Голоса из зала: наши просьбы надо учесть). Это, безусловно... Что касается Вологодской области, это решается легче. По-видимому, предприятия лесозаготовительной, целлюлозно-бумажной промышленности Вологодской области, восточная часть Вологодской области войдёт в Архангельский экономический район» [6, л. 26]. Данная выдержка из стенограммы демонстрирует, что-либо вопрос о ведомственной подчинённости промышленности «в центре» на тот момент ещё не был решён (соответствующая информация могла ещё не дойти до обкома), либо это была своеобразная риторическая уступка аудитории со стороны партийного руководства в ответ на неожиданное давление. В любом случае в приведённых высказываниях прослеживается явное желание местных партийно-хозяйственных кругов расширить зону своего влияния за пределы области.

Обсуждение продолжилось публично на страницах главной областной газеты «Правда Севера». Из анализа заметок видно, что большинство из них носили формальный характер и конкретизировали в архангельских условиях хрущёвские предложения по будущей реформе – разрушение межведомственных барьеров, сокращение управленческого аппарата, создание специализированных конструкторских бюро, сокращение дальних перевозок и т.д. [10]. Дискуссия насчет границ будущего совнархоза в печати во многом повторяла партийное собрание: были представлены варианты от присоединения к Архангельскому району одного только Велико-Устюжского района Вологодской области [12] до уже описанного выше создания «мегасовнархоза» Ф.И. Коперина [11]. Заметим, что данные позиции озвучивались открыто и явно приветствовались местным партийным руководством.

Борьба за предприятия. Так или иначе, Архангельский совнархоз был образован в границах одноименной области и первым делом занялся перераспределением бывшей министерской и местной промышленности в свое подчинение. Направляя предложения в ЦК КПСС, местное партийное руководство планировало получить в распоряжение Архангельска свыше 350 предприятий от местных советских органов, союзных министерств или предприятий союзно-республиканского подчинения – с объёмом выпуска валовой продукции около 5 млрд руб. и численностью работников в 208,8 тыс. человек [5, л. 31]. Согласно справке от 10 июня 1957 г. в состав совнархоза вошло 393 предприятия, в том числе 346 промышленных и 47 строитель-

ных (311 предприятий были объединены 15 комбинатами и трестами). Только что назначенный председатель совнархоза И.Е. Воронов на втором заседании Совета 17 июня того же года дал показательное описание процесса передачи предприятий: «Мы сейчас получаем сообщения о таких предприятиях, о существовании которых никто не знал – ни мы, ни другие организации, представившие свои предложения в Госплан СССР для оформления передачи их Совнархозу. Вчера пришла текстильная промышленность. Мы считали одно предприятие этой промышленности, а вчера влился целый трест в Совнархоз – мы о нём не знали. Пришли конторы шахт леса. Мы никак не ожидали получить их в состав Совнархоза, а их передали» [1, л. 12]. Здесь хорошо заметно, что заинтересованность в увеличении удельной доли промышленных предприятий, находящихся в ведении именно совнархоза, имела известные границы.

Эти границы, согласно комментарию М.А. Яснова, прозвучавшему на заседании Президиума Совета Министров РСФСР в феврале 1959 г. официально состояли в необходимости специализации отдельных отраслей промышленности. Неофициальная мотивация же заключалась в расчёте областных исполкомов на то, что передача предприятий и строительных организаций совнархозам приведёт к улучшению их материального снабжения и увеличению выделяемых на развитие капиталовложений. С точки зрения центра, массовая передача местных предприятий совнархозам привела бы, напротив, к отвлечению последних от руководства крупными государственными предприятиями общесоюзного и республиканского значения, к переводу их на обеспечение из централизованных фондов (весьма ограниченных) и к отключению от местных ресурсных баз. Отдельно подчёркивалась чувствительность этого процесса для взаимосвязанных лесной и мебельной промышленности, что, очевидно, напрямую касается Архангельской области [9].

Архангельский совнархоз активно претендовал на предприятия лесной промышленности, оказавшиеся изначально в ведомстве соседних экономических районов. По просьбе Архангельска от Вологодского совнархоза были переданы Удимский и Лойгинский леспромхозы, изначально находившиеся на территории Архангельской области [2]. Также Архангельск в течение длительного времени, до конца 1958 г. добивался передачи Тохтинского леспромхоза № 112 от совнархоза Коми АССР. Обоснование этому мы находим в справке отдела лесной промышленности Архангельского обкома от 30 января 1958 г., «в Коми АССР, на самой границе с нашей областью, только центральный посёлок; лесные массивы, лесные посёлки и сырьевая база находятся на территории нашей области; рабочие этого посёлка обеспечиваются кино, медицинским обслуживанием и школами Ленского района, а коммунисты состоят на учёте в Ленском РК КПСС нашей области» [7, л. 84].

Похожим образом в распоряжение территориального органа планировалось передать отдельные научные учреждения. Однако укрепление областной научной базы сталкивалось с ещё большими препятствиями чем в случае борьбы за производственные предприятия. Показательным примером служит Северный филиал ЦНИИМЭ бывшего Министерства лесной промышленности СССР, вошедший в состав совнархоза согласно постановлениям СНХ Архангельского экономического района № 22 и 23 от 3 августа 1957 г. и позднее переименованный в Северный научно-исследовательский институт промышленности (СевНИИП). Заведующий отделом лесной промышленности Архангельского обкома КПСС Березин указывал в своей справке от, что «несмотря на то, что с момента создания СевНИИПа прошло более полугода, он не вышел из стадии организации и работа его развёртывается крайне слабо» [7, л. 19]. Среди причин автор справки указывает не укомплектованность основными кадрами научных работников, отсутствие выделенных помещений для института и жилого фонда для сотрудников [7, л. 20–21].

Аналогичным образом затянулся перевод из Москвы в Архангельск Центрального научно-исследовательского института механической обработки древесины (ЦНИИМОД). Хотя решение о переводе было принято в соответствии с Распоряжением Совета Министров РСФСР ещё 5 ноября 1957 г., однако спустя почти год, на заседании Президиума Архангельского совнархоза от 2 августа 1959 г. зам. председателя Совета Меньшиков выразился следующим образом: «...такое впечатление, что из перебазирования ничего не получится. У нас есть некоторые товарищи, которые не согласны с перебазированием института в Архангельск, во все инстанции ходят жалуются» [3]. Опасения не были беспочвенны, так как в 1958 г. из 290 московских сотрудников института в Архангельск переехало только 8 человек [18, с. 191]. Причины кадрового дефицита объясняются не только нежеланием москвичей переезжать в отдалённый суровый край, но и борьбой между Архангельским и Московским (областным) совнархозами, которая развернулась вокруг важной части ЦНИИМОДа – Центральной научно-исследовательской лаборатории тары (ЦНИЛТАРА). Московский облсовнархоз обосновывал свои претензии на лабораторию необходимостью совершенствования качества, многооборотности тары и большой потребностью в ней у предприятий Московской области

[8, л. 23]. Архангельск, в свою очередь, считал нецелесообразным отделять учреждение, являвшееся органической частью переносимого на Север ЦНИИМОДа. Позицию совнархоза по этому вопросу отстаивал в своём письме в Совет Министров РСФСР председатель И.Е. Воронов, указывая на то, что без лаборатории институт не сможет проводить полноценные исследования, а архангельская промышленность лишится необходимой технической помощи. Вместо этого он предложил обязать имеющуюся в распоряжении НИЛТарау Московского городского совнархоза обслуживать и Московский областной совнархоз [8, л. 4–5]. Однако приведенные аргументы не привели к желаемому результату и спустя практически два года, как следует из письма инспектора СМ РСФСР П.И. Титова, НИЛТараа сохранилась за Московскому облсовнархозом [8, л. 1]. Из результатов переписки мы видим, что совнархозы имели разный лоббистский потенциал и Архангельск вполне мог успешно бороться с соседними регионами, но уступал столичному сектору.

Результаты и заключение.

Проведённый анализ показывает, что дискуссия вокруг границ Архангельского экономического района выявила устойчивое стремление местного партийно-хозяйственного актива к расширению зоны своего влияния за счёт соседних областей и республики Коми, тогда как окончательное решение по этому вопросу принималось не на региональном, а на союзном уровне. Практическая реализация реформы с первых месяцев столкнулась с серьёзными организационными трудностями: рассогласованностью действий центра и региона при передаче предприятий, ведомственными спорами о границах хозяйственного подчинения и медленным становлением новых научно-исследовательских структур. Можно сделать достаточно обоснованное утверждение, что реформа совнархозов, ввиду эти трудности были вызваны не только административной неподготовленностью реформы, но и сформировавшимися интересами местных партийно-хозяйственных элит, которые решили использовать окно возможности для перераспределения собственности между отдельными регионами. Ввиду того, что этот процесс шёл на протяжении всего существования совнархозов, есть необходимость дальнейшего изучения истории Архангельского совнархоза, а также сравнительного анализа его опыта с опытом соседних экономических районов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. ГААО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 20.
2. ГААО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 23.
3. ГААО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 137.
4. ГААО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 189.
5. ГААО. Ф. 293. Оп. 3. Д. 151.
6. ГААО. ОСПИ. Ф. 296. Оп. 3. Д. 151.
7. ГААО. ОСПИ. Ф. 296. Оп. 3. Д. 310.
8. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 2442.
9. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 72. Д. 472.
10. Костров К.К. Перестройка продиктована жизнью // Правда Севера. 1957. 13 апреля (№ 88). 2 с.
11. Мокеев П. Насущные проблемы развития народного хозяйства северного экономического района // Правда Севера. 1957. 26 апреля (№ 99). 2 с.
12. Муромский П. Улучшить управление лесной промышленностью // Правда Севера. 1957. 17 апреля (№ 91). 2 с.
13. Горлов В.Н. Реорганизация форм управления промышленностью и строительством в 1957 г.: попытка совершенствования хозяйственного механизма советского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 147–152. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-147-152 EDN: XTUKHR
14. Казакевич П.Н. Советы народного хозяйства // Поморская энциклопедия : в 5 т. Т. 3: Экономика Архангельского Севера. Архангельск, 2006. С. 49–51.
15. Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 37–47. EDN: JJZPPV
16. Малахов Р.А. К вопросу о реализации региональным чиновничеством разделённого права собственности во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Метаморфозы истории. 2024. № 31. URL : <https://history-metamorph.ru/s241436770030150-5-1> (дата обращения: 22.09.2026). DOI: 10.37490/S241436770030150-5 EDN: DGGHWO
17. Минеев А.И. Чувашский совнархоз в 1957-1962-е годы: организация, кадровый состав, управление промышленностью : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. 198 с. EDN: SUOQKV
18. Наумова Л.Н., Грачев И.А. Памяти Александра Васильевича Грачева (к 90-летию со дня рождения) // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2003. № 2–3. С. 191–194. EDN: ICGPXF
19. Очерки истории Архангельской организации КПСС / Ред. кол.: Ф.В. Виноградов [и др.]; Парт. архив Арханг. обкома КПСС. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970. 303 с.
20. Плохов В.С. Лесопромышленный комплекс Архангельской области: этапы развития (1703–2001). Архангельск, 2003. 420 с. ISBN: 5-261-00099-8 EDN: QQBXSX

References:

1. GAAO. F. 293. Op. 1. D. 20.
2. GAAO. F. 293. Op. 1. D. 23.
3. GAAO. F. 293. Op. 1. D. 137.
4. GAAO. F. 293. Op. 1. D. 189.
5. GAAO. F. 293. Op. 3. D. 151.
6. GAAO. OSPI. F. 296. Op. 3. D. 151.
7. GAAO. OSPI. F. 296. Op. 3. D. 310.
8. GARF. F. 259. Op. 42. D. 2442.
9. GARF. F. 259. Op. 72. D. 472.
10. Kostrov K.K. Perestroika is dictated by life // The truth of the North. 1957. April 13 (№ 88). 2 p.
11. Mokeev P. Urgent problems of the development of the national economy of the northern economic region // Pravda Severa. 1957. April 26 (№ 99). 2 p.
12. Muromskiy P. To improve the management of the forest industry // The truth of the North. 1957. April 17 (№ 91). 2 p.
13. Gorlov V.N. Reorganization of forms of management of industry and construction in 1957: an attempt to improve the economic mechanism of Soviet society // Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. History and political sciences. 2018. № 3. P. 147–152. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-147-152 EDN: XTUKHR
14. Kazakevich P.N. Soviets of the national economy // Pomor Encyclopedia : in 5 vol. Vol. 3: Economics of the Arkhangelsk North. Arkhangelsk, 2006. P. 49–51.
15. Kovalenko S.G. Reforms of the management of the national economy of the USSR in the mid-1950s - 1970s // Questions of history. 2008. № 6. P. 37–47. EDN: JJZPPV
16. Malakhov R.A. On the issue of the implementation of divided property rights by regional officials in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s (based on the materials of the European North of Russia // Metamorphoses of history. 2024. № 31. URL : <https://history-metamorph.ru/s241436770030150-5-1> (date of application 09/22/2026). DOI: 10.37490/S241436770030150-5 EDN: DGGHWO
17. Mineev A.I. The Chuvash State Farm in 1957–1962: organization, personnel, industrial management: dis Candidate of Historical Sciences. Cheboksary, 2012. 198 p. EDN: SUOQKV

-
18. Naumova L.N. In memory of Alexander Vasilyevich Grachev (on the 90th anniversary of his birth) / L.N. Naumova, I.A. Grachev // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Lesnoy zhurnal. 2003. № 2–3. P. 191–194. EDN: ICGPXF
19. Essays on the History of the Arkhangelsk Organization of the CPSU / Edited by F.V. Vinogradov [et al.]; Part. archive of the Archang. regional Committee of the CPSU. Arkhangelsk : Sev.-Zapad. kn. publishing house, 1970. 303 p.
20. Plokhov V.S. Timber industry complex of the Arkhangelsk region: stages of development (1703–2001). Arkhangelsk, 2003. 420 p. ISBN: 5-261-00099-8 EDN: QQBXSf

Информация об авторе

Кореньков Сергей Васильевич

преподаватель кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
sekoren1996@yandex.ru

Sergey V. Korenkov

Lecturer at the Department
of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service
sekoren1996@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Иван Бунин

Листопад

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой...

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-2>

УДК 304.444

Attribution

cc by

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «МОЛОДЕЖНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ РОДЗЕВИЧА»

Анисина Е.А.¹, Соловьев А.В.²

¹филиал Московского государственного института культуры в г. Рязани,

²Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Аннотация. В статье рассматриваются методы актуализации городского культурного наследия через соучаствующее социокультурное проектирование на примере проекта «Молодежная творческая мастерская Родзевича», реализованного в г. Рязани в 2025 году. Цель проведения молодежной мастерской, основываясь на принципах нового краеведения и успешные практики, помочь ее участникам осознать специфику, идентичность, ценность своей малой, но великой родины и ее отличие от любой другой территории через личные истории жизни «замечательных» и «незамечательных» людей Рязанской области. Описывается образовательная программа, сочетающая изучение символических ресурсов, краеведческие исследования и проектную деятельность, итогом которой стала выставка-путеводитель «Родзевич и другие», построенная на принципах геймификации и персонализации исторического нарратива. Показана эффективность проектно-ориентированных форматов для вовлечения молодежи в развитие городской среды и трансляцию локального наследия в современные социокультурные практики.

Ключевые слова: актуализация культурного наследия, социокультурное проектирование, локальная идентичность, новое краеведение, соучаствующее проектирование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ACTUALIZATION OF URBAN CULTURAL HERITAGE ON THE EXAMPLE OF THE RODZEVICH YOUTH CREATIVE WORKSHOP PROJECT

Elena A. Anisina¹, Alexander V. Solovyov²

¹branch of the Moscow State Institute of Culture in Ryazan,

²S.A. Yesenin Ryazan State University

Abstract. This article examines methods for actualizing urban cultural heritage through participatory socio-cultural design, using the case study of the «Rodzevich Youth Creative Workshop» implemented in Ryazan in 2025. The purpose of the youth workshop is, based on the principles of new local history and successful practices, to help its participants understand the specifics, identity, and value of their small but great homeland, as well as its differences from any other territory, through the personal stories of the «remarkable» and «unremarkable» people of the Ryazan region. The paper outlines an educational program combining symbolic resources studies, local history research, and project development, resulting in the «Rodzevich and Others» guide-exhibition structured around gamification and personalized historical narratives. The authors stress the effectiveness of project-oriented formats in engaging youth in urban development and translating local heritage into contemporary socio-cultural practices.

Keywords: cultural heritage actualization, socio-cultural design, local identity, new local history, participatory design.

Funding: Independent work.

Введение.

Тема исследования городского культурного наследия актуальна по нескольким причинам.

Во-первых, в последние десятилетия в обществе значительно возрос интерес к локальной идентичности, источником и ресурсом которой для городского жителя и является местное городское культурное наследие. Это привело как к росту

© Анисина Е.А., Соловьев А.В.

научных исследований этой проблематики, так и к увеличению количества социокультурных проектов, связанных с актуализацией городского культурного наследия.

Во-вторых, городское культурное наследие обладает высоким развивающим и воспитательным потенциалом для детей и молодежи, который может способствовать их жизненному, культуротворческому и профессиональному самоопределению. Именно этой проблеме посвящена данная статья, сфокусированная на методах и способах интеграции городского культурного наследия в социокультурные практики, экономику и повседневность горожан посредством соучаствующего социокультурного проектирования.

Обсуждение. Результаты.

Как указывает Э.А. Шулепова: «История города, соединяющая прошлое с настоящим, традицию с современностью, прочитывается на основе исследований бытия человека (культуры повседневности) и раскрывается, стирая грань между воображаемым и реальным, заставляя современника в определенной мере самостоятельно познавать прошлое» [9, с. 3]. Два важных момента, упомянутых Э.А. Шулеповой:

1) исследование бытия человека (обычных и знаковых исторических личностей города);

2) самостоятельное познание прошлого (индивидуальные краеведческие исследования и проекты молодых горожан), были заложены в концепцию социокультурного проекта «Молодежная творческая мастерская Родзевича. Жизнь как проект»¹, реализованного в городе Рязани в 2025 году.

Основной целью проекта стала отработка форматов самореализации и повышение заинтересованности молодежи в развитии Рязани через актуализацию городского культурного наследия, а конкретно, общественной деятельности исторических личностей региона посредством организации творческой мастерской в контексте современной молодежной культуры.

В процессе работы мастерской ее участники прошли образовательную программу по социокультурному проектированию, провели краеведческие исследования и презентовали индивидуальные социокультурные проекты, составившие ядро выставки-путеводителя «Жизнь как проект: Родзевич и другие», посвященной историческим личностям — жителям Рязанского региона — инициаторам положительных изменений, создателям и воплощателям возможностей для жизненной реализации жителей региона.

Работа мастерской была основана на принципах нового краеведения как философии места, локальной истории, о которой рассказывают в

масштабе человека современным, актуальным языком, предполагающим, в первую очередь, внимание к человеческому масштабу, к индивидуальности личности, к людям, которые живут на какой-либо территории [1].

Философия нового краеведения помогла участникам мастерской осознать специфику, идентичность, ценность своей малой, но великой родины и ее отличие от любой другой территории через личные истории жизни «замечательных» и «незамечательных» людей Рязанской области.

Основной вдохновляющей фигурой мастерской и выставки стал Николай Игнатьевич Родзевич, рязанский городской голова в 1906–1912 гг., депутат Государственной Думы от Рязанской губернии — яркий пример успешной личности, реализовавшейся на своей малой родине — Рязани. Во время активной деятельности Родзевича Рязань из социально-экономически депрессивного места превратилась в «место силы», которое вдохновило на активную деятельность и других рязанцев: предпринимателей, врачей, инженеров, учителей.

Вместе с его траекторией жизни на выставке были представлены траектории жизни других горожан, связанных с ним в единую социальную сеть:

А.В. Селиванов, секретарь Рязанской ученой архивной комиссии, один из основателей первого рязанского музея;

В.П. Екимецкая, директор Рязанской женской гимназии [6, с. 5];

Н.В. и В.В. Шульгины, купцы и благотворители, депутаты Городской думы;

А.А. Штейерт, предприниматель, владелец гостиницы Штейертов, общественный деятель и благотворитель;

Н.Д. Малашкин, предприниматель, издатель, просветитель;

А.В. Чернышев, педагог [10, с. 356], один из первых в Рязани организаторов внеклассной работы с детьми и подростками и другие.

Принципиальное значение имел избранный «язык» выставки — язык понятный современной молодежи, раскрывающий и актуализирующий историческое культурное наследие в контексте современной молодежной культуры. Во время работы выставки для посетителей кураторских экскурсий — студентов и старших школьников Рязани — прошла форсайт-сессия, в процессе которой ее участники дополнили «банк» молодежных проектных идей для активизации социально-экономического и социокультурного развития региона.

¹ Проект реализован на средства Фонда Президентских грантов (номер заявки 24-2-015432).

Далее нами представлен детальный анализ этапов проекта, описывающий механизм актуализации городского культурного наследия.

Образовательная программа мастерской Родзевича «Жизнь как проект».

Целью рассматриваемой образовательной программы являлось формирование и практическое применение компетенций в области социокультурного проектирования. Для достижения данной цели разработчиками программы были сформулированы следующие задачи:

- ознакомление участников с категорией «символические ресурсы» и формирование навыков их актуализации в процессе разработки авторских проектов;
- освоение методик поиска и верификации исторической информации, а также развитие компетенций работы с цифровыми источниками, что составляет методологическую основу создания проектных продуктов.

Содержательные модули образовательной программы.

В рамках реализации программы участники мастерской последовательно освоили семь тематических блоков, каждый из которых был направлен на формирование определённого комплекса знаний и умений.

Тема 1. Культурно-символические ресурсы [8, с. 1]: выявление и использование (4 часа; лектор – А.В. Соловьев). Данный модуль посвящён теоретическому осмыслению категории символического капитала, включая его пространственную репрезентацию (символический капитал места), а также анализу знаково-символического уровня региональной идентичности. В рамках занятия рассматривались природные, культурные, архетипические и исторические детерминанты, формирующие уникальный образ региона.

Тема 2. Пешеходная экскурсия «По следам Родзевича и других» (2 часа; лектор – А.В. Соловьев). Практико-ориентированный модуль, направленный на эмпирическое освоение историко-культурного пространства города через иммерсивное взаимодействие с объектами наследия.

Тема 3. Социокультурное проектирование и структура проекта (6 часов; лекторы – Е.А. Анисина, А.В. Соловьев). В данном блоке участники изучали методологические основы социокультурного проектирования: от формулирования уникальной проектной идеи до разработки механизмов её реализации. Особое внимание уделялось структурированию проекта, включая определение целевой аудитории, формулирование цели и задач, описание ожидаемых результатов, а также критериев оценки социальной значимости.

Тема 4. Лекция эксперта с кейсами успешных проектов (2 часа; эксперт – Андрей Лисицкий). Модуль направлен на анализ лучших практик в области социокультурного проектирования с целью выявления факторов, детерминирующих успешность реализации подобных инициатив.

Тема 5. Аналитический этап реализации проекта (4 часа; лектор – Е.А. Анисина). Данный раздел программы охватывает социологические инструменты анализа социокультурной среды, включая сегментацию целевых аудиторий, верификацию проблемного поля, обоснование социальной значимости, а также применение аналитических моделей (SWOT-/PEST-анализ). Также рассматривались вопросы формирования проектной команды, анализа внешней среды и типичные ошибки аналитического этапа.

Тема 6. Визуализация и продвижение проекта (4 часа; лекторы – М. Пилипенко, С. Крючкова). Модуль был посвящён инструментам визуальной коммуникации и стратегиям продвижения социокультурных проектов. В рамках занятия изучались элементы айдентики, дизайн-проектирования, а также механизмы информационного сопровождения, включая SMM-менеджмент и разработку контент-стратегий.

Тема 7. Лекция эксперта – реализатора успешного проекта (4 часа; лектор – Ксения Паначева). Заключительный модуль программы, ориентированный на рефлекссию полученного опыта и интеграцию теоретических знаний с практикой успешной проектной деятельности.

Практическая реализация программы: экскурсионный компонент.

Важным элементом образовательной программы стала организация пешеходной экскурсии «По следам Родзевича и других», предназначенной для участников мастерской, партнёров проекта и заинтересованных представителей городского сообщества. Маршрут экскурсии был спроектирован с учётом локаций будущей выставки-путеводителя и включал следующие объекты культурного наследия:

1. Первая рязанская электростанция и водоканал (Соборная площадь, 18);
2. Дворянское собрание (современное здание Областной Думы);
3. Первая Рязанская мужская гимназия;
4. Городская управа (Гостиный двор);
5. Городской сад (летние площадки Дворянского собрания, художественный музей);
6. Дом Малашкина (Газетный переулок);
7. Рязанское земство (Администрация города Рязани);
8. Дом Родзевича (ул. Свободы, 65).

© Анисина Е.А., Соловьев А.В.

Данный экскурсионный маршрут выполнял не только познавательную, но и методическую функцию, демонстрируя участникам принципы интеграции исторического контекста в современные социокультурные практики.

Образовательная программа мастерской Родзевича «Жизнь как проект» продемонстрировала эффективность интегративного подхода, сочетающего теоретическое освоение методологии социокультурного проектирования с практико-ориентированной деятельностью. Последовательная структура программы, включающая аналитический, креативный и презентационный этапы, обеспечила формирование у участников комплексных компетенций, необходимых для разработки и реализации социально значимых инициатив. Итоговая выставка-путеводитель «Родзевич и другие» стала не только репрезентацией полученных результатов, но и самостоятельным социокультурным продуктом, способствующим актуализации исторического наследия Рязани в контексте современных образовательных и коммуникационных практик.

Выставка-путеводитель «Родзевич и другие»: концепция и структура.

Итоговым продуктом образовательной программы стала выставка-путеводитель, структурированная в три тематических зала, каждый из которых выполнял специфическую коммуникативную и образовательную функцию.

Зал 1. Фотовыставка «Закулисье проекта». Первый зал представлял визуальную хронику реализации проекта, охватывающую период от его инициации до открытия выставки. Концептуальная задача экспозиции заключалась в репрезентации процесса коллективного взаимодействия в мастерской и идентификации «точек вдохновения», ставших катализаторами проектных идей. Дополнительно в экспозицию были интегрированы видеоматериалы с рефлексивными высказываниями участников о наиболее значимых аспектах проектной деятельности.

Зал 2. Зал персоналий «Социальная сеть Родзевича». Второй зал был организован в формате интерактивного квеста-путеводителя, что обеспечивало вариативность маршрута и повышало вовлечённость посетителей. Отправной точкой путешествия являлся дом Николая Игнатьевича Родзевича – центральной фигуры исследовательского нарратива.

Николай Игнатьевич Родзевич (1860-е – после 1918) – юрист, судья, рязанский городской голова (1906–1912), депутат Государственной Думы [4]. Его общественная деятельность охватывала широкий спектр направлений: благоустройство города (инициирование строительства первой электростанции и водопровода), развитие сель-

ского хозяйства, поддержка образовательных и культурных инициатив, в том числе участие в работе «Комиссии по устройству разумных развлечений для детей».

Дальнейший маршрут предполагал последовательное знакомство с ключевыми фигурами рязанского общественного движения начала XX века, каждая из которых была представлена через призму вклада в социокультурное развитие региона:

- Иван Александрович Антонов – преемник Родзевича на посту городского головы, благотворитель, меценат, член Рязанской учёной архивной комиссии [2, с. 111];
- Вера Павловна Екимецкая – педагог, директор женской гимназии, активистка просветительского движения;
- Николай Николаевич Зелятров – создатель частной мужской гимназии, новатор в области образования;
- Николай Дмитриевич Малашкин – купец, издатель, основатель реального училища [3, с. 102];
- Иван Андреевич Салтыков – благотворитель, инициатор строительства крупнейшего больничного комплекса [7, с.82];
- Алексей Васильевич Селиванов – секретарь Рязанской учёной архивной комиссии, основатель первого рязанского музея [3, с. 68];
- Александр Васильевич Чернышов – педагог, организатор внеклассной работы с детьми;
- Август Александрович Штейерт – предприниматель, благотворитель, почётный гражданин Рязани;
- Шульгины Василий Викторович и Николай Викторович – купцы, общественные деятели, меценаты [3, с. 94].

Каждый персональный стенд экспозиции сопровождался интерактивным заданием, направленным на активизацию познавательной деятельности посетителей (например, «Ерундопель Родзевича», «Угадай название вещи», «Разгадай шараду» и др.), что соответствовало принципам геймификации образовательного процесса.

Зал 3. Проекты участников «Мастерской Родзевича». Третий зал представлял собой экспозицию авторских проектов, разработанных участниками образовательной программы. Каждая проектная инсталляция включала обязательные структурные элементы: фотографию команды, аннотацию проекта, визуализацию концепции (питч, ментальная карта, фотоматериалы) и интерактивный компонент (табл. 1).

Таблица 1

Систематизированная характеристика представленных проектов

Название проекта	Автор(ы)	Концептуальная идея	Формы реализации	Интерактивный элемент
«Квартирник на ОЛИМПе: краеведческие посиделки»	А. Блохина	Актуализация краеведческого наследия через биографию Т.Н. Цукановой	Серия тематических квартирников	Игра «Попробуй себя краеведом»
«Рязанский палимпсест: Родзевич и другие»	С. Хотенков, М. Соловьева	Визуализация исторической памяти через графо-фотоколлажи	Выставка арт-объектов, городской маршрут	Создание городской открытки
«Мастерская разумных прогулок им. А.В. Чернышева»	С. Давыдова	Адаптация исторических педагогических практик	Разработка сценариев, игровых форм	Настольный крокет
«Разобличение наличника»	С. Ксенофонтова, Ж. Рязанцева	Деконструкция образа рязанского наличника	Интерактивный арт-объект, мастер-класс	Конструктор элементов наличника
«Рязанские пузеля Родзевича»	М. Потапчик	Геймификация экскурсионной деятельности	Экскурсия-игра с элементами пазла	Сборка тематического пазла
«Семейный центр игровых традиций «Рязанские забавы»»	Н. Юдин, И. Семизарова	Возрождение исторических подвижных игр	Организация досугового центра	Игры «серсо», бильбоке
«Фабрика слова. Живой как жизнь»	Т. Ганина	Развитие языковой компетенции через геймификацию	Настольная карточная игра, турниры	Игра «Фабрика слова»
«Чайная-игральня»	П. Матвеева	Укрепление семейных связей через совместный досуг	Организация камерного пространства	Игра «Бирюльки»
«Шоурум-лаб «Кустарная мода из XIX в XXI век»»	А. Кочетков	Актуализация народных промыслов в современном дизайне	Выставка, воркшопы, сувенирная линейка	Набойка по ткани

Заключение.

Реализация проекта «Молодежная творческая мастерская Родзевича» подтвердила результативность социокультурного проектирования как методологической основы актуализации городского культурного наследия. Сочетание теоретического освоения проектной методологии с иммерсивным изучением историко-культурной среды обеспечило формирование у молодежи системных компетенций в области выявления, верификации и трансляции символических ресурсов территории.

Применение философии «нового краеведения», ориентированной на человеческий масштаб и индивидуальные биографические траектории, позволило преодолеть абстрактность традиционного исторического нарратива. Персонализация наследия через фигуру Н.И. Родзевича и его социального окружения способствовала эмоциональному и ценностному принятию локальной истории молодыми горожанами, трансформируя прошлое в ресурс для личностного и профессионального самоопределения.

Структура итоговой выставки-путеводителя «Родзевич и другие», построенная на принципах вариативного маршрута, квест-механики и интерактивных заданий, доказала высокую адаптивность историко-культурного контента под коммуникационные паттерны современной молодежи. Игровые компоненты проекта выступили не просто развлекательным элементом, а педагогическим инструментом активизации познава-

тельной деятельности и критического осмысления наследия.

Авторские проекты участников мастерской продемонстрировали способность молодежи трансформировать историко-краеведческие знания в прикладные форматы (клубные встречи, арт-объекты, настольные игры, досуговые центры, сувенирные линейки). Это свидетельствует о высокой конвертируемости образовательного продукта в самостоятельные социокультурные практики, отвечающие запросам на развитие локальной среды и укрепление социальных связей.

Разработанная модель мастерской обладает признаками воспроизводимости и может быть адаптирована для реализации в иных муниципальных образованиях и регионах. Проект закладывает методические основы для системной работы с локальной идентичностью, выступая значимым механизмом развития гражданского потенциала молодежи, формирования культуры соучаствующего городского развития и интеграции исторического наследия в повседневные и экономические практики современного города.

Данные выводы позволяют рассматривать описанный опыт как репрезентативный кейс в области современного социокультурного проектирования, подтверждающий целесообразность проектно-ориентированных образовательных форматов как инструмента актуализации городского культурного наследия.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гений места. Новое краеведение // Российский фонд культуры. URL : <https://rcfoundation.ru/museum.html> (дата обращения 30.01.2026).
2. Кусова И.Г. Предприниматели и коллекционеры Антоновы: [о династии рязанских купцов и коллекционеров] / И.Г. Кусова; Отв. ред. Т.В. Ерошина // Труды Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника: Сборник статей. Рязань, 1998. С. 111–127.
3. Кусова И.Г. Рязанское купечество: очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. 160 с.
4. 100 лет со дня смерти Николая Игнатьевича Родзевича // Сайт Музей обороны и тыла. URL : <https://музейобороныи тыла.рф/news/item/69>
5. Чернышев Александр Васильевич (1874–1942), педагог, один из первых в Рязани организаторов внеклассной работы с детьми и подростками // Рязанское краеведение. 2017 URL : <https://kraeved.rourb.ru/calendar/-chernyshev-aleksandr-vasilevich-1874-1942>
6. Филимонов С.В. Деятельность родительских комитетов по развитию гимназического образования в Рязанской губернии в начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 2(75). С. 16–29. DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.002 EDN: EDFINS
7. Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова конца XVIII – начала XX вв. : дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Рязань, 1998. 257 с..
8. Федотова Н.Г. Культурная память города как символический ресурс территории // Ученые записки НовГУ. 2019. № 1(19). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-goroda-kak-simvolicheskiy-resurs-territorii>. DOI: 10.34680/068e-cp40 EDN: MVFVSM
9. Шулепова Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция // Культурологический журнал. 2011. № 2(4). URL : http://cr-journal.ru/rus/journals/59.html&j_id=6. EDN: OWPOOP
10. Яхонтов С.Д. Воспоминания 1853–1917 / С.Д. Яхонтов; Под ред. П.В. Акулышина. М.; Рязань : АИРО-XXI; Ряз. гос. мед. ун-т им. акад. И.П. Павлова, 2017. 928 с.

References:

1. The genius of the place. New Local History // The Russian Cultural Foundation. URL : <https://rcfoundation.ru/museum.html> (date of application 01/30/2026).
2. Kusova I.G. The Antonovs: Entrepreneurs and Collectors [on a dynasty of Ryazan merchants and collectors] / I.G. Kusova; Ed. T.V. Eroshina // Proceedings of the Ryazan State Historical-Architectural Museum-Reserve: Collection of Articles. Ryazan, 1998. P. 111–127.
3. Kusova I.G. The Ryazan Merchant Class: Historical Sketches (16th – Early 20th Centuries). Ryazan, 1996. 160 p.
4. 100 years since the death of Nikolai Ignatievich Rodzevich // Website of the Museum of Defense and Home Front. URL : <https://музейобороныи тыла .RF/news/item/69>.
5. Chernyshev Alexander Vasilyevich (1874–1942), teacher, one of the first organizers of extracurricular activities with children and adolescents in Ryazan // Ryazan Regional History. 2017 URL : <https://kraeved.rourb.ru/calendar/-chernyshev-aleksandr-vasilevich-1874-1942>.
6. Filimonov S.V. The Activities of Parents' Committees Regarding the Development of Gymnasium Education in Ryazan Province in the Early 20th Century // Bulletin of Ryazan State University Named for S.A. Yesenin. 2022. № 2(75). P. 16–29. DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.002 EDN: EDFINS
7. Filippov. D.Yu. Merchants of the city of Kasimov in the late XVIII-early XX centuries : dis. ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. Ryazan, 1998. 257 p.
8. Fedotova N.G. The City's Cultural Memory as a Symbolic Resource of the Territory // Scholarly Notes of NovSU. 2019. № 1(19). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-goroda-kak-simvolicheskiy-resurs-territorii>. DOI: 10.34680/068e-cp40 EDN: MVFVSM
9. Shulepova E.A. Cultural environment of a historical city: a methodology for studying and broadcast // Cultural Journal. 2011. № 2(4). URL : http://cr-journal.ru/rus/journals/59.html&j_id=6. EDN: OWPOOP
10. Yakhontov S.D. Memoirs 1853–1917 / S.D. Yakhontov; Ed. by P.V. Akulshin. M.; Ryazan : AIRO-XXI; Academician I.P. Pavlov Ryazan State Medical University, 2017. 928 p.

Информация об авторах

Анисина Елена Алексеевна

кандидат культурологии,
доцент,
директор филиала,
филиал Московского государственного
института культуры в г. Рязани
ORCID iD: 0000-0003-3816-8995
anisina_ea@mgik.org

Соловьев Александр Васильевич

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры культурологии,
Рязанский государственный университет
им. С.А. Есенина
ORCID iD: 0000-0002-4779-9134
dr.avsoloviev@yandex.ru

Elena A. Anisina

Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Director of the branch,
branch of the Moscow State
Institute of Culture in Ryazan
ORCID iD: 0000-0003-3816-8995
anisina_ea@mgik.org

Alexander V. Solovyov

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department of Cultural Studies,
Ryazan State University
named after S.A. Yesenin
ORCID iD: 0000-0002-4779-9134
dr.avsoloviev@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.06.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-9>

УДК 793.38: 792.83

Attribution

cc by

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ТАНЦА ИМЕНИ ВАДИМА ЕЛИЗАРОВА: ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Ольховская Е.С.

Институт культуры и искусств

Херсонского государственного педагогического университета

Аннотация. Современное театральное искусство переживает период глубокой трансформации, характеризующийся отказом от классических канонов в пользу инновационных форм и синкретического сценического языка. В условиях доминирования мультимедийных технологий и дефицита подлинной эмоциональной экспрессии актуализируется необходимость исследования новых моделей хореографического театра. Особое значение приобретает анализ театральных систем, основанных на лексике спортивного бального танца, адаптированного для театральной сцены. Цель исследования заключается в научно-методическом осмыслении репертуарной политики Севастопольского академического театра танца имени Вадима Елизарова как уникального феномена в отечественном хореографическом искусстве. Методологическую основу работы составил комплексный подход, включающий системно-исторический, семиотический, компаративный методы, а также метод хореографического анализа лексического строя спектаклей. Выявлены особенности драматургического построения спектаклей и специфика полистилистического синтеза бальной хореографии с современными танцевальными направлениями, классической пластикой и народно-сценическим танцем. Выделены три ключевых этапа эволюции репертуара коллектива. Проведенный анализ позволяет утверждать, что феномен Севастопольского академического театра танца заключается в формировании жизнеспособного, самостоятельного вида хореографического искусства – сценического бального танца, опыт которого заслуживает масштабирования.

Ключевые слова: культурное наследие, бальный танец, хореографический театр, художественный синтез, полистилистика, сценический бальный танец, Севастопольский театр танца им. В. Елизарова.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SEVASTOPOL ACADEMIC DANCE THEATER NAMED AFTER VADIM ELIZAROV: THE PHENOMENON OF ARTISTIC SYNTHESIS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CHOREOGRAPHIC ART

Elena S. Olkhovskaya

Institute of Culture and Arts, Kherson State Pedagogical University

Abstract. Background. Modern performing arts are undergoing a period of profound transformation characterized by a departure from classical canons in favor of innovative forms and a syncretic stage language. Amidst the dominance of multimedia technologies and a deficit of authentic emotional expression, there is a growing need to investigate new models of choreographic theater. Of particular importance is the analysis of theatrical systems based on the vocabulary of competitive ballroom dance adapted for the theater stage. Objectives. The study aims to conduct a scientific and methodological analysis of the repertoire policy of the Sevastopol Academic Dance Theatre named after Vadim Elizarov as a unique phenomenon in Russian choreographic art. Methodology. The methodological framework relies on a comprehensive approach, including system-historical, semiotic, and comparative methods, as well as choreographic analysis of the dance structure. Results. The study identifies the specific features of the dramatic structure of performances and examines the characteristics of the polystylistic synthesis of ballroom choreography with contemporary dance trends, classical movement,

and folk-stage dance. Three evolutionary phases of the repertoire are distinguished. Conclusions. The analysis demonstrates that the phenomenon of the Sevastopol Academic Dance Theater lies in the formation of a viable, independent type of choreographic art – scenic ballroom dance, whose experience warrants scaling and further theoretical research.

Keywords: cultural heritage, ballroom dance, choreographic theatre, artistic synthesis, polystylistics, scenic ballroom dance, Sevastopol Dance Theatre named after V. Elizarov.

Funding: Independent work.

Введение.

Трансформация современного социокультурного пространства неизбежно влечет за собой диффузию жанров внутри сценических искусств [2]. Спортивный балльный танец, традиционно позиционировавшийся как соревновательная дисциплина с жестко регламентированной технической структурой [10], в конце XX – начале XXI века обретает новые формы репрезентации. Основоположителем данного процесса в России стал В.А. Елизаров (1949–2017), создавший уникальную творческую лабораторию – Севастопольский академический театр танца (ныне – имени В.А. Елизарова).

Исследование генезиса и эволюции данного коллектива позволяет эксплицировать механизмы перехода прикладной танцевальной формы в плоскость высокого академического искусства [1].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретико-методологического осмысления сценического балльного танца как самостоятельного культурологического и искусствоведческого феномена, определяющего векторы развития региональной и общенациональной театральной культуры [5].

Методология и методы исследования.

Методологический базис работы составил комплексный подход, обусловленный сложной полистилистической природой исследуемого объекта. В качестве основных подходов и методов исследования были применены:

- системно-исторический метод – для воссоздания ретроспективы развития коллектива и выявления стадий эволюции его репертуара;
- семиотический анализ – для дешифровки пластического и сценографического кода постановок;
- компаративный метод – с целью выявления специфики диффузии классических, балльных и современных хореографических направлений;
- метод хореографического анализа – для детального разбора лексического строя ключевых спектаклей театра.

Результаты.

Творческий метод В.А. Елизарова базируется на концепте «сюжетной хореографии». Главным новаторским решением балетмейстера стало внедрение сквозного драматического действия,

конфликта и системы персонажей в структуру балльного танца [9], развивающее классические идеи реформаторов балетного театра о сюжетном единстве [12]. Традиционный дуэтный танец европейской или латиноамериканской программы трансформируется из демонстрации технического мастерства в инструмент трансляции глубоких психологических состояний героев.

Эволюционный путь театра демонстрирует постепенное усложнение драматургических конструкций и расширение пластической лексики.

Обсуждение.

В истории формирования репертуара театра представляется целесообразным выделить три ключевых этапа.

1. Этап становления жанра и малых сюжетных форм (2000–2001 гг.).

Данный период характеризуется апробацией возможностей балльного танца как основы сценического действия:

- «История любви» (2000 г., балетмейстер В.А. Елизаров). Спектакль, заложивший основы нового жанра. Использование лексики румбы позволило постановщику раскрыть архетипический сюжет взаимоотношений мужчины и женщины как вечный онтологический диалог [13].
- «Весеннее путешествие» (2000 г., балетмейстер В.А. Елизаров). Пример сюжетного шоу в форме дивертисмента. Танцевальные номера, объединенные единым сквозным лейтмотивом, продемонстрировали возможности интеграции трюковых элементов в классическую канву балльного танца [5].
- «Кармен» (2000 г., балетмейстер В.А. Елизаров, либретто Е.С. Ольховская). Первая масштабная попытка перевода классического литературного первоисточника (новеллы П. Мериме) на язык латиноамериканской программы хореографии (преимущественно пасодобля). Введение народно-сценических элементов позволило создать яркие психологические портреты персонажей, выстроив действие по законам балетной драматургии [6].

- «Аргентинское танго» (2001 г., балетмейстер В.А. Елизаров). Постановка, построенная на принципах художественного минимализма и живого музыкального диалога (музыка А. Пьяццоллы). Основным композиционным приемом выступает «танцевальный баттл», обнажающий

социальные и межличностные конфликты героев [4].

- «Вальс о вальсе» (2001 г.) и «Exhibition» (2001 г., балетмейстер В.А. Елизаров). Постановки, исследовавшие границы пластических возможностей европейской программы и полистилистического синтеза внутри балетного канона.

2. Этап крупных синтетических форм и литературной классики (2002–2017 гг.).

На данном этапе происходит переход к созданию многоактных спектаклей со сложной сценографией и драматургией.

- «Notre-Dame de Paris» (2002 г., балетмейстер В.А. Елизаров, либретто Е.С. Ольховская). Двухактный хореографический спектакль на музыку Р. Коччианте доказал, что сценический балет способен адекватно транслировать масштабные эпические и трагедийные сюжеты мировой литературы. Многоуровневая сценография позволила реализовать полифоническое действие с несколькими фокусами зрительского внимания.

- «Пигмалион» (2004 г., балетмейстер В.А. Елизаров, либретто Е.С. Ольховская). Пример контрапункта: маргинальный статус Элизы Дулиттл визуализируется посредством уличной хореографии (хип-хоп), тогда как аристократизм профессора Хиггинса репрезентируется через строгую геометрию европейской программы балетного танца.

- «Тарзан» (2016 г., балетмейстер С.С. Волошин, либретто Е.С. Ольховская). Семейный хореографический спектакль, расширивший лексический арсенал театра за счет интеграции афро-джаза, модерна и свободной пластики [8].

- «Имя ей Роза» (2017 г., балетмейстер Е. Гордиенко). Спектакль, вдохновленный пьесой Ф.Г. Лорки «Донья Росита, девица, или Язык цветов». Хореографический язык постановки раскрывает аллегорический жизненный цикл Розы (от бутона до увядания) параллельно с драматической линией взаимоотношений главных героев.

3. Современный этап: жанровые эксперименты и психологизм (2018–2025 гг.).

Период характеризуется углублением психологизма, обращением к сложным социальным и ментальным темам, а также постмодернистской рефлексией.

- «Кровавая свадьба» (2018 г., режиссер Е. Гордиенко). Драматическое полотно по пьесе Ф.Г. Лорки. Спектакль решен в эстетике фламенко, синтезированного с современной хореографией (модерн). Испанское сапатеадо (дробь) обогатило ритмическую структуру спектакля [6]. Рок (исп. С. Волошин) опутывает персонажей

красной нитью как символом фатума. Хореографический текст дуэта матери и сына строится на деформации движений вальса, передавая трагизм материнского предопределения.

- «Синема» (2020 г., балетмейстер Н. Иванова). Спектакль-мюзикл, синтезирующий хореографию, живой вокал и драматические диалоги, основанный на переосмыслении классики советского кинематографа.

- «Любовь, танцы и гаджеты» (2021 г., балетмейстер В. Андрюкин). Сквозной сюжет отражает эволюцию технологий (от патефона до интернета) через призму смены танцевальных стилей (от фокстрота до хип-хопа). Спектакль исследует проблему отчуждения личности в цифровую эпоху.

- «Бахчисарайский фонтан» (2022 г., режиссер Д. Чумакова, либретто Е.С. Ольховская). Поликультурный проект, в котором поэма А.С. Пушкина интерпретируется через сопоставление балетной хореографии с крымско-татарскими и восточными народными танцами.

- «Танцуй со мной» (2023 г., балетмейстер Н.Д. Иванова, либретто Е.С. Ольховская). Спектакль-антология, объединивший оригинальные хореографические композиции В.А. Елизарова с новыми постановками коллектива, раскрывающий тему профессионального становления артиста балетного танца.

- «Защита Гения» (2023 г., режиссер Д. Чумакова). Новаторский спектакль, исследующий проблему ментальных особенностей (аутизма) средствами хореографии. Психологическая нестабильность главного героя выражена через ломаную пластику современного танца (контемпорари), контрастирующую с геометрически выверенным миром шахматного поля. Конфликт материнского сопереживания (Д. Чумакова) и деструктивной страсти (Н. Иванова) передан через сложные поддержки и световой дизайн сценографии (две винтовые лестницы как модель ДНК или замкнутого лабиринта ума).

- «Белый лебедь» (2025 г., режиссер А. Елизаров). Постмодернистская рефлексия над наследием П.И. Чайковского. В основе спектакля лежит синтез сюжета «Лебединого озера» и пластики American Smooth, обеспечивающей максимальную свободу перемещения пар без жестких стандартов классической рамки балетного танца [7].

Важной частью научно-методической системы театра является создание детских хореографических спектаклей. За период с 2000 по 2024 гг. театром было поставлено более 15 детских спектаклей на основе сказочных сюжетов. Их анализ позволяет увидеть глубинную интеграцию педагогической функции и сценического искусства.

Таблица 1

Анализ специфики детского репертуара и анимационных программ

Период	Название спектакля	Балетмейстер-постановщик / Автор либретто	Хореографическая доминанта
2000–2005	«Новогоднее поле чудес» (2000) «Щелкунчик» (2001) «Золушка» (2004) «Снежная королева» (2005)	В.А. Елизаров, Н.Б. Маршева, С.А. Гринев, Е.С. Ольховская	Синтез классического рисунка сказки и европейской программы балетного танца [11]
2006–2014	«Бременские музыканты» (2006) «Буратино» (2008) «Гарри Поттер» (2009) «Али-Баба» (2010) «Летучий корабль» (2011) «Наша Маша и Медведь» (2012) «По щучьему велению» (2013) «Волк и семеро козлят» (2014)	В.А. Елизаров, Н.Д. Иванова, Е.С. Ольховская	Внедрение эстрадного танца, уличных стилей и эксцентрической пластики
2016–2024	«Царевна-лягушка» (2016/2024) «Аладдин» (2019) «Двенадцать месяцев» (2021) «Новые приключения Бременских музыкантов» (2022) «Сказка о рыбаке и рыбке» (2023)	Н.Д. Иванова, Д.В. Чумакова, Д.А. Соловьев, Е.С. Ольховская	Стилизация народно-сценического танца, использование мультимедиа

Детские хореографические спектакли театра обладают уникальной двухчастной структурой, разработанной В.А. Елизаровым:

Художественно-образная часть: одноактная хореографическая сюита по сюжету сказки.

Интерактивно-анимационная часть: прямое взаимодействие артистов со зрительным залом.

С методической точки зрения данная форма представляет собой систему популяризации хореографического искусства. Вовлечение детей в танцевальное действие снимает барьер «сцена-зритель» и выполняет важную педагогическую и эстетическую функцию.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что феномен Севастопольского академического театра танца имени Вадима Елизарова заключает-

ся в формировании жизнеспособного, самостоятельного вида хореографического искусства — сценического балетного танца.

Успех данной модели обеспечивается строгой внутренней структурой театрального организма, включающей собственную школу-студию для непрерывной подготовки кадров, профессиональные технические цеха, а также сильный балетмейстерский состав, способный работать в условиях полистилистического синтеза [3].

Опыт Севастопольского театра танца заслуживает масштабирования и дальнейшего теоретического изучения в рамках отечественного искусствоведения. Данное исследование вносит вклад в систематизацию отечественного опыта хореографического искусства и очерчивает перспективы дальнейшего анализа сценического балетного танца в контексте современной теории и истории культуры.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алексидзе Г.Д. Балет в меняющемся мире. СПб. : Композитор, 2008. 167 с.
2. Балет: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Григорович. М. : Советская энциклопедия, 1981. 623 с.
3. Боярчиков Н.Н. О балетмейстерском образовании. Учебная программа, заметки, мысли о профессии : учеб. пособие для вузов. СПб. : Лань, 2024. 60 с.
4. Зазыкин В.Г. Аксиология исполнительского художественного творчества / В.Г. Зазыкин, О.Л. Монд. М. : ИЦ «Московведение», 2011. 223 с. ISBN: 978-5-905118-11-1
5. Захаров Р.В. Сочинение танца. М. : Искусство, 1989. 242 с.
6. Есаулов И.Г. Хореодраматургия. Искусство балетмейстера : учебник. СПб. : Лань, 2025. 320 с.
7. Карпенко В.Н. Хореографическое искусство как феномен художественной культуры : монография. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. 284 с.

8. Мелехов А.В. Искусство балетмейстера. Композиция и постановка танца : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2015. 128 с. ISBN: 978-5-8295-0366-6 EDN: VXAIEH
9. Никитин В.Ю. Модерн-джаз танец: история, методика, практика. М. : ГИТИС, 2000. 440 с.
10. Рамо П. Учитель танцев / П. Рамо; Пер. с фр. СПб. : Лань, 2024. 224 с.
11. Сафронова Л.Н. Уроки классического танца. СПб. : Лань, 2015. 192 с.
12. Фокин М.М. Против течения: воспоминания балетмейстера. Л. : Искусство, 1981. 510 с.
13. Эльяш Н.И. Образы танца. М. : Знание, 1970. 240 с.

References:

1. Aleksidze G.D. Ballet in a changing world. SPb. : Composer, 2008. 167 p.
2. Ballet: an encyclopedia / Chief editor Yu. N. Grigorovich. M. : Soviet Encyclopedia, 1981. 623 p.
3. Boyarchikov N.N. About ballet master's education. Curriculum, notes, thoughts on the profession : textbook for universities. SPb. : Lan, 2024. 60 p.
4. Zazykin V.G. Acmeology of performing arts / V.G. Zazykin, O.L. Mond. M. : IC «Moskvovedenie», 2011. 223 p. ISBN: 978-5-905118-11-1
5. Zakharov R.V. Composition of dance. M. : Iskustvo, 1989. 242 p.
6. Esaulov I.G. Choreodramaturgy. The art of the choreographer : textbook. St. Petersburg: Lan, 2025. 320 p.
7. Karpenko V.N. Choreographic art as a phenomenon of artistic culture : monograph. Simferopol : IT «ARIAL», 2017. 284 p.
8. Melekhov A.V. The art of the choreographer. Composition and staging of dance : textbook. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University. University, 2015. 128 p. ISBN: 978-5-8295-0366-6 EDN: VXAIEH
9. Nikitin V.Yu. Modern jazz dance: history, methodology, practice. M. : GITIS, 2000. 440 p.
10. Ramo P. The dance teacher / translated from French. SPb. : Lan, 2024. 224 p.
11. Safronova L.N. Classical dance lessons. SPb. : Lan, 2015. 192 p.
12. Fokin M.M. Against the current: memoirs of a choreographer. L. : Iskustvo, 1981. 510 p.
13. Elyash N.I. Images of dance. M. : Znanie, 1970. 240 p.

Информация об авторе

Ольховская Елена Сергеевна
доцент,
заведующая кафедрой хореографии,
Институт культуры и искусств
Херсонского государственного
педагогического университета
helena_olhovskaya@mail.ru

Elena S. Olkhovskaya
Associate Professor,
Head of the Department of Choreography,
Institute of Culture and Arts
Kherson State Pedagogical University
helena_olhovskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-11>

УДК 793

Attribution

cc by

ПРИНЦИП СЕРЕДИНЫ В «ХУАНДИ НЭЙЦЗИН» КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Чэн Лян

Хэбэйский университет

Аннотация. В статье рассматривается принцип середины в трактате «Хуанди нэйцзин» как базовое основание традиционной концепции здорового образа жизни. В рамках философско-герменевтического и текстологического подходов предпринята попытка показать, как данный принцип функционирует в различных уровнях медицинского дискурса. Речь идет о древнем китайском медицинском памятнике, в котором здоровье человека понимается как состояние динамического равновесия. Прослеживается, как идеи единства человека и природы, баланса инь и ян и умеренности в питании формируют целостную систему регуляции жизнедеятельности. К анализу привлекаются оригинальный текст трактата, его русские переводы, а также исследования российских и китайских ученых. Показано, как принцип меры проявляется в рекомендациях по образу жизни, диагностике и профилактике заболеваний. Установлено, что нарушение равновесия рассматривается как универсальный механизм возникновения патологий. Сделан вывод о том, что принцип середины представляет собой устойчивую мировоззренческую модель, сохраняющую актуальность в современных исследованиях здоровья.

Ключевые слова: «Хуанди нэйцзин»; принцип середины; традиционная китайская медицина; инь и ян; здоровый образ жизни

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда социальных наук провинции Хэбэй, проект № HB25YY017.

Original article

THE PRINCIPLE OF THE MIDDLE WAY IN THE HUANGDI NEIJING AS THE FOUNDATION OF A HEALTHY LIFESTYLE

Cheng Liang

Hebei University

Abstract. The article examines the principle of the Mean in the treatise Huangdi neijing as a foundational basis of the traditional concept of a healthy lifestyle. Within a philosophical-hermeneutic and textological framework, an attempt is made to demonstrate how this principle operates across different levels of medical discourse. The study focuses on an ancient Chinese medical canon in which human health is understood as a state of dynamic equilibrium. It traces how the ideas of the unity of man and nature, the balance of yin and yang, and moderation in diet form an integrated system regulating human life activities. The analysis draws on the original text of the treatise, its Russian translations, as well as studies by Russian and Chinese scholars. It is shown how the principle of measure is reflected in recommendations on lifestyle, diagnosis, and disease prevention. It is established that the disruption of balance is regarded as a universal mechanism underlying the emergence of pathological conditions. The study concludes that the principle of the Mean represents a stable worldview model that remains relevant in contemporary health-related research.

Keywords: «Huangdi Neijing»; the principle of the middle; traditional Chinese medicine; yin and yang; healthy lifestyle

Financing: The research was carried out with financial support from the Hebei Provincial Social Sciences Foundation, Project № HB25YY017.

Введение.

«Хуанди нэйцзин» («Трактат Желтого императора о внутреннем») является древнейшим памят-

ником традиционной китайской медицины и одним из важнейших источников китайской медицинской философии. Трактат, включающий две части – «Сувэнь» («Вопросы о простейшем») и

«Линшу» («Ось духа»), сформировал теоретические основы учения об инь и ян, пяти элементах, системе цзан-фу, а также принципы диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

Вместе с тем, его содержание выходит за пределы медицинской проблематики, поскольку в нем раскрываются представления о природе жизни, взаимодействии человека и окружающего мира, а также закономерностях сохранения здоровья.

Одним из ключевых мировоззренческих оснований трактата выступает принцип середины. Хотя он не выделяется в самостоятельное философское учение, именно через него раскрываются идеи меры, гармонии и динамического равновесия. Данный принцип проявляется в рекомендациях относительно питания, режима труда и отдыха, эмоциональной регуляции и согласования жизнедеятельности человека с природными ритмами, образуя целостную концепцию здорового образа жизни.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к философским основаниям традиционной китайской медицины в современных гуманитарных и медицинских исследованиях. Несмотря на значительное число работ, посвященных философским категориям «Хуанди нэйцзин», принцип середины до настоящего времени не получил комплексного осмысления как системообразующее основание концепции сохранения здоровья.

Цель статьи состоит в выявлении философского содержания принципа середины в «Хуанди нэйцзин» и определении его значения как основы здорового образа жизни. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении данного принципа как интегрирующей мировоззренческой модели, объединяющей представления о человеке, здоровье и профилактике заболеваний.

Русскоязычная традиция изучения трактата насчитывает более полутора столетий. Первое описание трактата содержится в труде А.А. Татаринова «Китайская медицина», где трактат характеризуется как основополагающий источник китайской медицинской традиции [1, с. 363].

Существенный этап его освоения связан с появлением переводов на русский язык. Среди них особое значение имеют первое русскоязычное издание «Су вэнь, Нэй цзин», подготовленное В.Ф. Дерновым-Пегаревым [2], последующий полный перевод и философский комментарий Б.Б. Виногородского [3; 4].

В настоящей работе используется перевод Б.Б. Виногородского как наиболее полное русскоязычное издание, сопровождаемое философско-герменевтическим комментарием.

Анализ научной литературы показывает, что российские исследования преимущественно со-

средоточены на интерпретации фундаментальных категорий традиционной китайской философии – инь и ян, ци и Дао, а также их роли в формировании теоретических оснований традиционной китайской медицины [5; 6; 7]. В работах китайских исследователей круг рассматриваемых вопросов значительно шире и включает философию жизни, медицинскую философию трактата, взаимодействие конфуцианской, даосской и буддийской традиций, а также концепцию сохранения здоровья [8; 9; 10].

Вместе с тем, проведенный обзор свидетельствует о том, что принцип середины до настоящего времени рассматривался преимущественно в связи с отдельными философскими категориями или практиками оздоровления и не становился предметом специального комплексного исследования как системообразующее основание концепции здорового образа жизни, представленной в «Хуанди нэйцзин».

Обсуждение. Результаты.

Единство человека и природы.

Концепция единства человека и природы составляет одну из фундаментальных основ философии «Хуанди нэйцзин». Человек рассматривается как часть единой природной системы, а сохранение здоровья определяется не только внутренним состоянием организма, но и согласованием жизнедеятельности с закономерностями окружающего мира. Следование природе выступает универсальным принципом профилактики заболеваний и поддержания жизненного равновесия.

Практическое воплощение данного принципа раскрывается через необходимость согласования образа жизни с сезонными изменениями и природными ритмами. В главе «Линшу. Бэньшэнь (灵枢·本神)» подчеркивается: «Необходимо следовать четырем временам и находиться в соответствии с холодом и жаром. Нужно гармонизировать радость и гнев, отслеживать ритмику инь и ян и сохранять гармонию твердости и мягкости. Так, патогенная сила не сможет воздействовать на организм, и жизнь будет долгой (智者之养生也，必顺四时而适寒暑，和喜怒而安居处，节阴阳而调刚柔，如是则僻邪不至，长生久视)» [4, с. 57].

Тем самым, сохранение здоровья связывается не только с соблюдением внешнего режима, но и с поддержанием эмоционального и физиологического равновесия.

С точки зрения временной организации жизненного цикла «Хуанди нэйцзин» следует природной модели смены сезонов: весна соответствует рождению, лето – росту, осень – собиранию, зима – сохранению. В главе «Су вэнь. О великой теории согласования духа с четырьмя временами года (素问·四气调神大论)» приводятся рекомендации относительно образа жизни в разные

времена года: весной – «Следует поздно ночью лечь и на рассвете вставать, широкими шагами ходить по двору (夜卧早起，广步于庭)» [3, с. 22], летом – «Нужно поздно лечь и рано вставать. Не следует слишком долго находиться под Солнцем (夜卧早起，无厌于日)»¹ [3, с. 27], осенью – «Следует рано лечь и рано вставать. Подниматься лучше с петухами (早卧早起，与鸡俱兴)» [Там же], зимой – «нужно рано лечь и поздно вставать, следует спать до восхода Солнца (早卧晚起，必待阳光)» [Там же]. Эти предписания демонстрируют принцип синхронизации жизнедеятельности человека с природными циклами.

Нарушение данного принципа рассматривается как одна из причин возникновения заболеваний. В главе «Су вэнь. Рассуждение о сообщении с небом дыхания-ци рождения жизни (素问·生气通天论)» последовательно описывается связь между несоответствием организма сезонным воздействиям и развитием различных патологических состояний [Там же]. Болезнь, таким образом, понимается как следствие нарушения гармонии между человеком и природой.

Следовательно, в «Хуанди нэйцзин» здоровье интерпретируется как результат постоянного согласования жизнедеятельности человека с природными ритмами. Принцип единства человека и природы выступает философской основой профилактики заболеваний и одним из ключевых проявлений принципа середины, реализующегося через сохранение меры, гармонии и динамического равновесия.

Равновесие инь-ян.

Учение об инь и ян составляет теоретическую основу философской системы «Хуанди нэйцзин» и определяет понимание здоровья, болезни и способов их предупреждения. В трактате инь и ян рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие начала, находящиеся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимного преобразования. Именно их динамическое равновесие обеспечивает нормальное функционирование организма, тогда как его нарушение становится причиной патологических изменений [11, с. 77].

Данное положение последовательно раскрывается в тексте трактата. В главе «Су вэнь. Рас-

суждение о сообщении с небом дыхания-ци рождения жизни (素问·生气通天论)» отмечается: «Если субстанция инь здорова, тогда субстанция ян сохраняет плотность, а семя-цин и дух-шэнь тоже в порядке. Если нарушается слаженность действия субстанций инь и ян, тогда разрушается дыхание-ци семени-цина (阴平阳秘，精神乃治，阴阳离决，精气乃绝)» [3, с. 27].

Тем самым подчеркивается, что устойчивость жизненных процессов определяется согласованным взаимодействием инь и ян, тогда как их разобщение ведет к нарушению физиологических функций.

Принцип равновесия распространяется не только на объяснение здоровья, но и на понимание патогенеза. В главе «Су вэнь. Большое рассуждение о соответствии образов субстанциям инь и ян (素问·阴阳应象大论)» говорится: «Субстанция инь – это покой, а субстанция ян – это подвижность. Субстанция ян рождает, а субстанция инь возвращает (阴静阳躁，阳生阴长)» [3, с. 31]. Далее подчеркивается: «При чрезмерном усилении субстанции инь обязательно появляется субстанция ян, а при чрезмерном усилении субстанции ян обязательно появляется субстанция инь (重阴必阳，重阳必阴)» [3, с. 32]. Эти положения отражают взаимную обусловленность противоположных начал и показывают, что болезнь возникает вследствие утраты их динамического равновесия.

В терапевтическом аспекте целью лечения выступает восстановление нарушенной гармонии. В главе «Су вэнь. Большое рассуждение о предельной истине основ (素问·至真要大论)» указывается: «Необходимо тщательно исследовать состояние инь и ян и регулировать его, стремясь к равновесию (谨察阴阳所在而调之，以平为期)» [3, с. 313]. Тем самым равновесие инь и ян рассматривается как основной критерий успешного лечения и сохранения здоровья.

Тем самым, категория инь и ян приобретает в «Хуанди нэйцзин» значение универсального принципа регуляции жизнедеятельности. Ее функция не ограничивается объяснением физиологических процессов или механизмов лечения, а распространяется на всю систему представлений о сохранении здоровья. Именно поэтому равновесие инь и ян выступает одним из ключевых способов реализации принципа середины, связывающего природные закономерности, внутреннее состояние организма и практику профилактики.

Умеренность в питании.

В «Хуанди нэйцзин» питание рассматривается как один из важнейших факторов сохранения здоровья, а его основным регулятивным принципом выступает умеренность (食饮有节). Она предполагает не только соблюдение меры в количестве пищи, но и рациональную организацию питания, обеспечивающую согласованное функ-

¹ Следует отметить, что данный перевод содержит смысловую неточность. Выражение «无厌于日» дословно означает «не испытывать отвращения к солнцу (летнему зною)» и не призывает «слишком долго находиться под солнцем». В контексте трактата речь идет о необходимости следовать сезонным изменениям природы: летом человеку рекомендуется не избегать естественного солнечного тепла, умеренно принимать янскую энергию сезона и сохранять гармонию с окружающей средой. Таким образом, более точным переводом было бы: «Не следует избегать летнего солнца (летнего зноя)».

ционирование внутренних органов и поддержание жизненной энергии.

В трактате предлагается модель сбалансированного питания, основанная на функциональном сочетании различных видов продуктов: «Пять видов злаков питают организм. Пять видов плодов оказывают вспомогательное воздействие. Пять видов мясных продуктов усиливают организм. Пять видов овощей укрепляют внутренние органы. Эти пять видов пищевых продуктов имеют разные вкусы, и их следует употреблять соответственно, восполняя семя-цин и укрепляя дыхание-ци. (五谷为养，五果为助，五畜为益，五菜为充，气味合而服之，以补精益气)» [3, с. 96]. Тем самым питание понимается как система взаимодополняющих компонентов, направленная на поддержание внутреннего равновесия организма.

Особое внимание уделяется соблюдению меры в приеме пищи. В главе «Су вэнь. Рассуждение о нарушениях циркуляции-би (素问·痹论)» говорится: «Приходится удваивать количество пищи и питья, а это приводит к повреждению кишечника и желудка (饮食自倍，肠胃乃伤)» [3, с. 154]. В другой главе отмечается: «Если желудок нездоров, тогда и сон становится беспокойным (胃不和则卧不安)» [3, с. 127]. Эти положения показывают, что переедание нарушает функции пищеварительной системы и оказывает влияние на общее физиологическое состояние организма.

Наряду с количеством пищи трактат подчеркивает значение ее качественных характеристик. В главе «Линшу. Передача традиций от наставников (灵枢·师传)» указывается: «Когда принимаешь питье и пищу, горячее не должно обжигать, а холодное — чрезмерно охлаждать. Следует соблюдать умеренность между холодом и теплом... (食饮者，热无灼灼，寒无沧沧，寒温中适，故气将持，乃不致邪僻也)» [4, с. 131].

Тем самым, принцип умеренности распространяется не только на объем, но и на свойства пищи, поскольку нарушение пищевого режима рассматривается как одна из причин расстройства циркуляции ци, ослабления защитных функций организма и развития заболеваний.

В рамках общей теоретической системы «Хуанди нэйцзин», принцип умеренности в питании выступает важным компонентом концепции поддержания здоровья и органически связан с идеями гармонии и баланса, лежащими в основе всего комплекса традиционных представлений о жизнедеятельности человека.

Заключение.

Принцип середины в «Хуанди нэйцзин» выступает системообразующим основанием концепции здорового образа жизни. Он реализуется через взаимосвязанные уровни: единство человека и природы, равновесие инь-ян и умеренность в питании.

Данный принцип представляет собой универсальный механизм регуляции жизнедеятельности, основанный на идее меры и динамического равновесия. Он позволяет рассматривать здоровье как результат постоянного согласования внутренних и внешних факторов, а не как статическое состояние организма.

В современных условиях философский потенциал трактата приобретает особую актуальность, поскольку его концепция здоровья ориентирована не столько на лечение болезни, сколько на формирование гармоничного образа жизни. В предисловии к современному китайскому изданию справедливо отмечается, что традиционная китайская медицина является «мудростью существования», предлагающей человеку активный образ жизни [12, с. 12]. Именно в этом заключается непреходящая ценность трактата, сохраняющего свою мировоззренческую значимость далеко за пределами медицинской теории.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Татаринов А.А. Китайская медицина // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. 1853. Т. 2. С. 357–441.
2. Су вэнь, Нэй цзин: Трактаты по традиционной китайской медицине на основе древних и современных текстов / Пер. В.Ф. Дернова-Пегарева. Кемерово : Серсон, 1994. 288 с.
3. Трактат Желтого императора о внутреннем. Часть первая: Вопросы о простейшем. / Пер. Б.Б. Виноградского. М. : Издательский Дом «Профит Стайл», 2007. 384 с.
4. Трактат Желтого императора о внутреннем. Часть вторая: Ось духа / Пер. Б.Б. Виноградского. М. : Издательский Дом «Профит Стайл», 2007. 288 с.

5. Дашеева В.В. Философское учение инь-ян в китайской культурной традиции / В.В. Дашеева, В.В. Хандархаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. № 2. С. 17–24. DOI: 10.18101/1994-0866-2022-2-17-24
6. Ванденко В.А. Категория «ци» в традиционной китайской медицине // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 11(137). Ч. 1. С. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.137.73>
7. Пушкарская Н.В. Традиционная медицина как пример китайской эпистемической культуры // 2022. № 1. С. 50–67. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-50-67
8. Гэ Жуныцзинь. Исследование философских идей «Хуанди нэйцзин» // Журнал общественных наук Хунаньского педагогического университета. 1986. № 5. С. 80–85. (葛荣晋. 《黄帝内经》哲学思想探 / 葛荣晋 // 湖南师范大学社会科学学报. 1986. 第5期. 80–85 页).
9. Ван Сюань. Анализ общих черт жизненной философии «Хуанди нэйцзин» и идей конфуцианства, даосизма и буддизма / Ван Сюань, Ма Юйся, Хань Синцзюнь и др. // Журнал Шаньдунского университета китайской медицины. 2021. Т. 45. № 2. С. 159–163. (王璇. 《黄帝内经》生命哲学与儒道佛思想的共性分析 / 王璇, 马玉侠, 韩兴军, 等 // 山东中医药大学学报. 2021. 第45卷. 第2期. 159–163 页).
10. Юй Цзундун. Сравнение концепции оздоровления в «Дао дэ цзин» и «Хуанди нэйцзин» / Юй Цзундун // Гуанмин чжуньи. 2025. Т. 40. № 11. С. 2246–2249. (于宗东. 《道德经》与《黄帝内经》养生思想比较 / 于宗东 // 光明中医. 2025. 第40卷. 第11期. 2246–2249 页). DOI: 10.3969/j.issn.1003-8914.2025.11.036
11. Цзе Гуаньюй. Теория инь-ян и «Хуанди нэйцзин»: образец древней философской практики / Цзе Гуаньюй // Журнал Аньхойского университета. Серия: Философия и социальные науки. 1999. № 6. С. 77–80. (解光宇. 阴阳学说与《黄帝内经》: 古代哲学实践的典范 / 解光宇 // 安徽大学学报 (哲学社会科学版). 1999 年. 第6期. 77–80 页).
12. Хуанди нэйцзин / Под ред. Яо Чунпэн. 2-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2022. 1471 с. (姚春鹏译注. 《黄帝内经》 / 姚春鹏. 第2版. 北京: 中华书局, 2022. 1471 页).

References:

1. Tatarinov A. A. Chinese medicine. A. Tatarinov // Laborpeople of the Russian spiritual missions in Beijing. 1853. Vol. 2. P. 357–441.
2. Xu V. Urgan. U. Urgan Jing: A Treatise on traditional Chinese medicine based on ancient and modern urgun text / peer. V. F. Dernova-Pegareva. Kemerovo : Serson, 1994. 288 p.
3. A Treatise Of The Emperor's Geltok O vnutrennem. Part parvaya: Vopros. / Transl. By B.B. Vinogradsky. M. : Publishing House «Profit Style», 2007. 384 pp.
4. A Treatise Of The Emperor's Geltok O vnutrennem. Part Two: The Spirit / Transl. B.B. Vinogradsky. M. : Publishing House «Profit Style», 2007. 288 p.
5. Dasheeva V.V. Philosophical teaching of yin-yang in Chinese cultural traditions V. Dasheeva, V.V. Handarhayeva // Buryat State University newspaper. 2022. № 2. P. 17–24. DOI: 10.18101/1994-0866-2022-2-17-24.
6. Vandenko V.A. Category «Qi» in traditional Chinese medicine (International Research Journal. 2023. № 11(137). Part 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.137.73>
7. Pushkarskaya N.V. Traditional medicine as an example of chinatеоiesystemic Kultur Urgant. 2022. № 1. P. 50-67. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-50-67
8. Zhongjing. research philosophical ideas «Huangdi nirmaijin» // Journal of the Hunan Pedagogical University. 1986. № 5. P. 80–85. (葛荣晋. 《黄帝内经》哲学思想探 / 葛荣晋 // 湖南师范大学社会科学学报. 1986. 第5期. 80–85 页).
9. Wang Xuan. Analysis shared drawing of vital philosophies «Huandi N. pengjin» and ideas Confucianism, taoism and Buddhism / Wang Xuan, Ma Yuxia, Han Xingjun and others. // Journal of Shangdong University of Chinese medicine. 2021. Vol. 45. № 2. P. 159–163. (王璇. 《黄帝内经》生命哲学与儒道佛思想的共性分析 / 王璇, 马玉侠, 韩兴军, 等 // 山东中医药大学学报. 2021. 第45卷. 第2期. 159–163 页).
10. Yui Zundong. Comparison of concepts in «Dao da penhjin «and» Huandi n penhjin» // Guangming Zhongyi. 2025. Vol. 40. № 11. P. 2246–2249. (于宗东. 《道德经》与《黄帝内经》养生思想比较 / 于宗东 // 光明中医. 2025. 第40卷. 第11期. 2246–2249 页). DOI: 10.3969/j.issn.1003-8914.2025.11.036
11. Jie Guanyui. Yin-Yang theory and «Huangdi nirmaijin»: a model of ancient philosophical practices / Jie Guanyui // Journal of Anhui University. Series: Philosophy and Social Sciences. 1999. № 6. P. 77–80. (解光宇. 阴阳学说与《黄帝内经》: 古代哲学实践的典范 / 解光宇 // 安徽大学学报 (哲学社会科学版). 1999 年. 第6期. 77–80 页).
12. Hwangdi nirmaijin / Ed. Yao Chun-Pang. 2nd ed. Beijing: Zhonghua shuqiu, 2022. 1471 p. (姚春鹏译注. 《黄帝内经》 / 姚春鹏. 第2版. 北京: 中华书局, 2022. 1471 页).

Информация об авторе

Чэн Лян

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
факультета иностранных языков,
Хэбэйский университет, КНР

Cheng Liang

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Russian Language
Faculty of Foreign Languages,

ORCID ID: 0000-0001-5225-4342
chengliangvila@yandex.ru

Hebei University, China
ORCID ID: 0000-0001-5225-4342
chengliangvila@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-12>

УДК 30+141.319.8

Attribution

cc by

ТРУД КАК ЭКОЛОГИЧНАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

Шефель С.В.

*Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева*

Аннотация. В статье впервые в научном дискурсе предпринята попытка дать адекватный ответ на вопрос как экофилльность и трудовая деятельность человека в своем сочетании соотносятся с его амбивалентной, дуальной природой. Рассматривается вопрос соотношения феноменов экофилльно ориентированной трудовой деятельности и экологического поведения. При этом, особо выделяются экологические практики, которые несут не только потребительский характер, связанный с выбором экологически чистых, натуральных товаров, но и акцентированно природоохранный характер, когда их участники, выступают в качестве организаторов специфически ценностных форм трудовой деятельности, таких, в частности, как экологическое волонтерство, с его ярко выраженными природоохранной и рекреационной функциями, представленными и разнообразными практиками утилизации отходов, и агроэкологической деятельностью и вариативными трудовыми мероприятиями по восстановлению флоры и фауны родных регионов.

Ключевые слова: человек, общество, коэволюция, ноосфера, экофилия, трудовая деятельность, социокультурные ценности, экологизация социальной субъектности, экологические практики, экологическое поведение, устойчивое развитие.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LABOR AS AN ECOLOGICAL SOCIO-CULTURAL VALUE

Sergey V. Shefel

Crimean branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. This article, for the first time in scientific discourse, attempts to provide an adequate answer to the question of how ecophilia and human labor activity, in their combination, relate to the ambivalent, dual nature of a person. The relationship between the phenomena of ecophilically oriented labor activity and environmental behavior is examined. Specifically, environmental practices are highlighted, which are not only consumer-oriented, associated with the selection of environmentally friendly, natural products, but also have an emphasized environmental conservation nature, when their participants act as organizers of specifically valued forms of labor activity, such as, in particular, environmental volunteering, with its pronounced environmental and recreational functions, represented by various waste disposal practices, agro-ecological activities, and varied labor measures to restore the flora and fauna of their native regions.

Keywords: man, society, co-evolution, noosphere, ecophilia, labor activity, socio-cultural values, greening of social subjectivity, environmental practices, environmental behavior, sustainable development.

Funding: Independent work.

Введение.

В современных условиях модернизационных преобразований в Российской Федерации, осложненных обстоятельствами специальной военной операции и острыми вызовами технологического обновления мировой экономики на фоне противоречивых тенденций демографического и миграционного характера существенно

актуализировались вопросы подготовки высококвалифицированных кадров для всех сфер жизнедеятельности исходя из оснований новой парадигмы развития страны, стержневым элементом которого является процесс экологизации социальной субъектности. Это, в свою очередь, предопределило усиление научной и философской апелляции к проблематике интенциональности трудовой деятельности. Глобальный тренд

© Шефель С.В.

на экологизацию человеческой деятельности постепенно распространяется и на сферу труда как в формальном, так и в экзистенциальном ракурсах, затрагивая не только непосредственно условия осуществления трудовой деятельности, но и личные ценностные установки и поведенческие практики личности как сознательный выбор экологичного образа жизни, основой которого является труд.

Обсуждение.

Следует отметить, что в системе аксиологических координат исследования процессов экологизации социальной субъектности непосредственным образом соотносятся феномены жизни и трудовой деятельности. Их исследованию в таком контексте пока еще не нашлось должного места в ни в социально-философском, ни в культурологическом дискурсе. Можно отметить лишь предпосылки к разворачиванию таких исследований [6].

Занимая экософскую позицию в соотношении указанных феноменов, мы предлагаем характеризовать труд как форму экообщения. И в этой связи классифицировать его по трем основным типам или уровням:

— во-первых, обосновывая его как труд вообще или, следуя за К. Марксом, как абстракцию труда, — для обозначения исходной, простейшей формы трудовой деятельности, когда она выступает выражением и утверждением жизни [4, с. 381–382], что сопоставимо с диалектической формулой, когда одновременно жизнь творит человека, а он выводит ее на качественно новый уровень бытия, участвуя в сотворчестве с ней. Такое восприятие соотношения жизни и труда как фундаментальных ценностей характерно для социокультур даосизма, буддизма и конфуцианства [6, с. 243];

— во-вторых, обосновывая труд как целесообразную деятельность, в процессе которой люди при помощи орудий труда воздействуют на природу и используют ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей [3, с. 696]. На самом деле, речь идет о превращенной форме труда, введенной в социальную практику в связи с переходом европейской цивилизации к индустриальному способу производства, где непосредственный производитель благ не может ими воспользоваться по своему усмотрению и полностью удовлетворить свои естественные потребности;

— в-третьих, речь идет о потенциально возможном возвращении человека к труду в диалектической формуле его связи с творчеством жизни, наполненной экологическими императивами. В этом случае предполагается переход в организации трудового процесса не только на уровень его обеспечения экологичными технологиями, но и ограничения антропоцентричного способа организации труда экологичными социокультурными доминантами как потенциального ресурса

становления экологичной планетарной цивилизации.

Можно ли утверждать, что труд как ценность в современных условиях обладает признаками экологичности, то есть ориентации на создание, воспроизводство и осознанное поддержание таких условий трудовой деятельности, которые характеризуются бережным отношением к окружающей среде, соблюдением нормативов потребления природных ресурсов и заботой о здоровье самого работника и будущих поколений?

Как отмечает С.Г. Климова, «работник в концепте современности — это конструкт, создаваемый на основе ценностной парадигмы в определенных логических рамках. Ее границами служат признаки, формирующие понятие «современность». Формально современное — это то, что актуально и соответствует требованиям времени, а современность — связана с рационализацией отношений» [2, с. 206].

Среди ценностных трендов современности ориентация на экологичный образ жизни все больше укрепляется, хотя на фоне геополитических вызовов и угроз безопасности [7–8] приобретает иногда либо радикальные (глубинная экология, экологический терроризм), либо деформированные форматы (инфантильность, эскапизм).

Экологизация трудовой деятельности имеет два существенных аспекта: нормативный, находящий выражение в развитии природоохранного и трудового законодательства, а также социокультурный, выражающийся в развитии экологического сознания и экологической культуры граждан, в том числе в процессе осуществления трудовой функции.

Нормативный аспект экологизации труда выражен в ряде нормативных актов, регламентирующих условия труда, нормы выбросов и загрязнений, которые получает окружающая и, прежде всего, природная среда в процессе производственной деятельности. Россия как страна с существенным индустриальным компонентом экономики не может избежать ощутимой нагрузки на природную среду без ущерба экономическому развитию, однако, в последние десятилетия технологии производства стали значительно экологичнее, все больший импульс к развитию получают так называемые природосообразные технологии, призванные обеспечить, с одной стороны, технологическое лидерство, автономность и экономический суверенитет страны, а с другой — свести к минимуму воздействие таких технологий на природу (фактически, ориентируясь на представления В.И. Вернадского о «венце ноосферы» — достижении автотрофности человечества). На этом пути достаточно много преград экономического, инфраструктурного, административного и геополитического характера, однако концептуально упомянутая тенденция уже оформлена.

Социокультурный аспект, выражающийся в определенном уровне развития экологического сознания и экологической культуры, находит выражение в формировании соответствующих паттернов экологического поведения, то есть в экологичной деятельности, которая в ракурсе труда становится критерием выбора вида трудовой деятельности и типа занятости в зависимости от приемлемости условий, в том числе экологической составляющей предполагаемой работы. Это могут быть пространственные (требования к помещениям, качеству воздуха, воды и питания), темпоральные (время занятости и отдыха, возможности для перемещений и досуга) критерии, а также критерии эмоционального и психологического комфорта в процессе труда.

Экология труда, таким образом, становится насущной необходимостью для всестороннего развития и реализации личности в процессе трудовой деятельности, преобразовывая ее, фактически, в экологическую практику.

В этом аспекте можно упомянуть выводы К.Х. Момджяна о том, что «сущность человека (понятая как совокупность свойств, формирующих его качественную самотождественность) определяется не субстратными или функциональными свойствами людей, а способом их самоцельного существования в среде, именуемым деятельностью. Деятельность, представляющая собой *modus essendi* общественного человека, понимается мной как субстанциальное начало, способное к самопорождению, самоподдержанию и саморазвитию, в ходе которых создает «из себя и для себя» все формообразования социальной реальности в ее субъектных, объектных, организационных и прочих измерениях. В этом плане субъект может и должен быть определен через деятельность, а не наоборот, как полагают философы, считающие деятельность атрибутом субъекта, эманацией его внедеятельностной (и потому мифической) сущности» [5, с. 10].

В данной связи, также представляются значимыми результаты проведенного В.А. Захаровой социологического среза исследования воплощения ментальных установок молодежи южного мегарегиона России, в особенности Республики Крым, в их поведенческих моделях [1], выявившие очевидную экологизационную направленность трансформации последних.

В частности, данная тенденция находит выражение в развитии экологических практик как осознанных действий, направленных на преобразование природной среды либо на поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения ее основных параметров [1].

В качестве основы экологических практик редко обнаруживается чисто экологическая мотивация, скорее можно говорить об институционализированном формате социальной активности с целью предотвращения ущерба здоровью человека от загрязнения природной среды как единственного,

безальтернативного источника биосферного существования. Экологические практики могут быть как системным порождением политики работодателя, так и приобретенными навыками в процессе личностного развития. В первом случае их достоинством будет масштабность и системность воспроизводства, во втором – укорененность в сознании в качестве ценностной установки и долгосрочность воспроизводства в поведении. В соединении этих уровней видится залог формирования концептуально нового формата современной трудовой деятельности, проникнутой экологичным содержанием.

Экологические практики обладают не только достаточным потенциалом трансляции экологических ценностей и мотивации на выстраивание экологичного образа жизни, но и формируют установки на экофилльность трудовой деятельности, причем, вне зависимости от степени обеспеченности ресурсами.

Необходимо подчеркнуть важность традиционных экологических практик в сельском хозяйстве для формирования экологической культуры среди молодежи. Эти практики обладают значительным потенциалом для стимулирования как системных, так и несистемных экологических инициатив, что способствует интеграции практического опыта молодых людей в различные сферы их социальной активности.

В этом контексте, наблюдается взаимосвязь между традиционными экологическими практиками и укреплением здорового образа жизни их участников. Эта взаимосвязь проявляется в развитии семейного агротуризма как одного из ключевых направлений в данной области. Его значение расширяет представление о ценностной составляющей процесса передачи трудовых навыков из поколения в поколение с учетом воздействия такого формата трудовой деятельности на формирование экологического сознания не только непосредственных участников этой сферы хозяйствования, но на возможных потребителей произведенной ими продукции.

Результаты.

Глобальная тенденция на экологизацию человеческой деятельности находит отражение и в сфере трудовых отношений, трансформируя концепт труда в нормативном и социокультурном аспектах, формируя новые критерии его приемлемости и целесообразности с точки зрения ответственности ряду требований экологичности условий работы.

Современный человек, покоряясь законам своей противоречивой природы, должен удовлетворять потребности, реализуя свой жизненный потенциал, так, чтобы не нарушать хрупкую связь естественным образом сформировавшихся цепочек взаимообеспечения одних видов биосферной среды посредством ресурсов других ее видов.

Наличие данного аксиоматического предела экообщения актуализирует требование неотложности парадигмальной смены типа мышления адептов техноориентированной стратегии их господства над природной средой и безоговорочного отказа от обусловленной им социетальной практики, губительной для всего сущего. Суть этой проблемы, со всей остротой ее злободневности, демонстрирует необходимость преодоления человеческого эгоизма в социоприродной сфере. Это означает, что от субъектов социоприродных отношений как субъектов права зависит гармонизация биосферной реальности, особенно в ее правовом измерении, посредством наполнения ее экофильным смыслом благодаря разработке и внедрению ими соответствующих норм экологического права на базе подлинного понимания сущности труда как существенной социокультурной ценности, являющейся выражением и утверждением жизни.

Таким образом, осознание ими обязанности учитывать, что удовлетворение их собственных интересов, в том числе и, прежде всего, в трудовой сфере, невозможно без уважения прав и законных интересов всех представителей биосферного универсума, позволит человечеству принять экофильно ориентированную модель трансформации трудовой деятельности в экологическое поведение социальных субъектов как гарантии устойчиво сбалансированного развития социоприродной среды.

Обоснование такой экософской позиции, раскрывающей смысл понимания проблемы взаимодополнительности феноменов труда и жизни в сфере социоприродных отношений, с нашей точки зрения, которое изначально было предложено В.И. Вернадским в рамках ноосферной концеп-

ции, ныне подкрепляется результатами научного творчества по утверждению в качестве руководящей парадигмы современности ноосферно-коэволюционной теории экологического преобразования социальной субъектности.

Заключение.

Осознание экологических угроз становится фактором активизации местных сообществ, их консолидации и стремления противопоставить этому процессу экологически ориентированную повестку во взаимодействиях с властью, устремленную к реализации курса на устойчивое развитие социоприродной сферы. Жизнедеятельность человеческого сообществ, в этой связи, приобретает новые ценностные смыслы, которые проявляются в разных формах экологического поведения, в частности экологических практиках как инварианта трудовой деятельности и неотъемлемой части экологической культуры, преобразующей реальность.

Уточняя определение экологической культуры, мы понимаем под ней совокупность ценностей и установок, отражающих отношение индивидов к природной среде и детерминирующих характер экологических практик.

Экологические ценности и экологические установки выступают в роли двух важных факторов, определяющих экофильность трудовой деятельности, отличающей ее экологизирующегося субъекта от адептов техноквилизации, зашедшей в тупик развития в силу парадигмальной направленности их деятельности, когда обострение глобально-экологических проблем, связанное с их нерешенностью, угрожает существованию биосферы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Захарова В.А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональные тенденции : монография. М. : Изд-во «Ru-Sciense», 2022. 280 с. ISBN: 978-5-466-01486-0 EDN: AYLMAK
2. Климова С.Г. Трансформация паттернов трудового поведения в современном российском обществе // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 21 / С.Г. Климова; Отв. ред. М.К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. С. 204–229. DOI: 10.19181/ezheg.2023.8 EDN: APMPZQ
3. Маневич Е.Л. Труд // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
4. Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. М. : Политиздат. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II.
5. Момджян К.Х. Социально-философский подход к проблеме человеческой субъектности // Человек. 2022. Т. 33. № 4. С. 7–26. DOI: 10.31857/S023620070018379-3 EDN: TZQVCR
6. Шилин К.И. Экософские начала социологии будущего. М. : Изд-во «Социум», 2000. 352 с.
7. Gruiz K. Engineering Tools for Environmental Risk Management: 1. Environmental Deterioration and Contamination / K. Gruiz, T. Meggyes, E. Fenyvesi (Eds.). CRC Press, 2014. 469 p. DOI: 10.1201/b17102

8. Hettne B. Development and Security: Origins and Future // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. №1. P. 31–52. DOI: 10.1177/0967010609357040

References:

1. Zakharova V.A. Ecological behavior of modern youth: national and regional trends : monograph. M. : Publishing house «Ru-Science», 2022. 280 p. ISBN: 978-5-466-01486-0 PUBLISHING HOUSE: AYLMAK
2. Klimova S.G. Transformation of patterns of labor behavior in modern Russian society / Ed. by M.K. Gorshkov; FNSC RAS // Russia under reform : yearbook : Iss. 21. M. : FNSC RAS, 2023. P. 204–229. DOI: 10.19181/ezheg.2023.8 EDITED: APMPZQ
3. Manevich E.L. Trud // Philosophical encyclopedic dictionary / E.L. Manevich; Chief editor L.F. Ilyichev [et al.]. M. : Soviet Encyclopedia, 1983. 839 p.
4. K. Marx. Capital / K. Marx and F. Engels. Collected works. M. : Collection, Ed. 2nd. Vol. 25. Part II.
5. Momjian K.H. A socio-philosophical approach to the problem of human subjectivity // Man. 2022. Vol. 33. № 4. P. 7–26. DOI: 10.31857/S023620070018379-3 EDN: TZQVCR
6. Shilin K.I. The ecosophical principles of the sociology of the future. M. : Publishing house «Socium», 2000. 352 p.
7. Gruiz K. Engineering Tools for Environmental Risk Management: 1. Environmental Deterioration and Contamination / K. Gruiz, T. Meggyes, E. Fenyvesi (Eds.). CRC Press, 2014. 469 p. DOI: 10.1201/b17102
8. Hettne B. Development and Security: Origins and Future // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. № 1. P. 31–52. DOI: 10.1177/0967010609357040

Информация об авторе

Шефель Сергей Викторович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия
sergey_shefel@mail.ru

Sergey V. Shefel

Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Crimean branch
of the Russian State University of Justice
sergey_shefel@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-1>

УДК 32

Attribution

cc by

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Томазов М.А.³¹*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*²*Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,*³*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Аннотация. На наш взгляд, актуальность исследования находится в неразрывной связи со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Цель настоящего исследования – рассмотреть правовые, финансовые и организационные аспекты национальной политики. Объектом исследования выступает национальная политика российского государства в современных условиях. Методами исследования являются анализ и синтез. К результатам исследования относится то, что в процессе анализа рассмотрены федеральные законы, стратегии, финансовое обеспечение государственных программ по реализации национальной политики, поддержке и продвижению русского языка за рубежом, участие координационных советов и организаций гражданского общества в осуществлении национальной политики. Основной вывод состоит в утверждении, что на эффективность национальной политики влияет ее взаимосвязь с государственной культурной и языковой политикой, единство правового, финансового и организационного ее обеспечения. Благодаря ознакомлению авторов статьи с отечественной литературой по проблемам национальной политикой российского государства, у них появилась возможность отметить наличие большого количества опубликованных работ по национальной политике российского государства на протяжении всего исторического периода его существования.

Ключевые слова: государственная программа, коренной малочисленный народ, культурной политика, национальная политика, организационное обеспечение, правовое обеспечение, русский язык, совет, стратегия, финансовое обеспечение, языки народов, языковая политика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ENSURING THE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Mikhail A. Tomazov³¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*²*South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,*³*Lomonosov Moscow State University*

Abstract. According to the authors of the article, its relevance is determined by the strategic planning document in the field of national security, the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036. The purpose of this study is to examine the legal, financial, and organizational aspects of national policy. The object of the study is the national policy of the Russian state in the current conditions. The research methods used are analysis and synthesis. The results of the study include the analysis of federal laws, strategies, and financial support for the state programs of the Russian Federation in 2026-2028 for the implementation of state national policy, support and promotion of the Russian language abroad, and the participation of coordination councils and civil society organizations in the implementation of national policy. The main conclusion is that the effectiveness of national policy is influenced by its interconnection with state cultural and language policy, as well as the unity of its legal, financial, and organizational support. The authors' familiarization with domestic literature on the national policy of the Russian state allows them to point out published

works on such issues as national identity in ensuring the security of Russian society, the implementation of state national policy in the regions, threats, challenges, and risks in the formation of a unified Russian civil nation, the role of national and cultural associations in the harmonization of interethnic relations, state language policy and the problem of forming a national identity, and ethnic and religious dialogue as a basis for cooperation in the field of interreligious and interethnic relations.

Keywords: state program, indigenous minority group, cultural policy, national policy, organizational support, legal support, Russian language, council, strategy, financial support, languages of peoples, and language policy.

Funding: Independent work.

Введение.

На эффективность национальной политики, несомненно, влияет уровень ее правового, финансового и организационного обеспечения. В ее правовом обеспечении значительное место отводится федеральным законам, стратегиям, другим нормативным правовым актам.

Результаты. Обсуждение.

В Стратегии, основанной на Конституции Российской Федерации, нормативных правовых актах, сформирована основа правового обеспечения национальной политики. В этом отношении ее значимость состоит в обозначении:

- цели, принципов, приоритетных направлений, задач, инструментов, механизмов;
- конкретных целевых показателей оценки результатов ее реализации [1].

Стратегия предусматривает дальнейшее развитие общероссийской гражданской идентичности и поддержку этнокультурных особенностей всех российских народов.

Национальная политика неразрывно связана с культурной политикой, поскольку предусматривает развитие культуры всех российских народов, сохранение объектов их культурного наследия федерального, регионального и местного значения, местной, региональной и федеральной национально-культурной автономии. Поэтому значительное место в правовом обеспечении принадлежит нормативным правовым актам в сфере культуры [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Следует отметить положительную роль федеральных законов о развитии русского языка, который позволяет приумножать и взаимообогащать духовную культуру, а также о сохранении и использовании языков всех российских народов [8; 9]. В этой связи, очевидной для нас является взаимосвязь, существующая между национальной и языковой политикой, так как её успешная реализация направлена на поддержку русского языка, других языков российских народов, государственных языков национальных республик [10].

В связи же с тем обстоятельством, что в ряде государств ограничивается использование русского языка, поэтому большое значение имеет

его продвижение в других странах. С этой целью для его поддержки планируется создавать кадровый резерв из преподавателей русского языка в мире, расширять программы стажировок для иностранцев, получения ими дополнительного профессионального образования в области русского языка, учреждение стипендий и премий для обучающихся в нашей стране иностранных студентов по этой специальности, а также выпускникам, которые получили диплом и преподают эти дисциплины в других странах.

Следует отметить, что в нашей стране насчитывается 155 языков российских народов. На многих из них в образовательных организациях проводятся программы обучения (76 языков), имеются электронные словари (70 языков), телевизионные каналы и радиоканалы (2,6 тыс. на 64 языках, печатные и электронные средства массовой информации (44 языка), выпускаются печатные издания (60 языков) [11].

Необходимо отметить значение нормативных правовых актов о *российских коренных малочисленных народах*. Их роль заключается в формировании правового обеспечения развития этих народов по основным направлениям [12; 13; 14; 15]. Особо следует подчеркнуть необходимость сохранения их родного языка, культуры, объектов историко-культурного наследия.

Среди инструментов, использование которых будет способствовать реализации этих целей необходимо, прежде всего, назвать государственные программы Российской Федерации, главным образом по реализации государственной национальной политики, поддержке и продвижению русского языка за рубежом, развитию культуры, в которых указаны цели, приоритеты, механизмы реализации программ [16; 17; 18].

Рассмотрим финансовое обеспечение двух государственных программ Российской Федерации в 2026–2028 годы [19]. Данные о финансировании отражены в таблицах 1, 2.

Необходимо также указать на наличие бюджетных ассигнований для исполнения публичных нормативных обязательств на сумму по 5 млн руб. на каждый год для выплаты Премии Президента за вклад в укрепление единства российской нации. 4343818,6 тыс. руб., 4507244,2 тыс. руб., 4024729,6 тыс. руб. предусмотрены для Федерального агентства по делам национальностей.

Таблица 1

**Государственная программа Российской Федерации
«Реализация государственной национальной политики», тыс. руб.**

	2026	2027	2028
Всего	4781105,7	4988632,4	4506229
Федеральный проект «Совершенствование государственно-общественного партнерства в сфере государственной национальной политики и в отношении российского казачества, а также реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации, в том числе поддержка экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»	3640779,1	3829758,3	3329128,8
Ведомственный проект «Мониторинг в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений»	60747,9	62277,3	62277,3
Комплекс мероприятий «Укрепление единства российской нации, формирование общероссийской гражданской идентичности и этнокультурное развитие народов России»	357672,3	358883,4	358883,4
Комплекс мероприятий «Обеспечение деятельности Федерального агентства по делам национальностей и подведомственных ему организаций»	721906,4	737713,4	755939,5

Таблица 2

**Государственная программа Российской Федерации
«Поддержка и продвижение русского языка за рубежом», тыс. руб.**

	2026	2027	2028
Всего	2043423,9	2289545,1	2270538
Федеральный проект «Формирование системы стимулирования интереса к изучению русского языка»	1213077,6	1350768,6	1336912,7
Ведомственный проект «Совершенствование инфраструктуры дополнительного образования в целях продвижения русского языка за рубежом»	219937,5	236345,2	227374,7
Комплекс мероприятий «Эффективная русская школа»	111714,6	112421,4	88012,8
Комплекс мероприятий «Развитие международного научно-образовательного сотрудничества в сфере русистики»	24434,1	24692,6	25098,9
Комплекс мероприятий «Расширение сферы применения русского языка в иностранных государствах и международных организациях»	388791,8	444690,4	472259,7
Комплекс мероприятий «Информационно-аналитическое и организационное обеспечение процесса продвижения русского языка за рубежом»	55443,2	90481,2	90481,2
Комплекс мероприятий «Продвижение русского языка в зарубежном информационном пространстве»	30025,1	30145,7	30398

В организационном обеспечении национальной политики используется много участников.

Среди основных участников необходимо назвать, прежде всего:

- федеральный орган исполнительной власти — агентство по делам национальностей;
- координационный орган — правительственную комиссию по вопросам реализации государственной национальной политики [20; 21].

При Президенте РФ работают советы, три из которых непосредственно связаны с целью и объектом нашего исследования:

- по межнациональным отношениям;
- по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации;

- культуре [22; 23; 24].

В реализации национальной политики также принимают активное участие некоммерческие объединения, национально-культурные автономии. Среди них следует отметить:

Общероссийскую общественно-государственную организацию «Ассамблея народов России»;

- Федеральное государственное бюджетное учреждение «Дом народов России»;

- Государственный Российский Дом народного творчества имени Д.В. Поленова [25; 26; 27].

В Российской академии наук работает Научный совет по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, который издает сборники статей по актуальным вопросам этнических и межнациональных отношений [28]. Эт-

нические и межнациональные отношения анализируются в Научном совете с позиции этнологии, истории, социологии, юриспруденции, философии.

В завершении *следует сказать, что не только на федеральном, но и на региональном уровнях реализуется национальная политика*. В регионах работают должностные лица, консультативно-совещательные органы при руководителях регионов, бюджетные учреждения в этой сфере.

В 2024 году на финансирование национальной политики в регионах было выделено 8 млрд 892 млн руб., из них из федерального бюджета – 602 млн руб., региональных бюджетов – 7,7 млрд руб., местных бюджетов – 25 млн руб., из внебюджетных источников – 34 млн руб. [11].

Заключение.

Реализация государственной национальной политики осуществляется на федеральном, региональный и муниципальном уровнях.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 года № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL : <https://ivo.garant.ru>
2. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 года № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». URL : <https://ivo.garant.ru>
3. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного» наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. URL : <https://ivo.garant.ru>
4. Федеральный закон от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Федеральный закон от 20 октября 2022 года № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
6. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL : <https://ivo.garant.ru>
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 года № 2501-р. (ред. от 6 сентября 2025 года) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL : <https://www.consultant.ru>
8. Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
9. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-I «О языках народов Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
10. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 года № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
11. Магомедов М. Своя модель согласия // Российская газета. 2025. 27 ноября.
12. Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
13. Федеральный закон от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
14. Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2025 года № 1161-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года». URL : <https://www.consultant.ru>
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL : <https://ivo.garant.ru>
17. О комплексной государственной программе Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». URL : <https://www.mid.ru>

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры». URL : <https://www.consultant.ru>
19. Федеральный закон от 28 ноября 2025 года № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». URL : <https://www.consultant.ru>
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2015 года № 368 «О Федеральном агентстве по делам национальностей». URL : <https://ivo.garant.ru>
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2025 года № 2125 «О Правительственной комиссии по вопросам реализации государственной национальной политики Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
22. Указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2012 года № 776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям». URL : <https://ivo.garant.ru>
23. Указ Президента Российской Федерации от 22 августа 2024 года № 716 (ред. от 31 января 2025 года) «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации». URL : <https://www.consultant.ru>
24. Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2025 года № 719 «О некоторых вопросах государственной политики в области культуры». URL : <https://ivo.garant.ru>
25. Указ Президента Российской Федерации от 13 ноября 2020 года № 701 (ред. от 30 мая 2025 года) «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России». URL : <https://www.consultant.ru>
26. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2019 года № 2819-р (ред. от 3 июля 2025 года) «О создании федерального государственного бюджетного учреждения «Дом народов России». URL : <https://www.consultant.ru>
27. Государственный Российский Дом народного творчества имени Д.В. Поленова //110 лет ГРДНТ. URL : <https://mail.ru>
28. Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. URL : <https://new.ras.ru/academy-new>

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 858 dated November 25, 2025, «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036». URL : <https://ivo.garant.ru>
2. Law of the Russian Federation № 3612-I dated October 9, 1992, «Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture». URL : <https://ivo.garant.ru>
3. Federal Law № 73-FZ of June 25, 2002 «On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
4. Federal Law № 74-FZ of June 17, 1996 «On National and Cultural Autonomy». URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Federal Law № 402-FZ of October 20, 2022 «On the Intangible Ethnocultural Heritage of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
6. Decree of the President of the Russian Federation № 808 dated December 24, 2014, «On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy». URL : <https://ivo.garant.ru>
7. Order of the Government of the Russian Federation № 2501-r dated September 11, 2024. (as amended on September 6, 2025) «On Approval of the State Cultural Policy Strategy for the Period up to 2030». URL : <https://www.consultant.ru>
8. Federal Law № 53-FZ of June 1, 2005 «On the State Language of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
9. The Law of the Russian Federation of October 25, 1991 № 1807-I «On the Languages of the Peoples of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
10. Decree of the President of the Russian Federation dated July 11, 2025 № 474 «On approval of the Fundamentals of the State Language Policy of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
11. Magomedov M. His own model of consent // Rossiyskaya Gazeta. 2025. November 27.
12. Federal Law № 82-FZ of April 30, 1999 «On Guarantees of the Rights of Indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
13. Federal Law № 104-FZ of July 20, 2000 «On the General Principles of Organizing Communities of Indigenous Small-numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
14. Federal Law № 49-FZ of May 7, 2001 «On Territories of Traditional Nature Use of indigenous Small-numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 8, 2025 № 1161-r «On the Concept of Sustainable Development of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation for the period up to 2036». URL : <https://www.consultant.ru>
16. Decree of the Government of the Russian Federation № 1532 dated December 29, 2016, «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Implementation of State National Policy». URL : <https://ivo.garant.ru>

17. On the Comprehensive State Program of the Russian Federation «Support and Promotion of the Russian Language Abroad». URL : <https://www.mid.ru>
18. Decree of the Government of the Russian Federation № 317 dated April 15, 2014, «On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Development of Culture'». URL : <https://www.consultant.ru>
19. Federal Law № 426-FZ dated November 28, 2025, «On the Federal Budget for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028». URL : <https://www.consultant.ru>
20. Decree of the Government of the Russian Federation of April 18, 2015 № 368 «On the Federal Agency for Nationalities». URL : <https://ivo.garant.ru>
21. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 25, 2025 № 2125 «On the Government Commission on the Implementation of the State National Policy of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
22. Decree of the President of the Russian Federation Of the Russian Federation dated June 5, 2012 № 776 «On the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations». URL : <https://ivo.garant.ru>
23. Decree of the President of the Russian Federation № 716 dated August 22, 2024 (as amended on January 31, 2025) «On the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Policy in the field of Russian Language Support and languages of the peoples of the Russian Federation». URL : <https://www.consultant.ru>
24. Decree of the President of the Russian Federation dated October 6, 2025 № 719 «On certain issues of State policy in the field of culture». URL : <https://ivo.garant.ru>
25. Decree of the President of the Russian Federation № 701 dated November 13, 2020 (as amended on May 30, 2025) «On the Establishment of the All-Russian Public and State Organization Assembly of the Peoples of Russia». URL : <https://www.consultant.ru>
26. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 27, 2019 № 2819-r (ed. On July 3, 2025) «On the Establishment of the Federal State Budgetary Institution House of the Peoples of Russia». URL : <https://www.consultant.ru>
27. The Polenov State Russian House of Folk Art // 110 years of the State Russian House of Folk Art. URL : <https://mail.ru>
28. The Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Issues of Ethnicity and Interethnic Relations. URL : <https://new.ras.ru/academy-new>

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Томазов Михаил Александрович

студент 4 курса факультета мировой политики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ksto@yandex.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
ORCID iD: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Mikhail A. Tomazov

4th-year Student of the Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University
ksto@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Томазов М.А.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-3>

УДК 32

Attribution

cc by

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Вакула И.М.¹, Томазов М.А.²¹Ростовский юридический институт МВД России,²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена трансформации энергетической дипломатии Саудовской Аравии в условиях глобального энергетического перехода. Рассматривается изменение инструментов внешнеполитического влияния Королевства после запуска стратегии «Видение – 2030», а также роль государственных энергетических институтов и компаний в реализации новой модели энергетического взаимодействия. Особое внимание уделено сочетанию традиционных механизмов нефтяной дипломатии с инвестиционными, технологическими и климатическими инструментами. Показано, что Саудовская Аравия не отказывается от использования нефтяного потенциала как основы международного влияния, но одновременно расширяет свое присутствие в нефтехимии, возобновляемой энергетике, водородных проектах и технологиях улавливания углерода. Обосновывается вывод о формировании гибридной модели энергетической дипломатии, в которой государственные энергетические компании выполняют функции дополнительных каналов международного взаимодействия.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, энергетическая дипломатия, энергетический переход, «Видение – 2030», Aramco, Saudi Aramco, энергетическая безопасность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SAUDI ARABIA'S ENERGY DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ENERGY TRANSITION

Ivan M. Vakula¹, Mikhail A. Tomazov²¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,²Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines the transformation of Saudi Arabia's energy diplomacy in the context of the global energy transition. It focuses on changes in the Kingdom's foreign-policy instruments after the launch of Vision 2030 and on the role of state energy institutions and companies in implementing a new model of energy interaction. Particular attention is paid to the combination of traditional oil diplomacy with investment, technological and climate-related instruments. The study shows that Saudi Arabia is not abandoning oil-based sources of international influence, but is simultaneously expanding its presence in petrochemicals, renewable energy, hydrogen projects and carbon capture technologies. The article argues that a hybrid model of energy diplomacy is emerging, in which state-owned energy companies operate as additional channels of international engagement.

Keywords: Saudi Arabia, energy diplomacy, energy transition, Vision 2030, Aramco, Saudi Aramco, energy security.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях глобального энергетического перехода Саудовская Аравия пересматривает традиционные инструменты энергетической дипломатии, которые длительное время были связаны прежде всего с экспортом углеводородов и регулированием мирового нефтяного рынка. В рам-

ках стратегии «Видение – 2030» Королевство стремится сохранить позиции одного из ведущих производителей нефти и одновременно расширить свое присутствие в инвестиционной, технологической и низкоуглеродной сферах. На этом фоне государственные энергетические компании все чаще участвуют в международных проектах, которые имеют значение не только для экономи-

ки, но и для внешнеполитического позиционирования страны.

Обсуждение. Результаты.

В современной политической науке отсутствует единый подход к определению сущности понятия «энергетическая дипломатия», что связано с многоаспектностью данного понятия. В научной литературе она рассматривается как направление внешнеполитической деятельности государства, связанное с обеспечением энергетической безопасности и продвижением интересов национального энергетического сектора, а также как инструмент политического влияния государств-экспортеров энергоресурсов на страны-импортеры посредством экономических механизмов. И в данном контексте, энергетическая дипломатия находится на пересечении внешней политики, энергетической безопасности и международного экономического взаимодействия. В рамках настоящего исследования под энергетической дипломатией целесообразно понимать совокупность внешнеполитических и внешнеэкономических инструментов государства, посредством которых обеспечиваются его энергетические интересы, формируются международные связи в энергетической сфере и осуществляется воздействие на участников мирового энергетического рынка [1; 2; 17].

Энергетическая дипломатия стала одним из механизмов укрепления международных позиций государств, формирования политических партнерств и продвижения национальных интересов. Как показывают исследования, энергетика исторически выступала фактором формирования межгосударственных связей, а технологические и экономические изменения XX–XXI веков способствовали превращению энергетической дипломатии в инструмент перераспределения влияния на мировой арене [3].

При этом энергетическую дипломатию необходимо отличать от экономической дипломатии. Их взаимосвязь обусловлена общностью внешнеэкономической сферы, однако содержание данных категорий различается. В исследуемом подходе экономическая дипломатия охватывает более широкий комплекс внешнеполитических действий государства, тогда как энергетическая дипломатия концентрируется на использовании энергетического потенциала, прежде всего нефти и газа, в целях обеспечения национальных интересов и политического влияния. Для государств, располагающих значительными энергетическими ресурсами, такое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку энергетический сектор становится самостоятельным направлением внешней политики, тесно связанным с экономическими и геополитическими интересами.

Особое значение для понимания энергетической дипломатии имеет реалистический подход к международным отношениям. В рамках политического реализма государства рассматриваются

как основные субъекты международной системы, действующие в условиях отсутствия единой верховной власти и стремящиеся сохранять и расширять собственные возможности. С этой точки зрения энергетические ресурсы могут выступать как важный материальный источник государственной мощи. Географическое положение, природно-ресурсный потенциал и промышленная база относятся к факторам, способным оказывать непосредственное воздействие на положение государства в международной системе. Поэтому контроль над доступом к энергетическим ресурсам, их добычей, транспортировкой и поставками может рассматриваться как один из инструментов обеспечения национальных интересов. С позиций реалистического подхода государства стремятся контролировать ограниченные материальные ресурсы, а сами энергетические ресурсы одновременно выступают целью международного соперничества и инструментом расширения государственной мощи [4].

Применительно к энергетической сфере, данный подход позволяет выделить особое положение государств-производителей и государств-потребителей энергоресурсов. Конкуренция между импортерами создает для государств-экспортеров дополнительное пространство для внешнеполитического маневра, поскольку наличие значительного энергетического потенциала позволяет укреплять переговорные позиции и формировать устойчивые связи с ключевыми потребителями. В результате энергетическая дипломатия становится механизмом согласования экономических интересов с более широкими внешнеполитическими задачами государства. Для стран-экспортеров углеводородов это особенно важно, поскольку устойчивость экспортных потоков, доступ к рынкам сбыта и контроль над инфраструктурой могут непосредственно влиять на экономическую и политическую устойчивость государства.

Именно данный тезис имеет особое значение для анализа Саудовской Аравии. Энергетический сектор Королевства на протяжении длительного времени являлся не только основой экономического развития, но и важным элементом государственного управления и внешней политики. Поэтому изменение международной энергетической среды не может рассматриваться исключительно как экономический процесс. Для Саудовской Аравии оно связано с необходимостью адаптации инструментов государственной политики к новым условиям мирового энергетического рынка, на содержание которой серьезное влияние оказывает глобальный энергетический переход, представляющий собой долгосрочный процесс трансформации, сопровождающийся глубокими техническими и экономическими изменениями в сфере производства, снабжения и потребления энергии, направленными на снижение негативного воздействия энергетической отрасли на окружающую среду. Среди основных элементов данного процесса выделяются увеличение роли возобновляемых и

ядерных источников энергии, повышение энергоэффективности, развитие управления спросом и электрификация отдельных процессов, традиционно связанных с использованием ископаемого топлива [5; 20; 21].

Для международных отношений значение энергетического перехода заключается не только в изменении структуры энергобаланса. Он постепенно трансформирует содержание энергетической дипломатии и расширяет перечень инструментов международного взаимодействия. Если традиционная энергетическая дипломатия в значительной степени была сосредоточена на обеспечении поставок углеводородов, регулировании цен и поддержании доступа к рынкам, то современная энергетическая повестка включает технологическое сотрудничество, развитие новых энергетических отраслей, инвестиции в инфраструктуру и участие в международных проектах. В результате меняется не только содержание энергетической политики, но и круг субъектов, вовлеченных в ее реализацию.

Существенную роль при этом играет дипломатия как механизм формирования устойчивых правил взаимодействия между государствами. Как показывают исследования, современная дипломатия способствует реструктурированию внешней среды посредством развития политического диалога и сотрудничества в специализированных областях, в том числе энергетике. Расширение энергетического диалога приводит к вовлечению все большего числа специализированных участников и создает условия для формирования глобальных и региональных энергетических механизмов. Следовательно, современная энергетическая дипломатия выходит за рамки исключительно межгосударственных переговоров и постепенно приобретает многоуровневый характер [6].

В энергетической сфере инструменты внешней политики государства связаны, прежде всего, с двумя взаимосвязанными группами задач. Первая относится к обеспечению энергетической безопасности, то есть к гарантированному доступу к критически важным энергетическим ресурсам и устойчивости их поставок. Вторая связана с использованием энергетического потенциала в политических целях, которые могут выходить за рамки непосредственных экономических интересов. Традиционно особое место в этой системе занимают нефть и газ, поскольку их доступность оказывает существенное влияние на транспорт, промышленность, электроэнергетику и другие сферы экономики. При этом свойства различных энергоресурсов определяют специфику дипломатических инструментов. Нефтяной рынок характеризуется высокой степенью глобальной интеграции и относительно гибкими способами транспортировки, тогда как газовые поставки в большей степени зависят от региональной структуры рынка и инфраструктурных ограничений [7].

Для Саудовской Аравии это означает необходимость одновременно сохранять традиционные механизмы энергетического влияния и формировать новые. Как показывают исследования, инструментарий государств-экспортеров, и прежде всего Саудовской Аравии, в условиях глобальной геополитической перестройки претерпевает качественную трансформацию. Традиционной задачей саудовской энергетической политики остается обеспечение достаточного уровня предложения нефти на международном рынке при недопущении резких колебаний цен и сохранении баланса интересов производителей и потребителей. Достижение данной цели связывается с развитием политических и экономических отношений как со странами-производителями, так и со странами-потребителями нефти, в том числе посредством официальных визитов, торговли, инвестиций, обмена информацией и координации политики. Особое значение при этом отводится ОПЕК [8].

Следовательно, глобальный энергетический переход не отменяет традиционную нефтяную составляющую энергетической дипломатии Саудовской Аравии, а создает дополнительные направления ее развития. Сохранение контроля над нефтяными ресурсами и участие в регулировании мирового рынка дополняются поиском новых механизмов долгосрочного международного взаимодействия. В этом контексте важное значение приобретает переход от преимущественно ресурсной модели энергетической дипломатии к более комплексной модели, сочетающей экспорт энергоресурсов с инвестиционным, технологическим и институциональным сотрудничеством.

Изменение энергетической среды, в свою очередь, влияет не только на содержание дипломатии, но и на состав ее участников. В традиционной модели государства их профильные органы выступали основными субъектами энергетического взаимодействия. Однако расширение международной деятельности национальных энергетических компаний приводит к росту значения корпоративных акторов. Именно эта тенденция имеет принципиальное значение для последующего анализа Саудовской Аравии.

Исторически развитие энергетического сектора Королевства было тесно связано с деятельностью национальных нефтяных структур. Как показывают исследования, обнаружение нефти в Саудовской Аравии и начало промышленного освоения месторождений сформировали основу последующего нефтяного развития страны. Созданная на первоначальном этапе при участии американского капитала, Aramco постепенно перешла под контроль саудовского государства: в 1980 году королевство выкупило значительный пакет акций компании, а в 1988 году она была преобразована в Saudi Aramco. В современной структуре энергетического сектора страны Saudi Aramco занимает центральное положение и взаимодействует с другими крупными националь-

ными компаниями, включая SABIC и ACWA Power [9].

Специфика национальных нефтяных компаний заключается в тесной связи их коммерческой деятельности с интересами государства. Как отмечается в исследовании, традиционная функция национальных нефтяных компаний состоит в обеспечении доступа стратегических инвесторов и партнеров к углеводородным ресурсам, а также в управлении соответствующими цепочками поставок. При этом взаимодействие с международными нефтяными компаниями происходит не только посредством поставок ресурсов, но и через обмен технологическими знаниями, инженерным опытом и компетенциями управления проектами [10].

На примере Saudi Aramco эта взаимосвязь проявляется особенно отчетливо. Компания выполняет не только функции добычи и распределения нефтяных ресурсов, но и участвует в диверсификации энергетической и промышленной базы Саудовской Аравии. Существенное место в этой структуре занимает нефтехимическое направление, представленное SABIC.

Таким образом, международная деятельность саудовских энергетических компаний позволяет Королевству одновременно обеспечивать экспорт сырой нефти, расширять переработку и создавать присутствие на зарубежных рынках [11; 12].

Существенное значение имеют зарубежные инвестиционные проекты. Анализ международной деятельности компаний показывает, что участие саудовских энергетических и нефтехимических компаний в производственных проектах за рубежом позволяет решать одновременно несколько задач. С одной стороны, долгосрочные проекты создают устойчивый спрос на саудовскую нефть и тем самым способствуют формированию гарантированных рынков сбыта. С другой стороны, участие в зарубежной инфраструктуре обеспечивает прямой доступ к локальным рынкам и способствует укреплению экономических связей между Саудовской Аравией и странами-партнерами.

Такая модель деятельности позволяет рассматривать международные энергетические компании как элементы более широкой системы государственного внешнеэкономического и внешнеполитического взаимодействия. В этой связи понятие бизнес-дипломатии приобретает особое значение. В рамках институционального подхода бизнес-дипломатия определяется как комплекс действий по управлению отношениями с различными заинтересованными сторонами и продвижению интересов организации. Ее развитие связано с возрастающей международной активностью транснациональных компаний и необходимостью их взаимодействия с государственными органами и другими участниками международных процессов [13].

Для Саудовской Аравии развитие подобной модели особенно важно в условиях глобального энергетического перехода. Национальные энергетические компании получают возможность действовать одновременно как коммерческие структуры и как проводники государственной стратегии. Международные инвестиции, участие в энергетической инфраструктуре зарубежных государств, долгосрочные контракты и технологические партнерства создают систему взаимозависимостей, которая выходит за рамки обычных торговых отношений. Тем самым корпоративная деятельность становится дополнительным каналом реализации внешнеполитических интересов.

Особенно показателен в этом отношении международный нефтеперерабатывающий и нефтехимический сегмент Saudi Aramco. Практика расширения присутствия компании на азиатских рынках, в том числе посредством участия в нефтеперерабатывающих проектах. Такая деятельность позволяет закреплять долгосрочный спрос на саудовскую нефть, одновременно обеспечивая компании доступ к локальным рынкам. Тем самым экономический проект приобретает более широкое значение: устойчивые коммерческие связи формируют долгосрочную взаимозависимость между энергетическими компаниями и государствами-партнерами.

Следовательно, трансформация роли государственных энергетических компаний является не второстепенным следствием энергетического перехода, а одним из его важнейших институциональных последствий для Саудовской Аравии. Государственные корпорации постепенно выходят за рамки исполнения технических и коммерческих функций и становятся самостоятельными участниками международной деятельности. Этот процесс характеризуется как глубокая трансформация, в результате которой государственные энергетические корпорации переходят от роли технических исполнителей к роли самостоятельных акторов международного взаимодействия.

Стратегия «Видение – 2030» стала ключевой точкой преобразования экономической и энергетической политики Саудовской Аравии. Она представляет собой широкомасштабная программа экономических реформ, направленная на снижение зависимости Королевства от доходов, получаемых от экспорта нефти. При этом документ объединяет стратегические цели, ориентированные на достижение конкретных результатов, целевые показатели и систему обязательств, которые должны реализовываться государственным и частным секторами. Официально «Видение – 2030» было представлено 25 апреля 2016 г., а его разработка осуществлялась при непосредственном участии Мухаммеда бин Салмана, возглавлявшего Совет по экономике и развитию. В июне 2016 г. был утвержден первый этап реализации программы – «Национальная программа трансформации – 2020» [14; 15; 16].

Необходимость проведения реформ была обусловлена структурной зависимостью экономики Королевства от нефтяного сектора. Как отмечается в исследовании, в 2020 г. нефтяные доходы составляли 42 % ВВП Саудовской Аравии, 90% экспортных доходов и 87 % доходов бюджета. Таким образом, устойчивость социально-экономической модели страны оставалась тесно связанной с конъюнктурой мирового нефтяного рынка. Запуск «Видения – 2030» был связан, в частности, с необходимостью адаптации к снижению нефтяных цен и демографическим вызовам [16].

Вместе с тем, содержание «Видения – 2030» нельзя сводить к простой программе отказа от нефти. Напротив, стратегическая логика Королевства предполагает изменение самого способа использования энергетического потенциала. Программа предусматривает расширение участия частного сектора, развитие государственно-частного партнерства, совершенствование корпоративного управления и постепенную трансформацию отдельных государственных активов. Тем самым, экономическая диверсификация должна осуществляться не посредством отказа от энергетического сектора, а через его включение в более широкую модель экономического развития [15; 17].

С этой точки зрения, трансформация энергетической дипломатии Саудовской Аравии имеет не оборонительный, а стратегический характер. Задача Королевства состоит не просто в минимизации последствий возможного сокращения спроса на углеводороды, а в сохранении за собой положения одного из ключевых мировых энергетических центров. В рамках «Видения – 2030» в число перспективных направлений включаются водородная энергетика, солнечная и ветровая энергетика, атомная энергетика, а также технологии улавливания и хранения углерода. Таким образом, энергетическая дипломатия должна обеспечивать продвижение Саудовской Аравии уже не только как поставщика нефти, но и как потенциального соинвестора, технологического партнера и участника формирования энергетики нового поколения [18].

Такое изменение внешнеэкономической модели непосредственно связано с представлением о переходе Саудовской Аравии к «экономике инвестиций». В этом отношении энергетическая дипломатия получает дополнительное измерение: инвестиционная активность становится не только экономическим инструментом, но и каналом укрепления долгосрочных международных связей. Международные проекты позволяют Королевству одновременно привлекать технологии и капитал, расширять рынки сбыта и закрепляться в стратегически значимых секторах стран-партнеров.

В результате, современная энергетическая дипломатия Саудовской Аравии представляет собой гибридную модель, в которой традиционные

механизмы нефтяного влияния сосуществуют с новыми инвестиционными и технологическими инструментами. Важнейшим результатом этой трансформации становится изменение самого характера международного присутствия Королевства: от преимущественно поставщика энергоресурсов Саудовская Аравия постепенно превращается в инвестора, технологического партнера и участника формирования новых энергетических рынков. Именно это позволяет ей не только адаптироваться к глобальному энергетическому переходу, но и использовать его как возможность для сохранения и расширения международного влияния.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что глобальный энергетический переход не привел к снижению значения энергетической дипломатии Саудовской Аравии, а, напротив, стал фактором ее содержательной и институциональной трансформации. Изменение мировой энергетической системы, усиление климатической повестки и развитие низкоуглеродных технологий поставили перед Королевством задачу адаптации традиционной модели энергетического влияния к новым условиям. При этом стратегическая цель Эр-Рияда заключается не в отказе от энергетического лидерства, а в сохранении и расширении своих позиций в мировой энергетике.

Исследование показало, что стратегия «Видение – 2030» стала центральным механизмом данной трансформации. Ее содержание не сводится к снижению зависимости экономики от нефтяных доходов: Королевство одновременно стремится сохранить конкурентоспособность нефтяного сектора, увеличить степень переработки углеводородов и создать новые источники экономического и энергетического влияния. В результате традиционная нефтяная дипломатия дополняется инвестиционным, технологическим и климатическим направлениями. Такое сочетание позволяет Саудовской Аравии использовать существующие преимущества нефтегазового сектора для финансирования и продвижения новых энергетических отраслей.

Существенные изменения произошли и в институциональной архитектуре энергетической дипломатии. Ее реализация стала распределяться между несколькими взаимосвязанными структурами, объединяющими государственное регулирование, инвестиционную деятельность и корпоративное присутствие. Министерство энергетики сосредоточено на формировании энергетической политики и международной повестки, PIF выступает важнейшим инструментом инвестиционной экспансии, а национальные энергетические компании обеспечивают практическое присутствие Королевства на зарубежных рынках.

Таким образом, энергетическая дипломатия приобретает более сложный характер и уже не может рассматриваться исключительно как дея-

тельность классической дипломатической службы. В курсовой работе данный процесс характеризуется как глубокая реструктуризация госу-

дарственной системы управления энергетическим сектором.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Энергетическая дипломатия во времена энергетического перехода / А.Д. Мовламова [и др.] // Молодой ученый. 2023. № 41(488). С. 113–115. EDN: PQEVED
2. Лыков С.А. Политические особенности энергетической дипломатии // Русская политология. 2023. № 4 (29). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-osobennosti-energeticheskoy-diplomatii> (дата обращения 25.08.2026). EDN: ORHNOY
3. Историческая роль энергетической дипломатии в формировании современных геополитических границ // Эссе Эргана: [электронный журнал]. URL : <https://essyergana.ru/istoricheskaya-role-energeticheskoy-diplomatii-v-formirovani-ovremennyyh-geopoliticheskikh-granits> (дата обращения 25.08.2026).
4. Хлопов О.А. Анализ подходов к изучению энергетической безопасности в политическом реализме // Вестник Московского университета. Серия: 12. Политические науки. 2016. № 5. С. 7–20. EDN: YINLHB
5. Антошкин Р.В. Дискурс энергетического перехода и его влияние на глобальную энергетическую политику // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6(119). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-energeticheskogo-perehoda-i-ego-vliyanie-na-globalnuyu-energeticheskuyu-politiku> (дата обращения 25.08.2026). DOI: 10.24158/pep.2023.6.8 EDN: JZMYKB
6. Григорьева О.В. Роль дипломатии государства в мировом энергетическом пространстве: современные теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-diplomatii-gosudarstva-v-mirovom-energeticheskom-prostranstve-sovremennye-teoreticheskie-podhody> (дата обращения 25.08.2026). EDN: UABGNT
7. Голунов С.В. Энергетические рычаги внешней политики // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1 (64). С. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3 EDN: CESVFR
8. Ахмед Мохамед Абду Хасан. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskii-dialog-rossiyskoy-federatsii-i-korolevstva-saudovskaya-araviya> (дата обращения: 25.08.2026).
9. Останин-Головня В.Д. Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе / В.Д. Останин-Головня, В.И. Афанасьев // Геоэкономика энергетики. 2024. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskii-faktor-v-razviti-vneshney-politiki-saudovskoy-aravii-na-sovremennom-etape> (дата обращения 25.08.2026). DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_38 EDN: CTMVJL
10. Иову Т.Т. Бизнес-модель национальных нефтяных компаний (ННК) // Экономические науки. 2019. № 171. С. 58–65. DOI: 10.14451/1.171.58 EDN: DMYXMG
11. Гахокидзе И.З. Нефтехимия в стратегиях развития Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/neftehimiya-v-strategiyah-razvitiya-saudovskoy-aravii-i-obedinennyh-arabskikh-emirats> (дата обращения 25.08.2026). DOI: 10.20542/afij-2025-3-50-63 EDN: QYSRDY
12. Сабитов М.А. Инновации в нефтехимии – перспективы цифрового производства / М.А. Сабитов, О.Н. Волобуева // Инновации в науке и практике: Сборник трудов по материалам Всерос. конкурса науч.-исслед. работ. Уфа : НИЦ «Вестник науки», 2020. С. 15–22. EDN: XFKDFP
13. Иванова В.И. Влияние бизнес-дипломатии на процессы внешнеэкономической деятельности транснациональных корпораций / В.И. Иванова, И.С. Преснова // Вестник ГУУ. 2024. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-biznes-diplomatii-na-protsessy-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-transnatsionalnyh-korporatsiy> (дата обращения 25.08.2026). DOI: 10.26425/1816-4277-2024-2-5-15 EDN: LZTROJ
14. Рогожин А.А. ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ikt-kak-napravlenie-diversifikatsii-ekonomiki-saudovskoy-aravii> (дата обращения 25.08.2026). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8 EDN: FDGPGB
15. Бутина А.А. Политика диверсификации экономики Саудовской Аравии в 2014–2019 гг.: выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки 41.03.05 «Международные отношения». 2020. 65 с.

16. Альгамди А.Н. Особенности государственной программы «Видение 2030» в Саудовской Аравии / А.Н. Альгамди, Х.А.А. Альгамди, Х.М.А. Альгзввани // Форум молодых ученых. 2022. № 5(69). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gosudarstvennoy-programmy-videnie-2030-v-saudovskoy-aravii> (дата обращения 25.08.2026). EDN: POFKLG
17. National Industrial Development and Logistics Program: Delivery Plan 2021–2025. Riyadh : NIDLP, 2021. 142 p. URL : <https://www.vision2030.gov.sa/en/explore/programs/national-industrial-development-and-logistics-program> (date of application 25.08.2026).
18. Косач Г. «Видение: 2030». Саудовские реформы // Россия и мусульманский мир. 2017. № 6(300). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/videnie-2030-saudovskie-reformy> (дата обращения: 25.08.2026). EDN: YTFEMP
19. Короткевич А.А. Энергетическая дипломатия в системе международных отношений // Электронная библиотека БГУ. URL : <http://e-lib.bsuf.by/handle/edoc/18200> (дата обращения 25.08.2026).
20. International Energy Agency. World Energy Outlook. URL : <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook> (date of application 25.08.2026).
21. International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook. URL : <https://www.irena.org/Publications> (date of application 25.08.2026).

References:

1. Energy diplomacy in the era of the energy transition / A.D. Movlamova [et al.] // Young Scientist. 2023. № 41 (488). P. 113–115. EDN: PQEVED
2. Lykov S.A. Political features of energy diplomacy // Russian Political Science. 2023. № 4(29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/political-features-of-energy-diplomacy> (date of application 25.08.2026). EDN: ORHNOY
3. The historical role of energy diplomacy in shaping modern geopolitical boundaries // Essay Ergan: [electronic journal]. URL : <https://essyergana.ru/istoricheskaya-role-energeticheskoy-diplomatii-v-formirovanii-sovremennyyh-geopoliticheskikh-granits> (date of application 25.08.2026).
4. Khlopov O.A. Analysis of approaches to the study of energy security in political realism // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series: 12. Political Sciences. 2016. № 5. P. 7–20. EDN: YINLHB
5. Antoshkin R.V. The discourse of the energy transition and its impact on global energy policy // Society: Politics, Economics, Law. 2023. № 6(119). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-energeticheskogo-perehoda-i-ego-vliyanie-na-globalnuyu-energeticheskuyu-politiku> (date of application 25.08.2026). DOI: 10.24158/pep.2023.6.8 EDN: JZMYKB
6. Grigorieva O.V. The role of state diplomacy in the global energy space: modern theoretical approaches // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-diplomatii-gosudarstva-v-mirovom-energeticheskom-prostranstve-sovremennye-teoreticheskie-podhody> (date of application 25.08.2026). EDN: UABGNT
7. Golunov S.V. Energy levers of foreign policy // International Trends. 2021. Vol. 19. № 1(64). P. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3 EDN: CESVFR
8. Ahmed Mohamed Abdu Hasan. Energy Dialogue between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia // RUDN Journal. Series: International Relations. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskii-dialog-rossiyskoy-federatsii-i-korolevstva-saudovskaya-araviya> (date of application 25.08.2026).
9. Ostanin-Golovnya V.D. The energy factor in the development of Saudi Arabia's foreign policy at the present stage / V.D. Ostanin-Golovnya, V.I. Afanasyev // Geo-Economics of Energy. 2024. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskii-faktor-v-razviti-vneshney-politiki-saudovskoy-aravii-na-sovremennom-etape> (date of application 25.08.2026). DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_38 EDN: CTMVJL
10. Iovu T.T. Business Model of National Oil Companies (NOCs) // Economic Sciences. 2019. № 171. P. 58–65. DOI: 10.14451/1.171.58 EDN: DMYXMG
11. Gakhokidze I.Z. Petrochemicals in the development strategies of Saudi Arabia and the United Arab Emirates // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2025. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nef-tekhimiya-v-strategiyah-razvitiya-saudovskoy-aravii-i-obedinennyh-arabskikh-emirats> (date of application 25.08.2026). DOI: 10.20542/afij-2025-3-50-63 EDN: QYSRDY
12. Sabitov M.A. Innovations in petrochemicals – prospects for digital production / M.A. Sabitov, O.N. Volobueva // Innovations in science and practice: Collection of works based on materials from the All-Russian competition of scientific research. Ufa : SIC «Bulletin of Science», 2020. P. 15–22. EDN: XFKDFP
13. Ivanova V.I. The influence of business diplomacy on the processes of foreign economic activity of multinational corporations / V.I. Ivanova, I.S. Presnova // Bulletin of the State University of Economics. 2024. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-biznes-diplomatii-na-protsessy-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-transnatsionalnykh-korporatsiy> (date of application 08/25/2026). DOI: 10.26425/1816-4277-2024-2-5-15 EDN: LZTROJ
14. Rogozhin A.A. ICT as a Direction for Diversifying the Economy of Saudi Arabia // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ikt-kak-napravlenie-diversifikatsii-ekonomiki-saudovskoy-aravii> (date of application 25.08.2026). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8 EDN: FDGPGB
15. Butina A.A. The Policy of Economic Diversification in Saudi Arabia in 2014–2019: a bachelor's thesis in the field of study 41.03.05 «International Relations». 2020. 65 p.

16. Alhamdi A.N. Features of the state program «Vision 2030» in Saudi Arabia / A.N. Alhamdi, H.A.A. Alhamdi, H.M.A. Alghwani // Forum of Young Scientists. 2022. № 5(69). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/oso-bennosti-gosudarstvennoy-programmy-videnie-2030-v-saudovskoy-aravii> (date of application 08/25/2026). EDN: POFKLG
17. National Industrial Development and Logistics Program: Delivery Plan 2021–2025. Riyadh : NIDLP, 2021. 142 p. URL : <https://www.vision2030.gov.sa/en/explore/programs/national-industrial-development-and-logistics-program> (date of application 25.08.2026).
18. Kosach G. «Vision: 2030». Saudi Reforms // Russia and the Muslim World. 2017. № 6(300). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/videnie-2030-saudovskie-reformy> (date of application 25.08.2026). EDN: YTFEMP
19. Korotkevich A.A. Energy Diplomacy in the System of International Relations // Electronic Library of Belarusian State University. URL : <http://e-lib.bsuf.by/handle/edoc/18200> (date of application: 25.08.2026).
20. International Energy Agency. World Energy Outlook. URL : <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook> (date of application 25.08.2026).
21. International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook. URL : <https://www.irena.org/Publications> (date of application 25.08.2026).

Информация об авторах

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических наук,
Ростовский юридический институт МВД России
ORCID iD: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID iD: 0000-0002-5292-6978
imvakula@mail.ru

Томазов Михаил Александрович

студент 4 курса факультета мировой политики,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
ksto@yandex.ru

Mikhail A. Tomazov

4th year Student of the Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University
ksto@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-13>

УДК 32

Attribution

cc by

КОРРУПЦИЯ И РУСОФОБИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИДЕОЛОГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА В ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ С СОВРЕМЕННОЙ РОССИЕЙ

Попов М.Ю.¹, Лубский Р.А.², Бандурин В.А.³, Северин И.В.⁴, Бандурина М.В.⁵

¹Издательство ООО «Наука и образование»,

²Ростовский филиал Российской таможенной академии,

³Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт им. А.К. Кортунова,
филиал ФБГОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»,

⁴Краснодарский университет МВД России,

⁵Воронежский институт МВД России

Аннотация. Актуальность темы настоящего исследования его авторами объясняется перманентным исторически сложившимся цивилизационным противостоянием России и коллективного Запада, которое периодически обостряется в знаковые периоды мировой истории, что наблюдается и в настоящее время. В результате проведенного анализа его реперных точек, авторами было определено, что в этом противостоянии, особенно в период времени, прошедший после окончания Второй мировой войны и по настоящее время, одним из наиболее действенных его инструментов является коррупция и русофобия как одни из определяющих источников влияния на ход социально-экономического, политического и духовно-нравственного состояния в обществах, противостоящих усилиям коллективного Запада в их гегемонистской стратегии мирового господства. Исходя из вышеизложенного, авторами данного исследования сделан вывод о том, что пока мировым сообществом не будет установлен мировой порядок, основанный на беспрекословном соблюдении норм международного права, коррупция и русофобия будут являться перманентными источниками внешних угроз национальной безопасности, правовому и социальному порядку для нашей страны, стремящейся к отстаиванию своего суверенитета от внешних источников деструктивного воздействия. И как нам представляется, этот источник рисков сохранится до тех, пока будет коллективный Запад с его моралью и идеологией будет существовать на нашей планете.

Ключевые слова: цивилизация, коллективный Запад, коррупция, мировой порядок, международное право, национальная безопасность, русофобия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CORRUPTION AND RUSSOPHOBIA AS A TOOL OF THE IDEOLOGY OF THE COLLECTIVE WEST IN THE CIVILIZATIONAL CONFRONTATION WITH MODERN RUSSIA

Mikhail Yu. Popov¹, Roman A. Lubsky²,
Vitaly A. Bandurin³, Igor V. Severin⁴, Maria V. Bandurina⁵

¹Publishing House «Science and Education» LLC,

²Rostov branch of the Russian Customs Academy,

³Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute
named After A.K. Kortunov, branch of the Don State Agrarian University,

⁴Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

⁵Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The relevance of the topic of this study, as explained by its authors, is due to the enduring, historically established civilizational confrontation between Russia and the collective West, which periodically escalates during significant periods of world history and is still evident today. As a result of the analysis of its key reference points, the authors determined that in this confrontation – particularly in the period from the end of World War II to the present day – one of its most effective

tools is corruption, as one of the key sources of its influence on the socio economic, political, and spiritual moral state of societies that oppose the efforts of the collective West in its hegemonic strategy of world domination. Based on the above, the authors of this study conclude that until the global community establishes a world order based on unconditional adherence to the norms of international law, corruption will remain a permanent source of external threats to national security, as well as to the legal and social order in countries seeking to defend their sovereignty against external sources of destructive influence, and Russophobia will persist in its ideology of civilizational confrontation with Russia as long as this structure continues to exist on our planet.

Keywords: civilization, collective West, corruption, world order, international law, national security, Russophobia.

Funding: Independent work.

Введение.

Тему, вынесенную в заголовок нашей публикации, вряд ли можно отнести к разряду инновационных, но это обстоятельство никак не умаляет её актуальности, потому что события, происходящие в нашей стране в течение ряда лет, в том числе и под влиянием Специальной военной операции (СВО), обостряют внимание широкого круга представителей науки, политиков, СМИ и общественных движений не только к теме коррупции непосредственно как асоциальному явлению, но и к тому, насколько существенный ущерб она наносит экономике нашей страны, её национальной безопасности, морально-психологическому климату в российском обществе. И в этом же идеологическом и информационном пространстве устойчивые позиции на протяжении веков занимает русофобия в качестве фундаментальной основы его цивилизационного противостояния с Россией

Ни в коей мере не опровергая точку зрения многолетних исследователей относительно того, коррупция в нашей стране имеет продолжительную историю, укоренившуюся в повседневных практиках взаимоотношений между представителями низших и высших по статусу социальных групп российского общества [1; 2; 3; 4], а также её трансформацию в петровскую эпоху под влиянием протестантской религиозной морали [5], мы, в то же время, если касаться дискуссии о современной природе коррупции, склонны согласиться с мнением той части представителей отечественного научного сообщества, которая в своих исследованиях, посвященных теме её искоренения в современном российском социуме, хотя и уделяют внимание традиционным проявлениям коррупционных практик на быденном уровне, все же не склонны отдавать им приоритетные позиции, а связывают системный характер проявления коррупции в России с теми процессами, которые имели место в её новейшей истории [4; 6; 7; 8; 9] под влиянием многочисленных факторов, имеющих не только отечественную природу, но и тех из них, что связаны с внешними источниками влияния на неё.

Как нам удалось выяснить из ряда источников, одним из эффективных инструментов во внешней политике Запада, активно стимулирующих коррупционное давление на нашу страну, явля-

ется русофобия, дополняющая в массовом сознании обывателей о России как об отсталой, деградирующей и агрессивной цивилизации [10–18].

Исходя из выше изложенного, в представленном для массовой аудитории исследовании нами эти две темы объединены как объективные составляющие единого комплекса идеологического цивилизационного противостояния Запада в отношении к нашей стране.

Обсуждение. Результаты.

Исходя из вышесказанного, в данном исследовании мы акцентируем своё внимание именно на тех факторах, которые в новейшей истории нашей страны оказали настолько заметное влияние на распространение в ней коррупционных практик, что они приняли системный характер, став неотъемлемой составляющей криминальной жизни постсоветской России.

Будучи абсолютно уверенными в том, что природа коррупции в современной России вызвана внешними и внутренними факторами, каждый из которых оказал определяющее влияние на её масштабный характер, мы, в то же время, в настоящем исследовании акцентируем свое внимание на анализе генезиса этого явления в послевоенный период истории современной цивилизации, когда после завершения Второй мировой войны на нашей планете оформилась и получила правовое закрепление в международном праве двухполярная модель мирового порядка, противостояние в которой между капиталистической и социалистической моделями общественного развития носило крайне агрессивный характер из-за стремления лидеров каждой из них подчинить своему влиянию все мировое пространство.

В данном контексте:

а) политическое руководство СССР в послевоенные годы не оставляло без внимания ленинскую концепцию перерастания социалистической революции в России в мировую пролетарскую революцию. К тому же, общепризнанный в первые послевоенные годы решающий вклад СССР в разгром германского фашизма стал одним из факторов, оказавшим большое влияние на рост

популярности коммунистических идей в европейских странах, во многих из которых коммунистические партии стали реально претендовать на лидирующие позиции в органах государственной власти;

б) лидеры же капиталистического лагеря и, в первую очередь, руководство Великобритании и США, вынуждены были не только противостоять распространению коммунистической идеологии на планете, но и, в первую очередь, сконцентрировать свое внимание на разработке стратегии борьбы с Советским Союзом как источником реальных угроз их существованию.

Результатом же столкновения этих систем стало не только идеологическое противостояние между ними, потому что оно в условиях так называемой холодной войны, сопровождалось гонкой вооружений, грозящей перерасти в третью мировую войну с использованием ядерного оружия, обладателями которого первоначально и были США и СССР.

Если же проанализировать инструменты, к которым в своем противостоянии прибегали лидеры этих систем, то ими использовались следующие технологии:

СССР параллельно с пропагандой преимуществ коммунистической системы над капиталистической, нередко, помимо пропагандистских, использовал экономические инструменты распространения своего влияния в странах, так называемого третьего мира, избавившихся от колониальной зависимости, оказывая им помощь в создании индустриального и сельскохозяйственного секторов экономики, в подготовке специалистов, а нередко и в военной сфере для из защиты от деструктивных сил как внутри этих государств, так и из-за их пределов.

Государства-лидеры капиталистического лагеря, помимо использования средств пропаганды преимуществ своей модели общественного развития и экономических инструментов влияния на внутреннюю политику государств, находившихся в сфере их политических интересов, например, плана Маршалла, им удалось сохранить преданные США политические режимы в Западной Европе. Активную работу они вели и в развивающихся странах, которая, в отличие от многовековой колониальной политики, направленной на истощение природных и человеческих ресурсов как фундаментальной основы их будущего экономического процветания, представляла собой отношения этих государств более изощренную стратегию, направленную на создание в них политических режимов, подчиненных их влиянию с использованием, с одной стороны, кредитной политики, в результате которой эти государства превращались в неплатежеспособных должников, вынужденных погашать эти кредиты за счет своих природных ресурсов, а, с другой стороны, создавали в них благоприятные условия для распространения коррупции, позволяющей обогащаться их элитам в ущерб благосостоянию

своего коренного населения, влачащего нищенское существование. И такая политика получила в политических и экономических научных знаниях определение «неоколониализм».

В отношении же стран социалистической ориентации, противостоящей стороной уже на завершающем этапе Второй мировой войны началась формироваться политика организованного противостояния СССР и странам Восточной Европы, которые по результатам Ялтинских 1943 г. и Потсдамской 1945 г. конференций стран-участниц антигитлеровской коалиции представляли так называемый Восточный блок государств, входивших в сферу влияния СССР, усилиями, в первую очередь, США и Великобритании стала формироваться стратегия противостояния распространению коммунистической идеологии в мировом масштабе, основополагающие принципы которой были оформлены в таких широко известных источниках, как план Даллеса и Фултонская речь У. Черчилля.

Если вести речь о плане Даллеса, с которым он, якобы выступил в 1945 г., не утихают споры о его подлинности, так как до настоящего времени, так и не был найден англоязычный вариант этого текста, тем не менее, несмотря на воспоминания советских чекистов, включая дневниковые записи Л.Берии от 23 апреля 1947 г., где он отметил, что «из Америки пришли интересные материалы. Не смогли взять нас силой, хотят разложить изнутри. Прямо пишут, что будут драться за людей с детских лет, будут разлагать нашу литературу и искусство и найдут для этого помощников и единомышленников внутри России» [10], в июне 2015 года Асбестовский городской суд признал текст «План Даллеса по уничтожению СССР (России)» экстремистским материалом, содержание которого направлено «на возбуждение ненависти и вражды по отношению к представителям государственной власти современной России». С 30 ноября 2016 года текст так называемого плана Даллеса был включен в Федеральный список экстремистских материалов [11]. Тем не менее, наше знакомство с этим источником убеждает нас в том, что независимо от того, существовал ли план А. Даллеса в реальности, его содержание, идеологические установки, направленные на идейное, духовно-нравственное, культурное разложение советского общества, по нашему мнению, являлись неотъемлемой частью всей послевоенной анти-советской западной политики.

В подтверждение вышесказанного и во избежание неприятностей, которые могут ожидать авторов этой публикации в результате использования материалов ими из так называемого плана Даллеса, мы процитируем другие источники и, в частности, меморандум 20/1 «Задачи в отношении России», представленный в августе 1948 года Совету национальной безопасности США по запросу министра обороны Дж. Форрестала [11], в котором указывается: «Нашими основными задачами в отношении России на самом деле являются только две следующие:

а) уменьшить мощь и влияние Москвы до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества;

б) внести фундаментальные изменения в теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России»¹ [11].

Предлагаем ещё одну выдержку из этого документа: «Совершенно ясно, что нынешние лидеры Советского Союза никогда не смогут сами воспринять концепции, подобные изложенным выше, как разумные и желательные. Точно так же ясно, что переход к доминированию таких концепций в русском коммунистическом движении в нынешних обстоятельствах означал бы интеллектуальную революцию внутри этого движения, равносильную преобразованию его политической индивидуальности и отказу от основных претензий на существование в качестве особой жизненной силы среди множества мировых идеологических течений. Такого рода концепции могли бы возобладать в российском коммунистическом движении, только если бы в результате длительного процесса перемен и эрозии, это движение изжило те импульсы, которые изначально породили его и дали ему жизненную силу, и приобрело совершенно иное, отличное от сегодняшнего, значение в мире» [11].

Нам достаточно трудно не согласиться с мнением А. Сидорчика, приводившего в своей публикации выдержки из процитированного нами Меморандума 20/1, который в завершение своей публикации пришел к выводу о том, что вся политика США в отношении СССР десятилетиями была направлена на появление условного «Горбачева», катастрофические последствия действий которого они предвидели в конце 1940-х [11].

В продолжение этой темы, меньший интерес у нас вызвала фултонская речь У. Черчилля в марте 1945 г., чья подлинность не вызывает сомнения, как и то, что, отдавая в ней должное выдающейся роли, которую сыграл Советский Союз в победе над фашистской Германией, он акцентировал внимание аудитории на послевоенном устройстве мира, отводя в нём лидирующие позиции Организации Объединённых Наций (ООН), утверждая, что главной её миссией является создание международных вооружённых сил как гаранта международной безопасности, а не решение общемировых проблем послевоенного времени, потому что второй опасностью для мирового (читайте - англо-саксонского) сообщества, которое подстерегает «семейные очаги и простых людей», является тирания [12]. Поэтому он призвал присутствующих на его выступлении, одновременно обращаясь к всему мировому сообществу, не «закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Бри-

танской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплочёнными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции» [12].

Именно этот сценарий мирового развития предлагался У. Черчиллем, полагавшим, что «...если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий, принесут миру, прошедшему жестокою школу войны, рост материального благосостояния, не виданный в истории человечества. В настоящее время...нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет, и может быть, быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия» [12].

Далее же, описывая возможные угрозы, которые таит распространение в Европе коммунистической пропаганды, исходящей от Советского Союза, якобы, строящего железный занавес между Востоком и Западом, и грозящей формированию нового мирового порядка по его сценарию, он в завершение своего выступления, тем не менее, утверждал, что во избежание повторения трагедии Второй мировой войны, «...этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 году, хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединённых Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан [12].

Таким образом, выше процитированные документы, по нашему убеждению, являются идеологической основой стратегии коллективного Запада, направленной на консолидацию его усилий, выражаясь языком современных политиков, по нанесению нашей стране стратегического поражения, превращения её в одного из сателлитов однополярного мирового порядка; и в качестве одного из инструментов этой стратегии ими на протяжении всего послевоенного времени используется коррупция как средство растления советских элит. Подтверждением тому служит утверждение директора Центра по изучению транснациональной преступности и коррупции Американского университета Л. Шелли, что «во время холодной войны мы поддерживали их коррумпированных лидеров, поскольку они были бастионом против коммунизма. Сейчас мы поддерживаем коррумпированных лидеров в новых независимых государствах (она имеет в виду лидеров бывших советских республик, прим. авт.), потому что они защищают нас от возвращения коммунизма» [13]. Повсеместная же

¹ Источник цитируется без авторских правок.

«...распространенность в них коррупции является одним из пагубных наследий советского периода, а концентрация богатства в руках бывшей номенклатуры или партийной элиты создает трудности в разрешении их внутренних проблем» [13].

Если же обратиться к материалам исследований, посвященных теме коррупции в нашей стране, то наше внимание привлеч обзор публикаций, проведенный Д. Рогозиным, отметившим, что, несмотря на достаточно продолжительную их историю в целом, еще в 1900-е годы эта тема не была популярной среди отечественных исследователей, значительно уступая количеству статей о российской коррупции, выходящих в свет в других странах. Объясняет он это обстоятельство тем, что начало детальных зарубежных аналитических разборов коррупционной культуры в современной России приходится на конец 1990-х годов, когда уже сформировалось её современное понимание как тотальной эрозии формальных институтов власти от государственных служб до представителей мелкой частной собственности. За несколько лет в западной прессе были опубликованы основные работы о коррумпированности российской власти, формировании особых, неформальных отношений, вытесняющих и замещающих прежнее понимание блата и взятки, которые уступили место сетевым откатам и распилам, в которых индивидуальное поведение уже следует интерпретировать сквозь призму институциональных особенностей коррупционных сделок [14]. Но только к середине первого десятилетия 2000-х гг. научный дискурс о коррупции в России в зарубежных исследованиях стал приобретать тотальный характер, когда в медийной и научной средах образ России стал прочно ассоциироваться с разветвленной, сложной сетью коррупционных взаимодействий [14]. И как нам представляется, это внимание к данной теме в отмеченный период времени вызвано с их стороны не случайно, ибо оно было связано с началом процесса возрождения былого величия нашей страны как великой державы. В то же время, как отмечает Д. Рогозин, «... какими бы экзотичными и перенасыщенными негативными оценками не представлялись нам работы западных коллег, нельзя отрицать устойчивый тренд по усилению восприятия ими России как сверхкоррумпированной державы» [14]. Тем не менее и в то же время, он акцентирует внимание читательской аудитории на том обстоятельстве, что «... многие заключения формулируются западными экспертами аналитически и больше опираются на дискурсивный анализ, нежели на социальные обследования или этнографические наблюдения» [14]; то есть, преимущественно содержат субъективное восприятие этого явления в нашей стране, далекое от научного подхода к исследованию состояния коррупции в России в тот период времени.

В продолжение темы нашего исследования мы вновь обратимся к публикации О.В. Кириченко, утверждающего, что фундаментальная основа современных форм коррупции в нашей стране

была заложена петровскими реформами, и объясняет он эту свою точку зрения тем обстоятельством, что именно в эпоху Петра Великого «...в государственной сфере и близкой к ней стал прививаться европейский стандарт жизни. Этим процессом были затронуты хозяйственные сферы, тесно связанные с государством, а также некоторые социальные слои, прежде всего, дворянство и купечество. Причем ориентация шла не на католический запад, а на протестантский (лютеранский), что имело свою специфику. Протестантизм тогда только становился локомотивом капиталистической экономики, поскольку именно в его интерпретации жизненный успех был сопряжен с вопросом личного спасения человека в вечности. Богатство было зримым показанием того, что тебе благоволил Бог и тебе есть чем оправдаться на Страшном суде. Конечно, это было трудовое богатство, но, тем не менее – богатство» [5]. И как отмечает этот же автор, «Россия, хотя и принялась учиться жить по-европейски, но все же оставалась православной страной и православной монархией. Хотя узкий слой дворянства и купечества, а потом и чиновничества, был только затронут европейскими переменами, именно он первым вкусил сладость плода безудержного стяжания» [5], когда именно в это время «...огромное число людей получило возможность пройти в течение одной жизни путь из «грязи да в князи», при этом накапливая не натуральный продукт, а деньги – интернациональный эквивалент обмена. Деньги становятся главным критерием высоты положения в обществе и государственной иерархии» [5]. И как отмечает О.В. Кириченко, «...это правило действовало и далее. Именно Петр I впервые столкнулся с таким явлением, как коррупция: мздоимством, казнокрадством, лихоимством. Но как великий реформатор ни старался, как ни был строг к нарушителям закона, исправить ситуацию он не мог» [5].

В развитие данной темы, автор отметил, что «...вместе со свободой и светскостью новые дворяне получили вкус к безудержному стяжанию, потеряв чувство меры, которое было присущее прежним вельможам. Принципиально иной становится та сфера, где тратились деньги. Жить по-европейски означало иметь деньги, а не натуральные продукты, и деньги немалые» [5]. И к этому образу жизни, особенно после Отечественной войны 1812 г., потянулись другие слои населения: купцы, крестьянство и духовенство, стимулировав как углубление социального расслоения в обществе, так и коррупцию, которая в эту эпоху проникла во все слои общества, «...не исключая крестьянскую. Известны многие случаи, когда крестьяне за магарыч, поставленный кулаками-мироедами, готовы были решить «миром», то или иное угодное им дело» [5].

Подводя итог своему исследованию, О.В. Кириченко приходит к выводу о том, что «коррупцию в нашей стране «породил западный, протестантский капитализм с его неудержимым стремлением человека к богатству и жажде накопления...Сейчас, когда стяжанием охвачены в Рос-

сии самые широкие слои, ... власти ведут борьбу с коррупцией и одновременно поощряют движение населения страны к обогащению. С президентской трибуны звучат слова: комфорт, комфортная жизнь как обозначение национальной идеи. Но ведь именно это движение к обогащению и порождает коррупцию, потому что порочность заключается уже в выборе порочной цели. Коррупция является лишь следствием движения к обогащению» [5].

Трудно не согласиться и с утверждением автора этого исследования, что «у России должна появиться другая национальная идея, не сопряженная с западной протестантской, религиозной целью» [5]. В то же время, только уповать на то, что, преодолев влияние западной морали на массовое сознание наших соотечественников, мы победим этот социальный недуг, вряд ли будет единственно верным решением, потому что коррупция в нашей стране стала системным явлением в силу многочисленных причин, среди которых западное влияние на её распространение в нашей стране не следует ограничивать только выше приведенными примерами. Дело в том, что как мы уже отмечали выше, экспансия коррупционной морали в советский и постсоветский периоды отечественной истории были одним из важнейших инструментов цивилизационного противостояния социалистической и капиталистической моделей общественного развития; и как свидетельствуют современные реалии, попытки так называемого демократического руководства СССР на завершающем этапе его истории и прозападноориентированных новых элит Российской Федерации, реорганизовавших свою политическую систему по западному образцу, войти в мировое сообщество в качестве равноправного стратегического партнера, встретили решительный отпор со стороны коллективного Запада, лидерами которого нашей стране была уготована совсем иная историческая миссия – источника дешевых природных ресурсов и интеллекта, а в более далекой перспективе, по прогнозам бывшего премьер-министра Великобритании, Р. Сунака, называвшего Россию страной-изгоем, лишения её и этого источника доходов [15].

Не менее уничижительное отношение к нашей стране продемонстрировала, и бывший госсекретарь США К. Райс, утверждавшая в начале XXI века, что Россия одной ногой находится в мировой системе, а другой ногой – вне ее. Исходя из этого утверждения, она отвела нашей стране роль третьесортного поставщика ресурсов на время своего существования, полагая, что она ещё может попытаться диверсифицировать свою экономику, тем не менее, характеризую нашу страну как, «... одновременно, использующую тактику XIX века или советских времен и пытающуюся быть частью международного сообщества» [16].

Если же уделить более пристальное внимание восприятию России на Западе, то, по утвержде-

нию ряда исследователей, к основным составляющим образа современной России в сознании жителей стран Запада, относятся:

- ксенофобия российского населения;
- антидемократичность и тоталитаризм государства;
- нецивилизованность и незнание норм деловых взаимоотношений;
- техническая и технологическая неразвитость;
- слабость в военном отношении, сочетающаяся с агрессивностью и неконкурентоспособностью России как участника международных отношений [17].

Стержневым среди подобных мифов (и связанных с ними стереотипных установок сознания) является миф о российском традиционализме как о причине коренной противоположности европейским ценностям толерантности, плюрализма.

Столь же сомнительное отношение к реальности имеет сегодня миф о «наступающем российском империализме», генерируемый либо воспроизводимый некоторыми западными исследователями [17].

Особую актуальность для немалой части западного сообщества имеет миф о российском «неосталинизме». Однако, как показывает анализ реальных политических практик, не только по отношению к сталинизму, но и к какому-либо иному варианту подобной «мобилизационной» стратегии, российская власть не стремится. В общественном дискурсе миф о Сталине как о противостоящем «правлящей плутократии» «народном вожде» действительно существует. И этот факт учитывается в рамках «синкретической» официальной идеологии российской власти, стремящейся преодолеть идеологические расколы 1990-х гг. и предотвратить дискуссии, способные расшатать достаточно условную стабильность и сам «путинский консенсус» 2000-х [17].

В ряду «инспирированных раздражителей» западного общественного мнения особое место занимает миф о Путине как о последовательном евразийце и неославянофиле, враждебном ценностям и устремлениям Запада. С помощью этого мифа Владимира Путина нередко преподносят западному общественному мнению как реставратора обновленной «советской модели». Там же располагается миф (и неразрывно связанный с ним стереотип) об извечном авторитарном и неосталинистском комплексе русских. Однако сегодня скорее можно говорить о консервативных умонастроениях россиян в связи с весьма неоднозначной по своим социальным последствиям эпохой «бури и натиска» 1990-х [17].

Нередко встречается на Западе миф о российском (русском) национализме — на его подъём указывают некоторые европейские исследователи, рассматривающие его как негативное явление, несовместимое с принципами западной цивилизации [17].

Большое значение для понимания отношения Запада к России имеет миф о российских олигархах. С одной стороны, последние традиционно рассматриваются общественным мнением стран Запада как деструктивная сила, некоторыми из западных экспертов ставится под сомнение легальность приобретенной ими собственности. С другой стороны, «избранные» российские олигархи могут ими допускаться в «глобальное цивилизованное сообщество» через прохождение «цивилизационных», идеологических фильтров [17].

На противоположном идеолого-политическом «полюсе» находится миф о российских либералах как о противниках действующего «репрессивного» режима и борцах за демократию. В действительности же, как отмечают отечественные исследователи, многие ключевые фигуры из числа российских либералов реально интегрированы в существующую властную систему либо стремятся в нее вернуться на привилегированных позициях; речь о какой-либо «системной перезагрузке» посредством «болотного процесса», безусловно, сегодня не идет. Главный парадокс состоит в том, что российским политикам либерального толка демократизация с привлечением «масс», равно как и подлинная «прозрачность» власти не нужны — ибо в этом случае им придется держать ответ за провал многих своих обещаний и начинаний (и шире — за итоговую неудачу либерального проекта 1990-х гг.) [17].

Подводя промежуточный итог восприятию России на Западе, мы обратимся к системному анализу этой темы Г.И. Ванштейном, который полагает, что проблему пристрастности Запада в его отношении к России следует рассматривать в двух плоскостях: во-первых, с точки зрения ее массового восприятия и, во-вторых, в плане ее восприятия элитными группами. Если в первом случае речь идет, по сути дела, лишь о более или менее пассивных «потребителях» информации, то во втором случае мы имеем дело с активными участниками процесса формирования имиджа России, реализующими в ходе этого процесса собственные интересы и добивающимися собственных целей [18].

Антироссийская пристрастность элитной части западной общественности им объясняется отнюдь не ее плохой информированностью или устойчивостью шаблонных мнений, поверхностно отражающих объективную реальность. Налицо, скорее, совершенно осознанное неприятие всего связанного с Россией, воспринимаемой как страна, не только чуждая Западу в культурном и

ценностном смысле, но и проводящая политику, ущемляющую западные интересы [18].

Как отмечает Г.И. Ванштейн, некоторые зарубежные аналитики считают, что адекватным определением негативной позиции западной элиты в отношении России является термин «русофобия». При этом одни понимают русофобию как сознательно формируемое зарубежными СМИ неприятие России, преследующее вполне определенные политические цели, тогда как другие определяют ее как некий иррациональный страх перед нашей страной, вызывающий неприязнь к ней. Безусловно, в ряде случаев русофобия, действительно, может вести к намеренному искажению образа России пишущими о ней зарубежными авторами. Однако значительно более характерным ее проявлением выступает не прямолинейная дезинформация, а субъективная расстановка акцентов и тенденциозность в отборе фактов, при которых особое внимание уделяется тем аспектам нашей жизни и политики, которые согласуются с антироссийской точкой зрения [18].

По его же мнению, новые геополитические реалии, отражающие укрепление роли России в мировой политике и мировой экономике, ведут к оживлению антироссийской риторики. Стремление России вернуть утраченные после распада Советского Союза позиции и проводить курс, продиктованный ее собственным пониманием национальных интересов, вызывает все большее раздражение многих западных политиков. В этой ситуации манипулирование образом России и спекуляции вокруг ее репутации часто становятся одним из способов противодействия подобным усилиям [18].

Вместе с тем, как отмечает Г.И. Ванштейн, по мере восстановления Россией статуса одной из ведущих держав мира, происходит не только усиление «обличительной» тональности в западных трактовках новых тенденций российской политики или же процессов внутривнутриполитического развития страны. Часть политической и интеллектуальной элиты Запада начинает болезненно реагировать на действия своих политиков и бизнесменов по отношению к России — особенно в тех случаях, когда они продиктованы соображениями реализма. Такая политика подвергается критике как недопустимое потворство отступлению официальных российских властей от принципов демократии и либеральной рыночной экономики. Это — отражение обостряющегося в сегодняшней общественно-политической жизни Запада конфликта между ценностным и прагматическим подходом к внешнеполитическим проблемам [18].

В то же время, как утверждает этот исследователь, существуют и некоторые другие причины устойчивости негативного отношения к России на Западе.

Во-первых, при всей масштабности перемен, происходящих в современной России, ее обще-

ственная жизнь продолжает характеризоваться множеством негативных явлений. Разительные контрасты и многочисленные противоречия, сохраняющиеся в жизни общества, не позволяют, и вряд ли позволят в обозримом будущем, сложить все многообразие российской реальности в некую цельную картину, которая вызывала бы у западного человека преимущественно положительные чувства.

Во-вторых, следует понимать, что, сколь бы значительными не были объективные перемены в российской реальности, они не могут повлечь за собой быстрых изменений в представлениях западной аудитории о России. В силу инерции сложившихся антироссийских стереотипов, временный разрыв между реальными изменениями в жизни российского общества и переменами в его субъективном восприятии на Западе не может не быть весьма существенным.

И, наконец, в-третьих: изменения, происходящие как во внутренней жизни России, так и в ее внешней политике, обусловлены, прежде всего, интересами самой России и ее собственным пониманием этих интересов. Все отчетливее выявляющееся стремление страны к реализации собственных целей в мировой политике порождает все новые конфликты российских и западных интересов. И наличие этих конфликтов служит существенным препятствием к улучшению представлений Запада о российской политике в частности и о России в целом [18].

Заключение.

Подводя итог нашему исследованию, мы пришли к пониманию разлагающего влияния коррупции на российское общество, тем более в условиях Специальной военной операции, требующих концентрации усилий всех его слоев на её победоносное завершение, когда нашей стране противостоит коллективный Запад, стремящийся нанести ей стратегическое поражение, используя при этом не только экономические и политические рычаги давления в контексте его русофобской политики, в основе которой, в чем мы убедились выше, заложена агрессивная исторически сформировавшаяся русофобская идеология неприязненного отношения к России как к отсталой, экономически слабой, тоталитарной политической системе и агрессору, стремящемуся не только к восстановлению её государственной целостности в границах СССР, но и пред-

ставляющей реальную угрозу для всей европейской цивилизации.

Осознавая же свою неготовность к противостоянию этой мифологической угрозе, коллективный Запад пытается дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране на фоне СВО, повысить интенсивность духовно-нравственного разложения российского общества через пропаганду неолиберальной морали и идеологии потребительского общества, одним из действенных инструментов которого является коррупция, стимулирующая духовно-нравственную деградацию личности, которая, находясь в состоянии социальной аномии, превращается в послушный инструмент манипулирования её сознанием и поведением в интересах внешних акторов цивилизационного противостояния с нашей страной, используя русофобскую истерию как неотъемлемую составляющую антироссийской политики.

Исходя из выше изложенного, мы в данной публикации неслучайно акцентировали внимание именно на внешних факторах, стимулирующих коррупцию в российском обществе, потому что они были исторически ориентированы Западом на развал уничтожение российской цивилизации, выступающей на протяжении веков одним из объективных препятствий его гегемонистской стратегии мирового господства; и в качестве одного из инструментов этой политики выступала также русофобская пропаганда. Поэтому, по нашему глубокому убеждению, пока мировое сообщество не придёт к осознанию того, что существующий мировой порядок является перманентным источником многочисленных угроз его дестабилизации, где коррупция, русофобия и ксенофобия являются неотъемлемыми составляющими государственной идеологии коллективного Запада в его стремлении к сохранению однополярного мирового порядка, основанного на установленном им правилах, коррупция и русофобия, как и другие человеконенавистнические идеологии, будут сопровождать нашу цивилизацию в качестве средства достижения государствами – лидерами несправедливой мировой политики в качестве эффективного средства реализации своих гегемонистских планов до тех пор, пока другая часть человечества, представленная, в частности, государствами глобального Юга, не направит свои коллективные усилия на формирование нового мирового порядка, основанного нормах международного права и взаимовыгодного сотрудничества.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алексеев С.В. Коррупция: социологический анализ : монография / С.В. Алексеев; Под общ. ред. О.В. Бондаренко. Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2008. 271 с.
2. Бондаренко С.В. Коррупированные общества. Ростов-н/Д., 2002. 368 с.
3. Богданов И.Я. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты / И.Я. Богданов, А.П. Калинин. М., 2001. 240 с.
4. Российская модернизация и коррупция: научное издание / П.А. Сельцовский [и др.]; Под общ. ред. М.Ю. Попова. М. : Социально-гуманитарные знания, 2011. 464 с.
5. Кириченко О.В. Духовные корни коррупции. URL : <http://hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=739&ysclid=mc1zcwcaf5416373780>.
6. Воронцов С.А. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе: монография / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д., 2015. 272 с.
7. Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России // Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17 апреля 2020 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2020. 240 с.
8. Коновалов В.А. Коррупция и ее роль в дестабилизации современного российского общества // Теории и проблемы политических исследований. 2014. № 6. С. 84–100. EDN: TJDRQP
9. Коррупция: современные подходы к исследованию : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 040200 «Социология» / В.И. Добренков [и др.]; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Социологический фак. М. : Академический проект, 2009. (Gaudeamus : учебное пособие для вузов). ISBN: 978-5-8291-1152-6 EDN: QRFXEJ
10. Чистый М. План по моральному разложению населения СССР – «План Даллеса»: фальшивка или реальность? URL : <https://kprf.ru/party-live/opinion/139745.html?ysclid=mpsirsxfvf85331088>
11. Сидорчик А. «План Даллеса» – фейк. Как США на самом деле готовили развал СССР. URL : https://aif.ru/society/history/plan_dallesa_-_feyk_kak_ssha_na_samom_dele_gotovili_razval_ssr?ysclid=mpsjo0vt6re570518304
12. Текст фултонской речи Уинстона Черчилля, 5 марта 1946 г.
13. URL : <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/Речь%20Уинстона%20Черчилля.pdf>
14. Shelly L.I. Director of the Center for the Study of Transnational Crime and Corruption at the American University. The Current State of Corruption in the Nis // Corruption in the Former Soviet Union. P.I.
15. Рогозин Д.М. Обзор публикаций о коррупции // Отечественные записки. 2012. № 2(47). С. 24–39. EDN: QYOQYP
16. Новый премьер-министр Великобритании назвал Россию «мировым изгоем». URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628>. 14 ноября 2022 г.
17. Райс считает Россию «третьесортным поставщиком ресурсов». Весь мир, 24 сентября, 2008. URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628>
18. Бирюков С. Образ современной России: западные стереотипы и российские реальности. URL : https://www.perspektivy.info/srez/val/obraz_sovremennoj_rossii_zapadnyje_stereotipy_i_rossijskije_realnosti_2013-12-31.htm?ysclid=mu2q6xczjv183768591
19. Ванштейн Г.И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас. № 1. URL : <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/rossiya-glazami-zapada-stereo-tipy-vospriyatiya-i-realnosti-interpretaczii.html?ysclid=mu2o87v97c473943359>

References:

1. Alekseev S.V. Corruption: a sociological analysis : monograph / S.V. Alekseev; Under the general editorship of O.V. Bondarenko. Shakhty : Publishing house of YURGUES, 2008. 271 p.
2. Bondarenko S.V. Corrupt societies. Rostov-on/D., 2002, 368 p.
3. Bogdanov I.Ya. Corruption in Russia: Socio-economic and legal aspects / I.Ya. Bogdanov, A.P. Kalinin. M., 2001. 240 p.
4. Russian modernization and corruption: a scientific publication / P.A. Seltsovsky, V.G. Voronin, V.S. Shukshin, M.Y. Popov; under the general editorship of M.Y. Popov. M.: Socio-Humanitarian Knowledge, 2011. 464 p.
5. Kirichenko O.V. The spiritual roots of corruption. URL : <http://hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=739&ysclid=mc1zcwcaf5416373780>.
6. Vorontsov S.A. Combating corruption in public and municipal service : monograph / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D., 2015.272 p.
7. Combating corruption at the state and municipal levels in modern Russia // Information and analytical materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. April 17, 2020 Rostov-on/D. : Publishing house of the RANEPa Law School. 2020. 240 p.
8. Konovalov V.A. Corruption and its role in the destabilization of modern Russian society // Theories and problems of political research. 2014. № 6. P. 84–100. EDN: TJDRQP
9. Corruption: modern approaches to research : textbook for students of higher educational institutions studying in the field of 040200 «Sociology» / V.I. Dobrenkov [et al.]; Lomonosov Moscow State University, Sociological Fac. M. : Academic Project, 2009. (Gaudeamus : textbook for universities). ISBN: 978-5-8291-1152-6 EDN: QRFXEJ

10. Chisty M. The plan for the moral decay of the USSR population – the «Dulles Plan»: fake or reality?// https://kprf.ru/party-live/opinion/139745.html?ysclid=mpsirs_xfvf85331088
11. Sidorchik A. «Dulles Plan» is fake. How the United States actually prepared the collapse of the USSR// https://aif.ru/society/history/plan_dallesa_-_feyk_kak_ssha_na_samom_dele_gotovili_razval_sssr?ysclid=mpsj0vt6re570518304
12. Text of Winston Churchill's Fulton Speech, March 5, 1946.
13. https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/Speech_of_%20winston_%20churchill.pdf
14. Shelly L.I. Director of the Center for the Study of Transnational Crime and Corruption at the American University. The Current State of Corruption in the Nis // Corruption in the Former Soviet Union. P.I.
15. Rogozin D.M. Review of publications on corruption // Domestic notes. 2012. № 2(47). P. 24–39. EDN: QYOQYP
16. The new British Prime Minister called Russia a «global outcast». URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628>. November 14, 2022.
17. Rice considers Russia to be a «third-rate supplier of resources». The whole world, September 24, 2008. URL : <https://regnum.ru/news/1059690?ysclid=meqvqrwbze542033628>.
18. Biryukov C. The image of modern Russia: Western stereotypes and Russian realities. URL : https://www.perspektivy.info/srez/val/obraz_sovremennoj_rossii_zapadnyje_stereotipy_i_rossijskije_realnos_ti_2013-12-31.htm?ysclid=mu2q6xczjv183768591
19. Vanstein G.I. Russia through the eyes of the West: stereotypes of perception and reality of interpretation // An inviolable reserve. № 1. URL : <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/rossiya-glazami-zapada-stereotipy-vospriyatiya-i-realnosti-interpretaczii.html?ysclid=mu2o87v97c473943359>

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
член экспертного совета
по региональной науке и образованию
Комитета Государственной Думы
по науке и образованию,
член Научного совета «Социально-политические
и демографические проблемы формирования
Евразийского экономического союза (ЕАЭС)»
при Отделении общественных наук РАН,
научный руководитель Российско-Абхазского фонда
социальных исследований, член-корреспондент
Российской академии гуманитарных наук,
директор издательства ООО «Наука и образование»
ORCID iD: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Лубский Роман Анатольевич

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Ростовский филиал
Российской таможенной академии
roma-thebest@mail.ru

Бандурин Виталий Александрович

кандидат философских наук,
доцент кафедры техносферной безопасности
и нефтегазового дела,
Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А.К. Кортюнова,
филиал ФБГОУ ВО «Донской государственный
аграрный университет»
mivital@mail.ru

Северин Игорь Владимирович

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Science and Education, Member
of the Scientific Council «Socio-Political
and Demographic Issues of the Formation
of the Eurasian Economic Union (EAEU)»
at the Department of Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Scientific Director of the Russian-Abkhazian Foundation
for Social Research, Corresponding Member
of the Russian Academy of Humanities,
Director of the Publishing House
«Science and Education» LLC
ORCID iD: 0000-0002-2090-0933
popov-52@mail.ru

Roman A. Lubsky

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Professor at the Department
of State and Legal Disciplines,
Rostov Branch of the Russian Customs Academy
roma-thebest@mail.ru

Vitaly A. Bandurin

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Technosphere Safety and Oil and Gas Business,
Novocherkassk Engineering and Land Reclamation
Institute named After A.K. Kortunov,
branch of the Don State Agrarian University
mivital@mail.ru

Igor V. Severin

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor at the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,

Краснодарский университет МВД России
pilot120558@inbox.ru

Бандурина Мария Виталиевна
курсант Воронежского института МВД России
marusikaban@gmail.com

Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
pilot120558@inbox.ru

Maria V. Bandurina
Cadet at the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
marusikaban@gmail.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-10>

УДК 32

Attribution

cc by

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пусько В.С.

Аннотация. Разрушение прежней социальной системы и становление новой предполагает поиск и внедрение новых правил взаимодействия индивидов и социальных групп, властных структур, легитимации отношений между ними, формирование безопасной среды обитания людей. Записанное в основном законе (Конституции РФ) положение о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», совершенно очевидно свидетельствует о том, что речь мы должны вести о защищенности жизни и здоровья людей, их прав и свобод, имущества, чести и достоинства граждан нашей страны [1]. Это положение основного закона заложило фундамент правового поля для формирования системы безопасности как в стране в целом, так и в ее регионах. Практика показывает, что безопасность регионов стала важнейшим компонентом безопасности личности, общества и государства. В завершение исследования автором делается вывод о том, что обеспечение безопасности страны в целом и ее регионов базируется на легитимации правопорядка, на создании основ демократического конституционализма, на приоритете индивидуальных прав и гражданских свобод населения.

Ключевые слова: государство, регион, безопасность, угрозы безопасности, обеспечение региональной безопасности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGIONAL SECURITY AS A DEVELOPMENT FACTOR SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vitaly S. Pusko

Abstract. The destruction of the old social system and the emergence of a new one involve the search for and implementation of new rules for the interaction of individuals and social groups, power structures, the legitimization of relations between them, and the creation of a safe living environment for people. Having enshrined in the fundamental law (the Constitution of the Russian Federation) the provision that «the individual, their rights and freedoms are the highest value», it is quite obvious that we must be talking about protecting people's lives and health, their rights and freedoms, property, and the honour and dignity of the country's citizens. This provision of the fundamental law laid the foundation for the legal framework for the formation of a security system both in the country as a whole and in its regions. Practice shows that the security of the regions has become a crucial component of the security of the individual, society, and the state. Thus, ensuring the security of the country as a whole and its regions is based on the legitimization of the rule of law, on creating the foundations of democratic constitutionalism, and on prioritizing the individual rights and civil liberties of the population.

Keywords: state, region, security, security threats, ensuring regional security.

Funding: Independent work.

Введение.

Регион в современной научной интерпретации понимается как локальное, гомогенное пространственное образование, имеющее физико-географическую, этнокультурную, языковую, экономическую и историческую общность, кото-

рая формируется и развивается по определенным принципам, противоречиям и законам.

Обсуждение. Результаты.

Опасности и угрозы подстерегают сегодня нас на каждом шагу. Даже не выходя из своей квартиры,

© Пусько В.С.

дома, дачи, человек подвергается разным видам опасностей: техногенных (землетрясения, извержения вулканов, цунами, наводнения и т.д.), экологических, бытовых, социальных, интеллектуальных, идеологических. А уж, когда он покидает привычную среду обитания, то эти опасности возрастают в несколько раз: лифт, дверь, кодовый замок, переход улицы, вход в метро (боязнь турникета, эскалатора, замкнутого пространства), масса неизвестных вокруг людей, каждый из которых со своими проблемами, темпераментом, настроением, болезнями, агрессивностью или доброжелательностью. Все это можно условно отнести к опасностям бытового повседневного характера.

Более высокий уровень опасностей и угроз находится в сфере труда. Не безопасно стало работать на многих предприятиях, ибо их новые хозяева мало заботятся о безопасности производства.

Можно назвать и ряд угроз, которые находятся в социальной сфере:

- бедность значительной части граждан страны, особенно в ряде ее регионов и их социальная и физиологическая деградация; усиление социальной поляризации населения;
- высокий уровень безработицы, снижение эффективности деятельности основных институтов социальной защиты и социального обеспечения;
- деклассирование промышленных и сельскохозяйственных тружеников, связанное с их уходом в торговлю, посреднические структуры, охранные учреждения;
- размывание интеллектуального ядра нации в результате «утечки умов» за рубеж, переходом ученых, педагогов, творческой интеллигенции в иные, не интеллектуальные сферы деятельности;
- увеличение масштабов антиобщественных действий преступных группировок;
- недовольство многих рядовых россиян социальной политикой местных органов власти;
- нет, нет, да и происходят акции протеста в регионах органом исполнительной власти, но они не способны оказать влияние на изменение сложившейся в этой сфере ситуации.

В настоящее время не снизилась глобальная военная опасность и значительно возросла опасность постоянного применения агрессивным киевским режимом оружия по территории нашей страны. Ежедневно над районами Крыма, Черного моря, Ростовской, Ленинградской, Курской, Белгородской и других областей средствами противовоздушной обороны уничтожаются десятки, а то и сотни дронов и ракет противника, которые нацелены на гражданские структуры, энергетические объекты страны. Эти действия

преступного киевского режима носят явно террористический характер.

Нельзя сказать, что уменьшается опасность экономическая, экологическая, криминальная, потому что введение экономических санкций против нашей страны Евросоюзом, США, Австралией и другими государствами создали определенную напряженность в обеспечении населения продовольствием, провоцируя значительное повышение цен на него.

В некоторых регионах цены на ряд продуктов повседневного спроса выросли на 20–50 %.

Колебание мировых цен на нефть и газ в связи с развязанной войной Соединенными Штатами и Израилем против Ирана также создают трудности в формировании бюджета нашей страны, что естественно отражается и на финансировании регионов.

По существующим прогнозам, криминальная опасность представляет особую угрозу региональным структурам, т.к. она непосредственно связана с повседневной психологией миллионов людей из различных слоев населения. Не является секретом и то, что в некоторых сферах жизнедеятельности общества криминальные структуры пытаются установить свой «социальный порядок», ведут «подковерную» борьбу за сферы влияния, за передел экономической собственности.

Серьезную опасность в современных условиях приобретает криминализация общественных отношений, высокий уровень организованной преступности и коррупции, не снижение масштабов терроризма, распространение наркомании.

В экономической сфере продолжается массовый вывоз капитала за границу. Продолжается хищение чужой собственности, перелив капитала в теневую экономику. Материальный ущерб от преступлений, совершенных только в кредитно-финансовой системе превышает 4,0 млрд рублей в год. Эти процессы сопровождаются сращиванием части чиновников с недобросовестными производителями, что привело к потере около 80 % контрольных пакетов акций, конкурентно способных производств. Годовые темпы роста преступлений в результате криминализации банковской сферы достигают значительных масштабов [3].

Сохраняется высокая острота криминальной обстановки на потребительском рынке. Примером тому является ежегодная торговля арбузами, которая полностью контролируется преступными группами.

Резкую реакцию людей вызывают порой несовместимые политические интересы субъектов истории и возникающие на их почве конфликты. К политическим движениям примыкают и пользуются политической нестабильностью в своих корыстных целях криминальные авторитеты,

нередко становящиеся активными участниками политических кампаний, а при определенных условиях, проникающие в различные эшелоны власти и действующие там уже легально.

Отсутствие должной культуры в политической сфере может привести к тому, что здесь будут интенсивно использоваться криминальные методы достижения поставленных целей, что значительно затруднит процесс развития регионов.

Существенную роль в усилении криминальной угрозы российскому обществу играет деморализация общественного сознания. В условиях, когда все продается и покупается, некоторые граждане приходят к выводу о том, что в нашей стране «все куплено» и поэтому индивидуальная задача каждого – если уж и продаваться, то по дорожке. В геометрической прогрессии проявляются различного вида мошеннические схемы по отъему денег у населения, особенно у людей пожилого возраста. Хотя на удочку мошенников попадают и другие слои жителей страны.

Анализ сферы культуры показывает, что потребительская стоимость многих проектов приучает людей, особенно детей и молодежь к неадекватным поступкам, насилию, превращая криминальное поведение в обыденный, неотъемлемый атрибут жизни, этакий ореол ковбойского действия. В мире кино, телевидения, детективной литературы в последнее десятилетие абсолютно доминирует криминальная тематика. По каналам центрального и местного телевидения в день показывается до 20–30 криминальных сюжетов зарубежного или отечественного производства.

Одной из проблем, создающих препятствия для развития регионов, следует считать невысокий престиж правоохранительной деятельности, утрату уважения к правоохранительным органам у значительной части населения, недоверия им. Этому способствовали два фактора:

- во-первых, в стране появилось неоправданно большое количество вооруженных людей, всякого рода охранных организаций, готовых к применению силы вне пределов строгого соблюдения требований закона;
- во-вторых, значительно усилился тотальный контроль за преступностью со стороны самой криминальной среды (передел сфер влияния).

Таким образом, происходит подмена и вытеснение государственного контроля контролем преступных сообществ. По данным МВД России, большинство граждан страны чувствуют себя в целом незащищенными от криминальных посягательств. Сотрудники правоохранительных органов, особенно на местах, в случае обращения к ним граждан с просьбой о применении к ним мер государственной защиты, не знают, как им поступать, а иногда просто издеваются над людьми [8].

Усугубляется правовой нигилизм у многих граждан, формы противоправного поведения стали рассматриваться в обществе как социально допустимые и даже обыденные. Преступная среда пополняется новобранцами, т.е. людьми, совершившими правонарушение впервые.

Вызывает тревогу преступность несовершеннолетних, на их долю приходится около 10 % противоправных действий. Участились случаи вербовки киевским режимом подростков для совершения противоправных, а иногда и террористических действий.

Определенное влияние на криминальную ситуацию в регионах России оказывают и внешние факторы.

После распада Советского Союза новая система международных отношений столкнулась с целым рядом вызовов и реальных угроз, непосредственным образом сказывающихся на внутренней безопасности нашего общества и сопровождающихся ростом и распространением наиболее опасных видов транснациональных преступлений:

- распространения наркотиков;
- торговли оружием;
- международного терроризма;
- межэтнического и межконфессионального противостояния.

Особенно неблагоприятными в этом плане являются такие регионы, как Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея, Ставропольский и Краснодарский края. В связи с событиями на Украине неспокойно стало и в Ростовской области [4].

Население Восточной Сибири и Дальнего Востока с некоторой опаской относится к возможному увеличению в эти регионы миграции из Китая. Китай – дружественный наш сосед и ведет очень гибкую политику, не предъявляет никаких территориальных претензий. Вместе с тем, надо учитывать то, что численность населения тех провинций Китая, которые граничат с регионами России, соотносится примерно 20:1. Низкая заселенность восточных районов страны может осложнить ситуацию.

Внутренняя безопасность регионов России выступает важнейшим фактором становления новой системы общественных отношений, связанных с защитой личности, общества и государства от угроз, исходящих от противоправных посягательств на права и свободы людей, общественный порядок, культуру, традиции, обычаи, нормы поведения граждан страны. Она представляет собой социально-правовую категорию, формирующуюся в результате соблюдения и исполнения правовых, моральных норм, следования сложившемуся укладу жизни, уважения

культуры, языка других народов каждым законопослушным гражданином страны [5].

«Мы должны поддерживать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни», — подчеркивает Президент страны В.В. Путин [2].

В новой концепции национальной безопасности Российской Федерации уточнены общие задачи по ее обеспечению. В плане реализации этих задач к проблемам обеспечения безопасности регионов страны можно отнести:

- своевременное выявление и прогнозирование внутренних угроз безопасности в каждом регионе;
- реализацию оперативных и долгосрочных мер по предотвращению и нейтрализации внутренних опасностей и угроз;
- обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, безопасности ее пограничного пространства;
- подъем экономики каждого региона, проведение государством независимого социально ориентированного экономического курса;
- обеспечение на территории каждого региона личной безопасности человека, его конституционных прав и свобод;
- совершенствование системы региональной власти, федеративных отношений, местного самоуправления;
- расширение деятельности региональных и субрегиональных общественных структур;
- формирование гармоничных межнациональных отношений;
- укрепление правопорядка и сохранение социально-политической стабильности в каждом регионе;
- обеспечение неукоснительного соблюдения законодательства РФ на всей территории всеми гражданами, должностными лицами, местными органами, политическими партиями, общественными и религиозными организациями;
- коренное улучшение экологической ситуации в стране в целом, особенно в регионах, подверженных техногенным угрозам и опасностям [6].

Нет сомнения в том, что среди приоритетных задач возрождения России и стабильного развития всех ее регионов, является задача сохранения и подготовки профессиональных, преданных своему делу кадровых работников в области государственного и муниципального управления, местного самоуправления, правовых структур,

руководства общественными организациями и объединениями, обеспечения безопасности во всех сферах жизнедеятельности общества.

Именно поэтому в условиях, проводимых в нашей стране реформ, развитие науки о безопасности и совершенствование системы подготовки кадров должны быть поставлены на уровень важнейших государственных и социальных задач. Значительным прогрессивным шагом в этом направлении явилось привлечение в структуры власти граждан страны, принимавших участие в Специальной военной операции [5].

Особая роль в регионах России по обеспечению безопасности отводится коллективам предприятий, учреждений и организаций, народным дружинам, общественным, религиозным объединениям. Укрепление сплоченности коллективов, повышение гражданской бдительности, привитие толерантности — важнейшие направления деятельности этих структур гражданского общества.

Безусловно, каждая из этих структур должна быть наделена соответствующими правами и обязанностями, обладать определенной компетенцией, преследовать четко поставленные цели, иметь информационное, методическое, ресурсное и другие виды обеспечения [7].

В настоящее время важнейшую роль в поддержании и обеспечении безопасности в регионах страны выполняют профессиональные работники правоохранительных органов и других силовых структур. К людям, занятым подобным видом деятельности, предъявляются повышенные требования, и они должны обладать рядом достаточно развитых качеств, среди которых можно выделить:

- принципиальность;
- нетерпимость к нарушителям закона;
- справедливость;
- уважение к гражданам своей страны и других государств;
- компетентность, требовательность, способность действовать с минимальными ошибками;
- толерантность и доброжелательность, которые, в совокупности и способствуют формированию у них высокого профессионализма [8].

К сожалению, нередко еще случаи, когда при возникновении нестандартной ситуации в регионе местные правоохранительные органы неспособны грамотно провести следственные мероприятия, принять адекватные решения и обеспечить безопасность граждан в каждом конкретном случае. И тогда в регион командировются следственно-оперативные группы из Москвы или других крупных центров. Но при этом теряется драгоценное время для раскрытия того или иного преступления по горячим следам [8].

Заключение.

Таким образом, обеспечение безопасности страны в целом и ее регионов базируется на легити-

мации правопорядка, на создании основ демократического конституционализма, на приоритете индивидуальных прав и гражданских свобод населения.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
2. Путин В.В. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Российская газета 1 марта 2024 г.
3. Белова Л.А. Проблемы и направления обеспечения экономической безопасности региона / Л.А. Белова, М.В. Вертий // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 34(2). С. 34–41. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-10946 EDN: JNTYRO
4. Казаков М.Н. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России // Регионоведение. 2011. № 3(76). С. 40–46. EDN: OHLMRX
5. Авилова В.В. Регионы России «Общество знания» как условие реализации стратегии модернизации инновационного развития / В.В. Авилова, Э.М. Андреев, В.С. Пусько. Казань : Изд. КНИТУ, 2013.
6. Кадохов В.А. Местное самоуправление как институт демократии // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1(55). С. 85–89. EDN: PXXQHP
7. Кайгородцев А.А. Оценка состояния социальной безопасности России // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2019. № 2. С. 72–85. EDN: XDFBSR
8. Пшидаток М.Р. Деятельность правоохранительных и правоприменительных органов по обеспечению безопасности личности в России // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 210–215. EDN: PYPPYL

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. M., 1993.
2. Putin V.V. Address of the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly on February 29, 2024 // Rossiyskaya Gazeta, March 1, 2024.
3. Belova L.A. Problems and Directions for Ensuring the Economic Security of the Region / L.A. Belova, M.V. Vertiy // Natural and Humanitarian Research. 2021. № 34(2). P. 34–41. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-10946 EDN: JNTYRO
4. Kazakova M.N. Regional security in the system of Russia's national security // Regionology. 2011. № 3(76). P. 40–46. EDN: OHLMRX
5. Avilova V.V. Regions of Russia: «Knowledge Society» as a Condition for Implementing the Strategy of Modernization and Innovative Development / V.V. Avilova, E.M. Andreev, V.S. Pusko. Kazan : Publishing House of KNRTU, 2013.
6. Kadokhov V.A. Local Self-Government as an Institution of Democracy // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2013. № 1(55). P. 85–89. EDN: PXXQHP
7. Kaigorodtsev A.A. Assessment of the state of social security in Russia // Bulletin of the Moscow University of Finance and Law, MFUA. 2019. № 2. P. 72–85. EDN: XDFBSR
8. Pshidatok M.R. The Activities of Law Enforcement and Law Enforcement Agencies in Ensuring Personal Security in Russia // Society and Law. 2012. № 2(39). P. 210–215. EDN: PYPPYL

Информация об авторе

Пусько Виталий Станиславович

доктор философских наук,
профессор,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации
Pusko.vitaly@yandex.ru

Vitaly S. Pusko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Honored Worker of Higher Education
of the Russian Federation
Pusko.vitaly@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Сетевое издание / Online edition

№ 3 от 25.09.2026

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор
Упоров Иван Владимирович

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
д-р истор. наук, доцент
Медведев Валерий Иванович

д-р истор., д-р социол. наук, профессор
Касьянов Валерий Васильевич

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.09.2026
Подписано к публикации 25.09.2026

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-79416 от 13 ноября 2020 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id.yug2016@gmail.com